

ISSN 2076-8915 (Print)
ISSN 2409-9007 (Online)

Научный журнал

**ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ**

**Том 29, № 3
2025**



<http://pdt.volnc.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»



ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 29, № 3*

Вологда • 2025

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (ООО «Марфино», Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Агентство мониторинга и социологических исследований, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Методическое обеспечение наиболее острых вопросов регионального развития	7
---	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Копытова Е.Д., Просуков С.С.

Проблемы функционирования малого и среднего предпринимательства в контексте обеспечения пространственного развития региона	10
---	----

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Невьянцева Л.С., Акбердина В.В.

Методический подход к оценке эффективности реализации региональной инвестиционной политики в контексте обеспечения технологического суверенитета экономики	38
--	----

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Ворошилов Н.В.

Территориальная специфика развития сельского хозяйства: сравнительный анализ соседних муниципалитетов Вологодской и Ленинградской областей	59
---	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Косыгина К.Е., Михалко Н.Н.

Инициативное бюджетирование в России и Вологодской области: общее и особенное	78
--	----

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Исаев А.П., Углов Д.А.

Влияние электронной коммерции на качество жизни населения крупнейшего города Уральского региона 93

Калашников К.Н.

Трансформация потребления базовых продовольственных групп в России в постсоветский период 113

Самарина В.П., Скуфына Т.П.

Динамика и факторы изменения заработной платы в Архангельской области: тенденции и перспективы 131

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: март 2025 года 146

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Об итогах Всероссийской научно-практической конференции «Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов» 160

Правила для авторов 163

Информация о подписке 164



CONTENTS

FROM THE EDITOR

Uskova T.V.

Methodological Support for the Most Pressing Issues of Regional Development 7

STATE REGULATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Kopytova E.D., Prosukov S.S.

Small and Medium Entrepreneurship Functioning Issues in the Context of Ensuring
the Region's Spatial Development 10

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Nev'yantseva L.S., Akberdina V.V.

Methodological Approach to Assessing the Effectiveness of Regional Investment
Policy Implementation in the Context of Ensuring the Technological Sovereignty
of the Economy 38

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Voroshilov N.V.

Territorial Specifics of Agricultural Development: Comparative Analysis of Neighboring
Municipalities of the Vologda and Leningrad Regions 59

TERRITORIAL FINANCE

Kosygina K.E., Mikhalko N.N.

Participatory Budgeting in Russia and the Vologda Region:
Common and Special Features 78

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Isaev A.P., Uglov D.A.

E-Commerce Impact on the Quality of Life of the Largest City in the Urals Region 93

Kalashnikov K.N.

Transformation of Consumption of Basic Food Groups in Russia in the Post-Soviet Period ... 113

Samarina V.P., Skufina T.P.

Dynamics and Factors concerning Wage Changes in the Arkhangelsk Region:

Trends and Prospects 131

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy: March 2025 146

CRONICLE OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

On the Results of the All-Russian Research-to-Practice Conference “Agglomeration

Processes in the Regions of Russia: Features and Problems of Promoting

Positive Effects” 160

Author guidelines 163

Subscription Information 164



ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.



ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
заслуженный деятель науки РФ
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ОСТРЫХ ВОПРОСОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

На современном этапе в социально-экономическом и пространственном развитии российских территорий сохраняется ряд острых проблем, требующих внимания со стороны не только органов власти и управления, но и ученых-регионалистов. Научные подходы к решению некоторых из них отражены в текущем номере журнала.

Статья *Е.Д. Копытовой* и *С.С. Просукова* посвящена проблеме снижения неоднородности пространственного развития региона на основе деятельности малого и среднего предпринимательства. Авторы подчеркивают, что локализация населения и экономической активности в крупных и крупнейших городах усугубляет проблему высокого территориального неравенства. Для ее преодоления, по мнению авторов, органам государственной власти и местного самоуправления следует скорректировать политику пространственного развития, а также активнее поддерживать предпринимательские инициативы на местах.

Достижение технологического лидерства – одна из стратегических задач российской экономики. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос об эффективности инвестиционной политики. В работе *Л.С. Невьянцевой* и *В.В. Акбердиной* предложен методический подход к оценке эффективности

Для цитирования: Ускова Т.В. (2025). Методическое обеспечение наиболее острых вопросов регионального развития // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.1

For citation: Uskova T.V. (2025). Methodological support for the most pressing issues of regional development. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.1

реализуемой региональной инвестиционной политики. Авторы выявили влияние отдельных показателей инвестиционной деятельности на уровень инновационно-технологического потенциала регионов и обосновали возможность достижения технологического лидерства путем формирования пула перспективных межрегиональных инвестиционных проектов.

Н.В. Ворошилов раскрывает территориальную специфику развития сельского хозяйства в двух соседних регионах – Вологодской и Ленинградской областях. В фокусе внимания автора ключевые факторы развития сельского хозяйства периферийных муниципальных образований. Выявлено, что сельское хозяйство играет значимую роль в экономике только двух муниципалитетов изучаемых регионов. Несмотря на рост отдельных показателей, продолжается сжатие производственной базы локальных территорий: сокращаются посевные площади, снижается поголовье скота. Обосновано, что выявленные негативные тенденции требуют уточнения приоритетов и инструментов управления развитием сельского хозяйства, способных остановить процесс локационного сжатия периферийных территорий региона.

Развитию самоорганизации местных сообществ, увеличению вклада граждан в развитие территории и их включению в бюджетные процессы способствует инициативное бюджетирование. *К.Е. Косыгина* и *Н.Н. Михалко* выявляют особенности применения этого инструмента в России и Вологодской области и делают вывод о том, что устранение обнаруженных проблем регионального управления даст новый импульс развитию территорий.

А.П. Исаев и *Д.А. Углов* изучают воздействие процессов цифровизации экономики на качество жизни населения. Их статья посвящена оценке влияния электронной коммерции на качество жизни населения крупнейшего города. Обосновано, что с каждым годом электронная торговля становится все

более значимым фактором повышения качества жизни населения. Этот вывод базируется не только на анализе данных Росстата, но и на результатах опроса населения и интервью экспертов.

Вопросу повышения качества жизни населения посвящена также статья *К.Н. Калашикова*. Исследуется трансформация структуры потребления россиянами продуктов питания. Подчеркивается отсутствие существенных изменений в калорийности питания жителей страны, тогда как питательная ценность потребляемых продуктов, прежде всего выражающаяся в содержании белка, демонстрирует заметный рост. Отмечается, что позитивные изменения в структуре питания связаны с ростом потребления мясо- и рыбопродуктов, фруктов и овощей, а также снижением потребления сахара. Однако по ряду важнейших продуктов питания имеет место отставание от рациональных норм потребления, рекомендуемых Минздравом России.

Изменения заработной платы как основного источника дохода населения рассмотрены в работе *В.П. Самариной* и *Т.П. Скуфьиной*. Показан устойчивый рост среднемесячной начисленной заработной платы, выявлена существенная отраслевая дифференциация, а также ключевые факторы, определяющие ее динамику. Сделан вывод о том, что неудовлетворенный и все возрастающий спрос на труд, прежде всего высококвалифицированных кадров, тормозит рост экономики региона и оказывает негативное влияние на качество жизни населения.

Завершают выпуск журнала результаты мониторинга экономики СЗФО, подготовленного *М.А. Сидоровым* и *Е.В. Лукиным* по итогам марта 2025 года.

Надеемся, что статьи номера будут интересны читательской аудитории нашего журнала – исследователям проблем региональной экономики, а также представителям органов управления регионального и муниципального звена.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.2

УДК 334.012.64 | ББК 65.290.31

© Копытова Е.Д., Просуков С.С.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

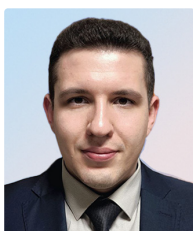


ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА КОПЫТОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук Вологда, Российская Федерация

e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6406-3148; ResearcherID: I-8190-2016



СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ПРОСУКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: saint_ps@mail.ru

В пространственном развитии регионов России продолжает сохраняться тенденция локализации населения в крупных и крупнейших городах, при этом доля жителей малых и средних городов, сельской местности снижается. В результате усугубляются проблемы высокого межрегионального и внутритерриториального неравенства, стягивания ресурсов и факторов роста в центры экономической активности, слабого межтерриториального взаимодействия в реализации крупных производственных проектов и др. В новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года источник роста средних и малых городов, сельских поселений видится, кроме всего иного, в содействии диверсификации занятости и поддержке предложений и инициатив населения в предпринимательской сфере. Это обусловило выбор цели данной работы – выявление проблем развития малого и среднего предпринимательства (на примере муниципальных образований Вологодской области) в контексте обеспечения пространственного развития территорий. В результате проведенного исследова-

Для цитирования: Копытова Е.Д., Просуков С.С. (2025). Проблемы функционирования малого и среднего предпринимательства в контексте обеспечения пространственного развития региона // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 10–37. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.2

For citation: Kopytova E.D., Proskov S.S. (2025). Small and medium entrepreneurship functioning issues in the context of ensuring the region's spatial development. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 10–37. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.2

ния определены проблемы в сфере осуществляемых мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства локальных территорий, направленных на создание условий для сокращения уровня межрегиональных и внутрирегиональных различий. Установлено, что они зачастую носят формальный и несистемный характер. Анализ нормативно-правового регулирования данной сферы выявил отсутствие унифицированного подхода в предоставляемых мерах поддержки (на федеральном и региональном уровнях), что приводит к дублированию ряда реализуемых проектов. Установлено, что, несмотря на кратный рост объемов оказываемых мер поддержки, наблюдается снижение количества субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях Вологодской области. Это связано с недостатками в части организационной, информационной и инфраструктурной составляющей данного процесса (в частности, низкий уровень доступности различных мер поддержки; нехватка площадок, пригодных для организации производства; снижение численности населения в сельской местности и др.). Результаты работы могут быть полезны органам государственной власти и местного самоуправления при совершенствовании политики пространственного развития территорий, реализации проектов поддержки предпринимательских инициатив; представителям предприятий – при выборе форм поддержки; научным сотрудникам – при изучении схожей тематики.

Пространственное развитие, малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, Стратегия, сельские территории, муниципальный уровень.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Заявленные в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года¹ задачи, направленные на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий за счет повышения устойчивости системы расселения и конкурентоспособности экономик субъектов РФ путем социально-экономического развития городов и сельских территорий, обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций и др., остались не до конца реализованными.

В новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года² акцент сделан на закреплении понятия и

перечня опорных населенных пунктов, а также развитию данных территорий. Это связано с сокращением числа жителей в малых и средних городах (с 2002 по 2021 год на 7,4%), сельской местности (на 4%) при одновременном увеличении населения в городских агломерациях (на 20,4% возросло число жителей городов с численностью населения более 500 тыс. чел.; на 4,8% – с населением более 1 млн чел.). Стоит отметить, что наибольшее снижение доли сельского населения с 2002 по 2021 год зафиксировано в Центральном и Северо-Западном федеральных округах – на 16,9% (с 8,3 до 6,9 млн чел.)³. В связи с этим одним из приоритетных направлений реализации новой Стратегии названо сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: https://economy.gov.ru/material/file/31593409eddf606620f49806c6ece205/130219_207-p.pdf

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/ttXJZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQA8SYR91B.pdf>

³ Там же.

экономическом развитии субъектов РФ благодаря содействию диверсификации занятости и поддержке предложений и инициатив населения в предпринимательской сфере, в том числе в сельской местности.

В исследованиях как зарубежных (Bartik, 1989; Aslund, 1997; Barrios, Strobl, 2009; Bartz, Winkler, 2016; Burns, 2016 и др.), так и отечественных (Гринберг, 2011; Бухвальд, 2016; Винслав, 2017 и др.) ученых доказано, что немаловажную роль в решении региональных социально-экономических проблем, в том числе в сглаживании неравномерностей в развитии территорий, играет сектор малого и среднего предпринимательства (МСП). В частности, как указывают исследования (Колесникова, 2000; Таловский, 2005; Гулин и др., 2017), данный сектор представляет самую разветвленную сеть организаций и индивидуальных предпринимателей, влияющих на развитие экономики в муниципальных образованиях и межмуниципальных связях региона; удовлетворение локального потребительского спроса; развитие конкурентной среды в экономике региона; уровень доходов населения и др.

МСП ввиду его массовости и небольшого размера, управленческой и производственной гибкости способно своевременно реагировать на изменяющуюся конъюнктуру рынка (Головина, 2013; Шарыгин, Кротов, 2014; Кремин, 2022). Малому и среднему предпринимательству приписывается важное значение «для обеспечения социальной стабильности, возможностей повышения темпов экономического роста и производительности»⁴.

Кроме того, как отмечают Е.М. Бухвальд и И.С. Бессонов, малые предприятия, которым свойственна гибкость и адаптивность, оказывают значительное влияние на формирование пространственной структуры экономики региона, играя немаловажное

значение в диверсификации экономики, повышении уровня жизни населения и др. (Бухвальд, Бессонов, 2025).

С учетом преимуществ малых и средних форм предпринимательства решение задач управления развитием данного сектора экономики является одним из приоритетных направлений в деятельности органов государственной власти и выражается в осуществлении государственной поддержки.

Современный этап социально-экономического развития страны наряду с многими факторами характеризуется также и тем, что органы власти, определяя направления государственной политики, должны учитывать возможности происходящих в регионах бизнес-процессов и, соответственно, создавать условия для развития бизнеса, упрощения «порога входа» на рынок, привлечения предпринимательских структур к активному участию в инвестиционной деятельности. В последние годы государственная политика по вопросам развития предпринимательства обогатилась новыми инструментами. Это нашло отражение как в принятии важнейших законодательных актов и концептуальных документов, так и в конкретной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В частности, в настоящее время Правительством Российской Федерации выделяются значительные денежные средства на поддержку предпринимательства с целью повышения уровня инвестиционного потенциала регионов, развития местных территорий и отраслей производства.

Согласно национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы», в результате осуществляемых мер поддержки в Российской Федерации к концу 2024 года планировалось увеличить долю МСП в ВВП страны до 32,5%⁵. Однако его

⁴ Гуттиэррез Э., Клепикова Е., Левитанская Е. (2019). Расширение возможностей для доступа субъектов микро-, малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам в России за счет развития инновационных источников финансирования: аналитическая записка. Группа Всемирного Банка. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/0d055823-c5c0-5a12-8013-67659a3db247/content> (дата обращения 19.02.2024).

⁵ Паспорт Национального проекта «МСП и поддержка предпринимательской инициативы». URL: <http://static.government.ru/media/files/uahTsGOc72APotUEQUjhoENhq1qYz4H.pdf> (дата обращения 18.11.2024).

доля, по данным на 2023 год, составила лишь 20% (в 2022 году значение достигало 21%)⁶. Что касается Вологодской области, стоит отметить, что доля МСП в ВРП по состоянию на начало 2024 года составляет 10,2%, что на 8,9 п. п. ниже уровня 2022 года (19,1%)⁷.

Данные факты ставят под сомнение целесообразность и адресность осуществляемых государственных мер, выбранные направления и инструменты реализации различных программ и проектов для поддержки бизнеса.

В связи с этим цель нашего исследования заключается в выявлении проблем развития малого и среднего предпринимательства (на примере муниципальных образований Вологодской области) в контексте обеспечения пространственного развития территорий. Для достижения цели авторами были поставлены и решены следующие задачи:

- выявлены недостатки в нормативно-правовой базе, регулирующей государственную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ;

- выделены особенности и проблемы деятельности данного сектора экономики; установлены барьеры и недостатки оказываемых мер поддержки на локальном уровне (на примере муниципальных образований Вологодской области), влияющие на развитие территории;

- на основании проанализированных мер государственной поддержки и выявленных недостатков предложены рекомендации для их устранения, которые будут способствовать развитию как данного сектора экономики, так и территории в целом.

Научная новизна исследования заключается в применении междисциплинарного подхода (экономический и нормативно-правовые аспекты) в изучении этого вопроса, на основании чего обосновано, что осуществляемые меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, функционирующие на локальных территориях, зачастую носят формальный характер, не в полной мере способствуют развитию данного сектора экономики, а также имеются законодательные нарушения на различных этапах поддержки. Исходя из этого авторами предложены соответствующие рекомендации для органов государственной власти.

Данные и методы

Информационной базой выступили официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации; нормативно-правовые акты и документы стратегического развития Российской Федерации и ее субъектов; материалы периодических изданий и интернет-ресурсы; труды отечественных и зарубежных ученых в области пространственного развития территорий, в части вклада малого и среднего бизнеса в социально-экономическое развитие. Помимо этого, в статье использовались оперативные данные работы органов власти и управления Вологодской области. Для характеристики деятельности предприятий малого и среднего бизнеса Вологодской области собрана информация об их функционировании в 2016–2024 гг.; о реализованных национальных проектах, направленных на осуществление различных мер поддержки данных организаций.

Данные и методы

Для обоснования актуальности развития предпринимательского сектора на местном уровне в соответствии с обновленной Стратегией пространственного развития РФ, а также для характеристики современного состояния малого и среднего предпринимательства (на примере муниципальных образований Вологодской области) были использованы методы выборки, группировки, систематизации, обобщения и сопоставления. Для выявления проблем в государственной поддержке предпринимательских

⁶ Доля малого и среднего бизнеса в ВВП России превысила 20% // Официальный сайт Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области. URL: <https://mii.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/23-10-2023-14-44-38-dolya-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-rossii-prevy> (дата обращения 18.11.2024).

⁷ Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. ВРП. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/vrp>. (дата обращения 21.11.2024).

инициатив, разработки предложений по их устранению с целью обеспечения сбалансированного пространственного развития территорий применялись системный и логический подходы, а также различные приемы визуализации данных.

Теоретические аспекты исследования

В настоящее время в главном стратегическом документе страны обозначена задача создания условий для расширения свободы предпринимательства как одного из источников роста экономики.

Эффективное развитие малого и среднего бизнеса является одним из ключевых факторов устойчивости регионов, в значительной степени определяет социальную стабильность, предоставляет возможности для реализации экономического потенциала. Как отмечает Т.А. Илюшникова, в России действует 6,5 млн предприятий данной формы хозяйствования, в то время как в 2020 году их было 5,6 млн (Илюшникова, 2025). Более 10 млн человек зарегистрированы в качестве самозанятого. Увеличилась и доходность предприятий МСП: их доход составляет около 120 трлн руб., что на 35 трлн руб. больше, чем в 2021 году; выручка в 2023 году равнялась 25,8 трлн руб., что значительно выше результатов 2019–2022 гг. Кроме того, по итогам 2023 года налоговые отчисления и страховые взносы от МСП без учета нефтегазового сектора составили более 9 трлн руб. – треть бюджета страны. В настоящее время малое и среднее предпринимательство становится все более значимым сектором экономики России, внося значительный вклад в ВВП страны (20–22%).

Н.Е. Егорова, С.П. Бушанский подтверждают значимость МСП, которое обеспечивает 60–80% занятости трудоспособного населения, а также вносит весомый вклад в государственный бюджет и является важной статьей экспорта. Посредством данного сектора экономики осуществляются перераспределение финансовых и трудовых ресур-

сов, освоение территорий с низким уровнем занятости населения, заполнение пустующих рыночных ниш, повышение уровня рыночной конкуренции и т. д. (Егорова, Бушанский, 2024).

Одновременно с этим С.Р. Борисов и И.Н. Ефременков считают вклад МСП незначительным, говоря о нераскрытом потенциале российского малого и среднего бизнеса (Борисов, Ефременков, 2023). Авторы отмечают, что на мировом уровне эти значения составляют порядка 80% (например, в ЕС и Японии).

Такого же мнения придерживается А.В. Виленский, который говорит о том, что показатели деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах России и стране в целом (доля занятых, вклад в ВРП и ВВП и т. п.) длительно и устойчиво отстают от аналогичных показателей большинства зарубежных стран. За рубежом на долю занятых в секторе МСП приходится 45–75% от общей численности рабочей силы. В России доля работников предприятий данной формы собственности составляет 15,1%. Доля занятых на малых и средних предприятиях существенно отличается от региона к региону – ее значение изменяется от 24 до 1,7%. При этом численность занятых в малом и среднем бизнесе России сокращается уже более 10 лет (Виленский, 2021).

В одном из своих докладов «Борьба за малый и средний бизнес, или Сизифов труд»⁸ С.Р. Борисов говорит, что малый бизнес активно развивался до 2008 года, затем темпы снизились, а с 2012 года наблюдается стагнация. Одной из причин этого является недостаток инновационных разработок в данном секторе в российской экономике, что связано с низким количеством таких субъектов хозяйствования. В своем выступлении С.Р. Борисов заострил внимание на том, что их должно быть в два раза больше и их вклад в экономику должен быть выше. По его подсчетам, удельный вес инновационных товаров, произведенных МСП, состав-

⁸ Малый бизнес: улучшать регулирование и повышать эффективность // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/edu/520270128.html> (дата обращения 19.05.2025).

ляет всего 2,36%, а затраты на инновационную деятельность малого бизнеса оцениваются в 27,3 млрд руб., что составляет всего 0,1% от их оборота. На мировом уровне инновационные разработки являются прерогативой малого бизнеса.

Проблему низкого объема инновационных разработок в секторе МСП отмечают и представители Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России». Они говорят о необходимости создания условий для повышения эффективности ведения бизнеса за счет совершенствования законодательного регулирования, особенно в части ограничения административного давления на бизнес. По результатам опросов предпринимателей, их расходы, связанные с проверками, составляют примерно 6% от оборота. Кроме этого, как подчеркивает С.Р. Борисов, в России контролирующие органы осуществляют в основном карающие функции: число штрафов в 3–4 раза превышает число предупреждений⁹.

В период пандемии COVID-19 был принят ряд мер, направленных на сохранение и развитие деятельности предприятий данных форм собственности. На показатели функционирования малого и среднего бизнеса они повлияли незначительно (Борисов, Ефременков, 2023). В частности, были снижены ставки страховых взносов и размер пени за просрочку уплаты налогов; направлены средства на реализацию антикризисной программы льготного кредитования; введены кредитные и налоговые «каникулы» для бизнеса; предоставлена возможность автоматического продления некоторых лицензий и др. Вместе с тем вклад малого и среднего предпринимательства в ВВП не изменился, а численность субъектов МСП выросла на 1,1% за 2019–2023 гг., в основном за счет индивидуальных предпринимателей; число юридических лиц снизилось на 14,5%.

⁹ Малый бизнес: улучшать регулирование и повышать эффективность // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/edu/520270128.html> (дата обращения 19.05.2025).

¹⁰ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144

Это свидетельствует о сохранении проблем развития МСП, в том числе в части их нормативно-правового регулирования, в связи с чем актуальным становится выявление недостатков в нормативно-правовой базе, регулирующей государственную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ.

Нормативно-правовая база, регулирующая государственную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства

Поскольку малое и среднее предпринимательство способствует развитию территории присутствия, управленческое воздействие на его функционирование (Тореев, Вороновская, 2002; Мезенцева, 2008; Кузубов и др., 2018; Капкаев и др., 2019; Wilson, 2014) и осуществление государственной поддержки будут оказывать содействие в создании благоприятных правовых, организационных и экономических условий для развития предпринимательской деятельности, обеспечения сбалансированного пространственного развития региона.

В настоящее время основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства, является Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», где под государственной поддержкой МСП понимается деятельность органов государственной власти РФ, субъектов РФ, местного самоуправления, организаций, которая осуществляется в целях развития малого и среднего предпринимательства в соответствии с государственными и муниципальными программами (подпрограммами)¹⁰.

Значимость развития МСП для экономики страны подтверждает и принятая в 2016 году Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской

Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года № 1083-р, целевым ориентиром которой стало увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства с целью улучшения отраслевой структуры экономики, социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости. Согласно данной Стратегии, основным государственным институтом, регулирующим вопросы развития малого и среднего бизнеса, стало акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (Корпорация МСП). Это привело к централизации большинства процессов управления

и переходу на новый этап взаимодействия субъектов исследуемого сектора экономики и государства (Кремин, 2022).

Особое место в системе стратегических документов в данной сфере занимает национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который с 2025 года продолжается в рамках нового национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» (табл. 1).

Следует отметить, что на региональном уровне тоже разрабатывались и реализовывались проекты, которые декомпозировали цели и задачи федеральных. На территории Вологодской области после их окончания

Таблица 1. Регулирование поддержки МСП, реализуемое в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»

До 2025 года		С 2025 года
Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»		Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»
НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»		НП «Эффективная и конкурентная экономика»
Направление «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»		н/д
Региональный проект до 2020 года	Региональный проект с 2021 года*	2025 год**
Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности	Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятым гражданами	н/д
Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию	Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса	н/д
Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства	Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства	н/д
Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации	-	н/д
Популяризация предпринимательства	-	н/д
* 20 января 2021 года ряд региональных проектов закончил свое действие, также на уровне Министерства экономического развития были даны разъяснения и рекомендации с внесением изменений в нацпроект «МСП», что послужило основанием для обновления региональной составляющей.		
** В 2025 году Вологодская область участвует в 13 национальных проектах, часть из которых включает в себя несколько региональных программ.		
Источник: составлено авторами.		

в 2024 году и реструктуризации на начало 2025 года дополнительные проекты не опубликованы в официальных источниках. Данное обстоятельство, по нашему мнению, можно расценивать не как нежелание органов власти оказывать поддержку предпринимательским структурам, а в качестве аспекта структурирования и упразднения нормативной документации.

О чрезмерной бюрократизированности, громоздкости проектов и программ и, вопреки всему, небольшом охвате бизнеса говорили в 2023 году глава Сбербанка Г.О. Греф и председатель Банка России Э.С. Набиуллина. Так, Г.О. Греф видит недоступность программ господдержки в их большом количестве, отсутствии унифицированного подхода и невозможности их

автоматизирования: «У нас по стране порядка 250 мер поддержки есть, в этом море очень тяжело плавать. Зачастую предприниматели не могут сориентироваться, какие меры они могут использовать, куда обращаться»¹¹. По мнению Э.С. Набиуллиной, проблемы кредитования малого и среднего бизнеса заключаются в том, что меры государственной поддержки охватывают небольшую часть бизнеса.

Кроме того, на территории Вологодской области также принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы развития малого и среднего предпринимательства, включая поддержку и стимулирование предпринимательской деятельности, создание благоприятных условий для инвестирования (рис. 1).

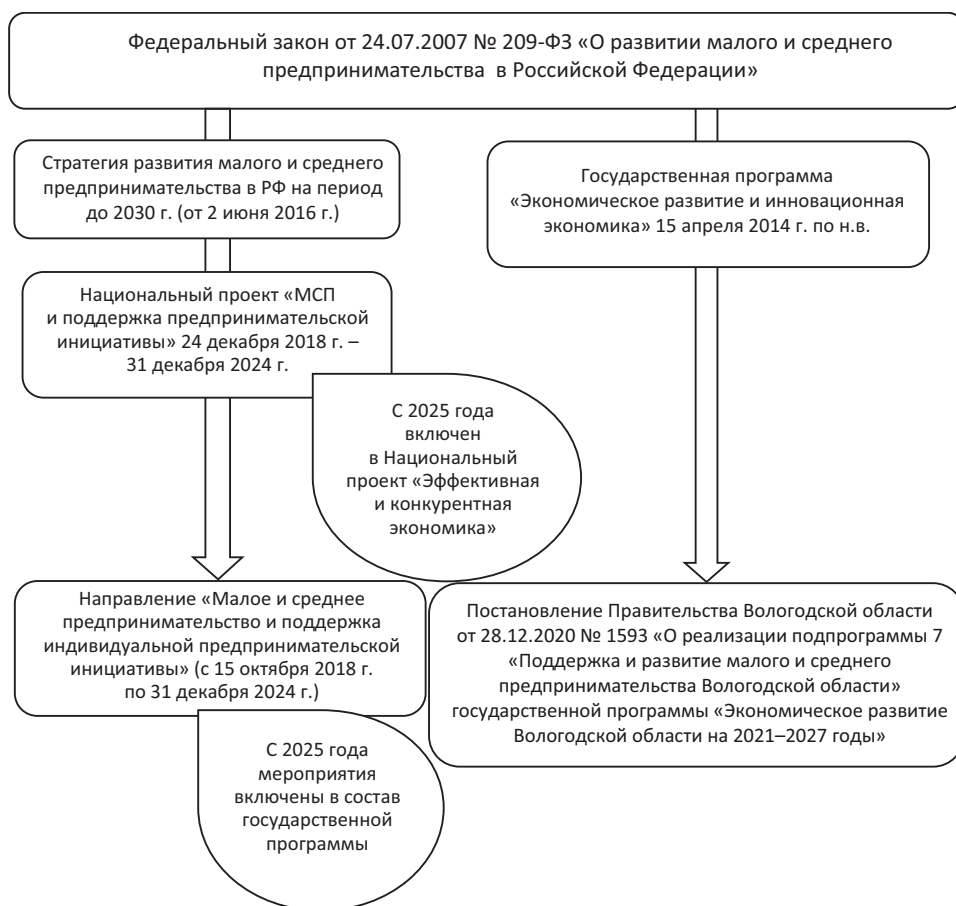


Рис. 1. Основы нормативно-правового регулирования государственной поддержки малого и среднего предпринимательства

Источник: составлено авторами.

¹¹ Новости на официальном сайте Т-банк. URL: <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/iNick/c170b1b1-598d-4a6e-9e30-64c43abf1549/?author=profile>

Основной комплекс мероприятий по поддержке и развитию МСП осуществляется в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в частности меро-

приятий, включенных в подпрограмму 7 «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Вологодской области» государственной программы «Экономическое развитие Вологодской области на 2021–2027 гг.» (табл. 2).

Таблица 2. Государственные меры поддержки МСП, реализуемые на территории Вологодской области

Форма поддержки	Наименование поддержки
Финансовая	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возмещение затрат или создание объектов инфраструктуры в рамках реализации нового инвестпроекта 2. Налоговые льготы участникам приоритетных инвестиционных проектов 3. Специальный инвестиционный контракт 4. Соглашение о защите и поощрении капиталовложений инвестиционных проектов (до 100% понесенных затрат) 5. Льготные займы Регионального фонда развития промышленности (от 100 до 200 млн руб.) 6. Микрофинансирование Фондом ресурсной поддержки малого и среднего предпринимательства (до 5 млн руб.) 7. Промышленная ипотека с господдержкой (500 млн руб.) 8. Программы гарантий, поручительств и лизинга АО «Корпорация МСП» (до 1 млрд руб.) 9. Субсидии на возмещение части затрат, оплату услуг, первого взноса лизинга, на приобретение нового оборудования 10. Банковские гарантии АО «МСП Банк»
Информационная	<ol style="list-style-type: none"> 1. Консалтинг, организационная и консультационная поддержка 2. Услуги Центра народно-художественных промыслов, ремесленной деятельности, сельского и экологического туризма 3. Услуги Центра поддержки экспорта (организация бизнес-миссий, международной сертификации и презентации, помощь в выходе на иностранные рынки) 4. Услуги Центра кластерного развития 5. Услуги Регионального центра инжиниринга 6. Услуги Центра поддержки предпринимательства 7. Обучение проектных команд 8. Создание «дружелюбной» и понятной информационной среды для предпринимателей, позволяющей ориентироваться в мерах поддержки, требованиях законодательства, обеспечивать бизнес-кооперацию
Имущественная	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предоставление земельного участка в аренду без проведения торгов в рамках реализации масштабного инвестиционного проекта 2. Предоставление земельного участка в аренду без проведения торгов в рамках реализации инвестпроектов, направленных на импортозамещение 3. Предоставление земельного участка в аренду без торгов в рамках инвестпроектов для реализации объектов социально-культурного, коммунально-бытового назначения 4. Предоставление областного имущества во владение или пользование на долгосрочной основе 5. Региональный фонд развития промышленности по программе «Имущественная поддержка» 6. Предоставление земельного участка из фонда перераспределения земель сельскохозяйственного назначения «Вологодский гектар» 7. Предоставление офисных помещений по льготной арендной ставке 8. Предоставление льготы при определении платы за аренду лесного участка предприятиям лесопромышленного комплекса
Составлено по: данные официального сайта АО «Корпорация развития Вологодской области». URL: https://invest35.ru (дата обращения 21.11.2024).	

Указанные меры поддержки предназначены предпринимателям, осуществляющим свою деятельность в сфере промышленности, переработки, АПК, ЛПК, социальной сферы и спорта, строительства и производства стройматериалов, транспорта и логистики, туризма, энергетики и коммунальной инфраструктуры.

Мероприятия нацпроекта и госпрограммы находят отражение в конкретных предложениях организаций, входящих в структуру поддержки предпринимательства. В связи с этим с целью реализации государственной политики в сфере поддержки МСП создана и функционирует система органов государственной и исполнительной власти, подведомственных организаций (АНО, фонды, микрокредитные организации и др.) и иных экономических субъектов РФ. Схематично институты поддержки пред-

принимательства в Вологодской области отражены на рис. 2.

Логично предположить, что в результате активной работы органов государственной власти и управления по развитию малого и среднего предпринимательства на основе сформированной многоуровневой системы государственной поддержки, которая включает в себя отдельные институты поддержки, созданные на различных уровнях – федеральном, региональном и локальном (бизнес-инкубаторы, центры субсидирования, льготного кредитования и др.), ожидался рост эффективности их деятельности. Однако, как было отмечено ранее, доля МСП в ВВП страны составляла в 2023 году 20% вместо запланированного в стратегических и программных документах значения показателя 32,5%. Поэтому исследование проблем и недостатков, существующих в

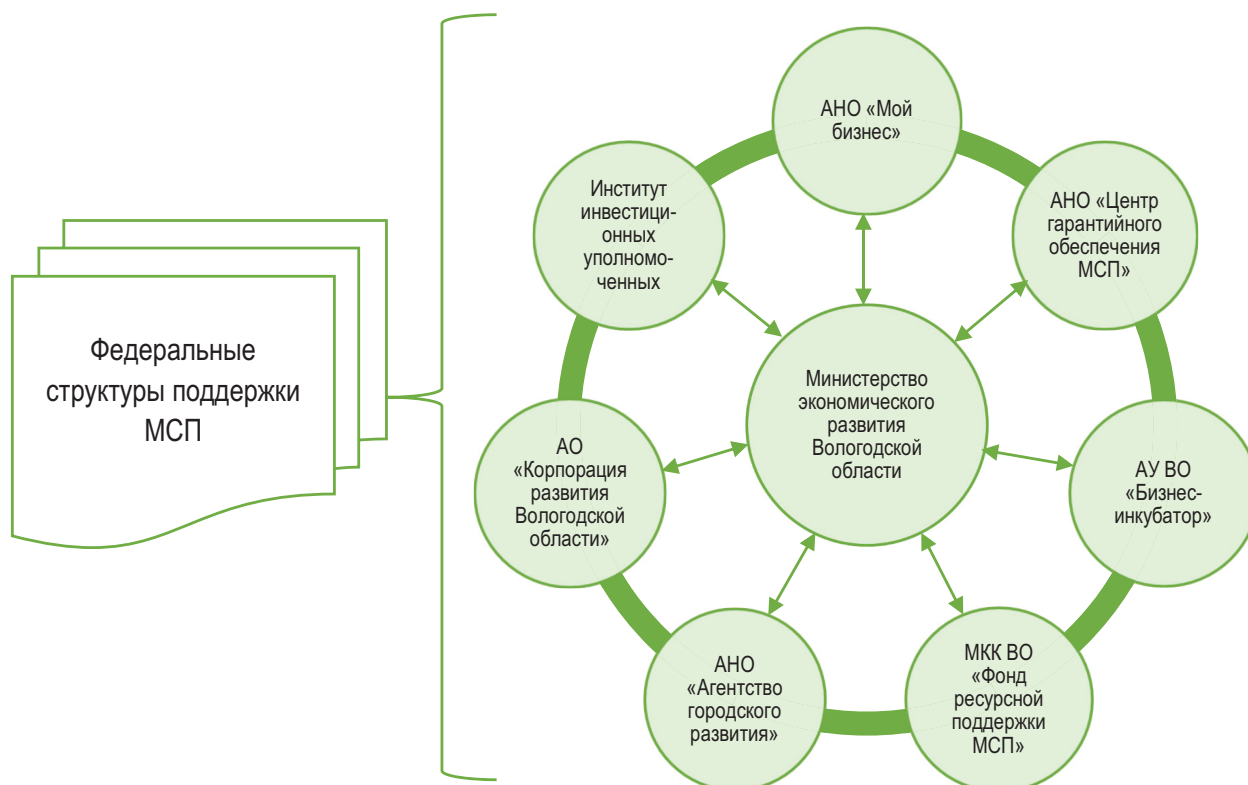


Рис. 2. Институты поддержки предпринимательства в Вологодской области

Источник: составлено авторами.

системе государственной поддержки предпринимательских инициатив и влияющих на их эффективность, а соответственно, на развитие территории, представляется весьма актуальным.

Анализ результативности государственных мер поддержки малого и среднего предпринимательства

На территории Вологодской области по итогам 2024 года зарегистрировано 47 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства, в которых занято 208 тыс. человек, что составляет 39% от общего числа работающих. Доля МСП в общем объеме оборота региона составляет 23%¹².

В частности, значительна доля малых предприятий, получивших прибыль, от общего количества организаций Вологодской области (86,1% в 2023 году; рис. 3). Несомненно, доля финансовых показателей крупного бизнеса в общем числе организаций существенно выше. Вместе с тем на-

блюдается увеличение вклада предприятий малого сектора в экономику региона за счет роста прибыли от продаж (с 4,3 до 7,9% в 2023 году по сравнению с 2021 годом) после нестабильной ситуации и сложностей ведения бизнеса в период пандемии.

На территории региона с 2019 года действует комплекс проектов, включенных в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы». Особенностью его реализации является смена ряда мероприятий, а соответственно и показателей, по причине окончания региональных проектов «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности», «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», «Популяризация предпринимательства».



Рис. 3. Вклад малых предприятий в экономическое развитие Вологодской области в 2019–2023 гг., %

Рассчитано по: Финансы Вологодской области 2019–2023 гг. (2024): стат. сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда. С. 11.

¹² Вологодчина вошла в топ-10 регионов России по объему выдачи льготных займов на развитие малого и среднего предпринимательства // Официальный сайт Министерства экономического развития Вологодской области. URL: <https://economy.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/novosti/124560> (дата обращения 19.02.2025).

Таблица 3. Отдельные проекты в рамках национального проекта «МСП и поддержка предпринимательской инициативы»

На федеральном уровне	На региональном уровне
1. «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами» 2. «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» 3. «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» 4. «Создание Цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами»	1. «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами» 2. «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» 3. «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»
Источник: составлено авторами.	

В 2021 году Минэкономразвития России разработало новую структуру паспорта национального проекта, которая включала 4 федеральных проекта. В связи с этим Правительством Вологодской области в 2021 году также приняты к реализации к реализации «трансформированные» региональные проекты (табл. 3).

По данным Министерства финансов Вологодской области, на реализацию мероприятий регионального направления «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы» в 2019–2024 гг. выделено более 1 млрд руб.¹⁵ Проведенный анализ данных Единого реестра субъектов малого и сред-

него предпринимательства – получателей поддержки, ведущегося Федеральной налоговой службой России (ФНС), позволяет сделать вывод о ежегодном увеличении объемов мер поддержки, оказанных соответствующими федеральными и региональными структурами (табл. 4).

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что в указанной сфере задействованы колоссальные силы и средства государства. При этом деятельность по разработке новых мероприятий, направленных на поддержку и развитие данного сектора экономики, не прекращалась в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции на Украине.

Таблица 4. Объемы мер поддержки, оказанных соответствующими федеральными и региональными структурами

Критерий	15.01.2021	15.01.2022	15.01.2023	15.01.2024	Изменение, 2024 год к 2021 году, %
Фактов поддержки, ед.	49584	63571	76286	86446	174,3
Получателей поддержки, ед.	15208	17414	19220	20879	137,3
Вид оказанной поддержки					
Финансовая, млн руб.	5313,4	8791,9	13636,5	18579,2	349,7
Имущественная, кв. м	1591811	1905338	3411242	8118390	510,0
Консультативная, образовательная, час	217061	286277	394626	519085	239,1
Категория субъектов МСП – получателей поддержки					
Микропредприятия	14150	16190	17763	18959	134,0
Малые предприятия	1041	1173	1284	1364	131,0
Средние предприятия	92	104	111	118	128,3
Составлено по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. URL: https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#fo=35&statdate=15.01.2024 (дата обращения 18.03.2025).					

¹⁵ Официальный сайт Министерства финансов Вологодской области. URL: <https://minfin.gov35.ru/otkrytyy-byudzheth/byudzheth-dlya-grazhdan/zakon-o-byudzhete-na-tekushchiy-god-i-planovyy-period> (дата обращения 19.03.2025).

В ведомственной информации органов государственной власти сообщается о положительном эффекте от реализации вышеуказанных мероприятий. В частности, как отмечается на официальном сайте Министерства экономического развития Вологодской области, в 2024 году субъектам малого и среднего предпринимательства региона было выделено 1,3 млрд руб. через государственные микрофинансовые организации. Это позволило Вологодчине войти в топ-10 регионов России по объему выдачи заемных средств на развитие малого и среднего предпринимательства на льготных условиях¹⁴.

Учитывая изложенное, полагаем, что выделенные средства должны положительно влиять на развитие данного сектора экономики. Вместе с тем, по данным официального реестра МСП, составляемого Федеральной налоговой службой России, количество субъектов хозяйственной деятельности, относящихся к рассматриваемой категории, на территории всех муниципальных образований Вологодской области (за исключением г. Вологды и г. Череповца) имеет устойчивую тенденцию к сокращению (табл. 5). За 2016–2024 гг. более чем в 2–3 раза сократилось количество субъектов

Таблица 5. Количество субъектов МСП в муниципальных образованиях Вологодской области, ед.

Муниципальное образование	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение, 2016–2024 гг., %
Междуреченский	121	115	102	85	72	58	46	39	36	-70,2
Харовский	439	406	337	273	235	198	173	153	141	-67,9
Кадуйский	440	415	333	275	237	209	185	161	145	-67,0
Вашкинский	179	165	132	119	105	84	72	63	60	-66,5
Тотемский	581	552	469	404	355	275	241	213	201	-65,4
Белозерский	370	345	305	259	212	193	172	149	130	-64,9
Вытегорский	521	489	421	355	312	260	223	200	186	-64,3
Сокольский	1197	1147	945	788	669	560	493	462	435	-63,7
Сямженский	256	249	211	187	159	140	122	111	95	-62,9
Грязовецкий	678	632	529	453	401	353	319	277	254	-62,5
Шекснинский	666	617	523	445	398	326	289	275	253	-62,0
Вожегодский	242	222	186	161	144	123	110	102	92	-62,0
Череповецкий	1321	1262	1025	878	779	669	612	544	515	-61,0
Бабаевский	534	502	428	388	351	284	256	229	211	-60,5
Нюксенский	216	208	180	154	132	115	105	87	87	-59,7
Верховажский	280	264	217	180	170	149	137	119	113	-59,6
Устюженский	527	501	441	383	332	287	268	241	223	-57,7
Вологодский	1547	1471	1248	1068	943	834	750	703	655	-57,7
Чагодощенский	274	260	234	198	177	149	134	123	117	-57,3
Великоустюгский	1687	1608	1385	1197	1056	943	870	792	727	-56,9
Усть-Кубинский	207	196	163	141	131	118	105	94	91	-56,0
Бабушкинский	332	318	282	251	230	200	189	164	149	-55,1
Кирилловский	217	248	207	175	171	131	117	105	98	-54,8
Тарногский	570	533	463	409	378	333	312	285	258	-54,7
Кичм.-Городецкий	328	311	278	234	205	189	179	167	153	-53,4
Никольский	380	365	316	288	272	236	215	199	187	-50,8

Рассчитано по: данные Федеральной налоговой службы России.

¹⁴ Вологодчина вошла в топ-10 регионов России по объему выдачи льготных займов на развитие малого и среднего предпринимательства // Официальный сайт Министерства экономического развития Вологодской области. URL: <https://economy.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/novosti/124560/> (дата обращения: 19.02.2025)

Таблица 6. Количество самозанятых граждан в Вологодской области, чел.

Дата	Всего, чел.	В том числе	
		физические лица	ИП
31.12.2020	4414	3784	630
31.12.2021	15619	14644	975
31.12.2022	29392	27779	1613
31.12.2023	45343	43014	2329
31.12.2024	65808	63022	2786

Рассчитано по: данные Федеральной налоговой службы России.

МСП, при этом наибольшее снижение наблюдается в Междуреченском муниципальном образовании (на 70,2%).

В Прогнозе социально экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2023–2025 гг., утвержденном Постановлением Правительства Вологодской области от 24 октября 2022 года № 1296, тенденция снижения количества субъектов МСП связана с получением в 2019 году права перехода индивидуальных предпринимателей в категорию самозанятых физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход»¹⁵. Также отмечается, что на количество субъектов МСП повлияли противоэпидемиологические мероприятия в ходе борьбы с коронавирусной инфекцией в активную фазу с 2020 по 2021 год. Стоит сказать, что именно в этот период произошел существенный рост количества самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус (табл. 6).

Вместе с тем, несмотря на некоторые положительные эффекты для экономики, основанные на увеличении количества самозанятых граждан (повышение предпринимательской активности населения; соз-

дание рабочих мест; расширение перечня работ и услуг; поступление дополнительных доходов в бюджет в виде налога на профессиональный доход; возможность легально вписать в экономику тех, кому сложно найти официальное трудоустройство, и т. д.), одной из проблем перехода на «самозанятость» является отсутствие социальных и трудовых гарантий, а также использование указанного статуса в целях уклонения от уплаты налогов с основного вида деятельности.

Кроме сокращения общего количества субъектов МСП, выявлено снижение во всех муниципальных образованиях региона доли выручки от реализации товаров (работ, услуг) деятельности данных субъектов хозяйствования в общей выручке предприятий Вологодской области. При этом в некоторых районах (Бабаевский, Бабушкинский, Вашкинский, Кирилловский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Нюксенский, Тарногский, Тотемский, Усть-Кубинский, Устюженский) основная доля выручки предприятий муниципального образования формируется именно субъектами малого и среднего бизнеса (табл. 7).

¹⁵ О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2023–2025 годов: Постановление Правительства Вологодской области от 24 октября 2022 г. № 1296 (с изм. от 26 декабря 2022 г.; в ред. Постановления Правительства Вологодской области от 26 декабря 2022 г. № 1511). URL: <https://docs.cntd.ru/document/406267574/titles/3UNU7CK>

Таблица 7. Доля основных показателей деятельности МСП в соответствующих муниципальных образованиях региона, %

Муниципальное образование	Доля выручки от реализации товаров (работ, услуг) деятельности МСП в общей выручке муниципального образования			Доля инвестиций в основной капитал сектора МСП в общем объеме инвестиций в основной капитал муниципального образования			Удельный вес численности работников предприятий МСП в общей численности работников всех организаций муниципального образования		
	2010 год	2015 год	2020 год	2010 год	2015 год	2020 год	2010 год	2015 год	2020 год
Бабаевский	98,2	92,6	96,2	63,1	45,7	45,5	25,0	25,0	20,3
Бабушкинский	92,4	86,1	97,3	44,4	45,4	8,3	42,7	36,6	25,2
Белозерский	67,3	57,6	25,7	27,4	6,1	3,8	26,9	37,5	22,2
Вашкинский	99,4	96,0	99,1	56,6	87,1	42,8	43,4	53,8	32,4
Великоустюгский	93,5	62,8	55,8	43,0	29,8	5,5	47,8	50,6	37,0
Верховажский	95,7	63,8	58,3	85,1	41,3	61,0	42,8	51,8	43,4
Вожегодский	43,3	52,3	37,2	2,9	35,4	6,6	30,2	34,8	26,8
Вологодский	75,6	57,9	70,7	20,2	47,9	33,0	47,3	48,6	40,7
Вытегорский	60,5	36,5	48,2	3,5	7,6	5,4	32,3	32,4	29,7
Грязовецкий	56,5	42,6	33,8	20,3	18,6	12,0	30,3	27,7	22,1
Кадуйский	89,2	65,5	68,2	3,1	2,0	8,9	59,4	46,8	31,6
Кирилловский	62,2	44,0	72,2	26,1	6,8	27,8	23,7	20,8	24,5
Кич.-Городецкий	94,5	95,6	97,5	60,0	31,9	94,2	57,1	61,8	61,1
Междуреченский	98,7	98,2	90,3	83,8	78,7	30,4	38,4	59,4	21,8
Никольский	73,4	76,1	80,9	27,4	69,8	29,7	28,0	23,2	25,5
Нюксенский	76,0	72,4	89,2	6,0	0,6	0,3	30,8	19,6	18,7
Сокольский	38,5	25,5	14,5	12,6	14,6	7,3	25,5	24,8	20,7
Сямженский	33,5	80,9	33,6	8,7	32,1	5,2	16,7	33,6	17,0
Тарногский	96,3	91,6	93,3	57,9	59,7	66,2	63,1	68,4	64,8
Тотемский	84,1	93,3	96,5	42,8	28,3	59,7	31,4	28,4	23,7
Усть-Кубинский	96,6	91,5	92,7	36,3	35,3	46,5	44,8	47,6	40,0
Устюженский	97,1	93,4	97,8	86,2	75,9	47,6	53,6	54,3	48,7
Харовский	52,3	38,2	20,2	5,4	87,3	83,7	26,3	34,6	23,1
Чагодощенский	30,6	53,4	52,6	4,3	82,4	23,3	39,5	51,7	60,0
Череповецкий	67,3	60,2	55,6	59,8	39,8	6,1	56,0	79,1	74,4
Шекснинский	34,6	52,8	57,5	10,4	17,2	8,0	28,6	31,2	24,4
г. Вологда	60,6	61,9	49,7	23,8	39,3	40,1	47,3	51,3	53,2
г. Череповец	17,9	20,5	12,8	12,2	13,3	13,7	35,6	34,7	34,7

Рассчитано по: данные Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/folder/31804>; данные Федеральной службы государственной статистики.

Следует отметить ограниченность статистических данных о деятельности данного сектора экономики, в связи с чем были использованы данные Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса за 2010, 2015 и 2020 гг. В соответствии с законодательством Российской Федерации, а именно Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», участие в наблюдении является обязательным. Наблюдение проводится один раз в 5 лет. Как отмечают Е.М. Бухвальд и И.С. Бессонов, эти обстоятельства являются препятствием для проведения более глубокого анализа данного сектора экономики, изучения его роли в пространственном развитии региона (Бухвальд, Бессонов, 2025).

Немаловажным аспектом развития данного сектора экономики выступает также инвестиционная активность организаций. При рассмотрении пространственного распределения вклада предприятий МСП в экономику соответствующего муниципального образования выявлено, что наибольший вклад обеспечивают организации восточной части Вологодской области, а именно Кичменгско-Городецкого (94,2% инвестиций в основной капитал сектора МСП в общем объеме инвестиций в основной капитал муниципального образования), Харовского (83,7%), Тарногского (66,2%), Верховажского (61,0%), Тотемского (59,7%) районов. Однако в большинстве округов региона наблюдается снижение данного показателя в 2020 году по сравнению с 2010 годом.

При этом увеличение доли объема инвестиций в малые и средние предприятия в общем объеме инвестиций региона в Вашкинском, Вожегодском, Грязовецком, Кадуйском, Кирилловском, Тотемском, Чагодощенском муниципальных районах говорит о том, что наибольшая доля инвестиций приходится на центральную часть Вологодской области. Схожие результаты получены Е.М. Бухвальдом и И.С. Бессоновым (Бухвальд, Бессонов,

2025) при изучении пространственной дифференциации малых предприятий по доле инвестиций в Самарской области: по мере удаления от областного центра есть муниципальные образования с наименьшими значениями доли инвестиций от общего объема в регионе.

Кроме этого, в большинстве муниципальных образований (Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Великоустюгский, Верховажский, Грязовецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сокольский, Сямженский, Устюженский, Череповецкий, Шекснинский) снижается удельный вес численности работников предприятий МСП в общей численности работников всех организаций региона.

Вместе с тем малые и средние формы субъектов хозяйствования играют огромную роль в социально-экономическом развитии сельских территорий, в частности обеспечивая повышение темпов экономического роста и наполняемости муниципального бюджета, занятость, социальную стабильность. Так, например, подавляющая часть занятых трудится в организациях малого и среднего бизнеса: в Череповецком муниципальном образовании – 74,4%, Тарногском – 64,8%, Кичменгско-Городецком – 61,1%, Чагодощенском – 60%.

Наряду с этим уровень среднемесячной заработной платы работников средних предприятий в большинстве муниципальных образований Вологодской области превышает региональный уровень (табл. 8). Наиболее высокий показатель наблюдается в Кадуйском (108,4 тыс. руб.) и Великоустюгском (80,4 тыс. руб.) округах. При этом практически во всех муниципальных образованиях Вологодской области (за исключением Бабаевского и Бабушкинского округов) показатель увеличивается.

Кроме того, субъекты МСП обеспечивают население необходимыми товарами и услугами, поставляют комплектующие на крупные предприятия, образуют почву для появления новых крупных предприятий и вложения значимых инвестиций в муниципальную территорию.

Таблица 8. Среднемесячная заработная плата работников средних предприятий в муниципальных образованиях Вологодской области, тыс. руб.

Муниципальное образование	2021 год	2022 год	2023 год	Изменение, 2023 год к 2021 году, %
В среднем по региону	45,3	51,0	59,2	130,7
Кадуйский	83,2	106,4	108,4	130,3
Великоустюгский	48,7	68,2	80,4	165,1
Бабаевский	75,5	73,4	74,9	99,2
Вожегодский	-*	-	74,6	х
Грязовецкий	48,1	58,4	73,1	152
Вытегорский	68,3	57,3	72,3	105,9
Междуреченский	-	74,4	72,3	х
Шекснинский	49,4	59,1	68,6	138,9
Чагодощенский	48,6	63,5	68,5	140,9
Верховажский	20,2	20,7	63,4	313,9
Череповецкий	33,3	43,3	62,8	188,6
Вашкинский	54,5	49,9	59,6	109,4
Кирилловский	39,8	46	59,3	149
г. Череповец	48,0	51,5	62,3	129,8
Вологодский	41,5	50,2	57,0	137,3
Тотемский	37,6	43,3	51,7	137,5
г. Вологда	42,3	46,3	50,6	119,6
Устюженский	26,7	39,8	45,2	169,3
Тарногский	28,3	35,3	35,2	124,4
Сямженский	30,2	36,7	33,2	109,9
Сокольский	26,7	32,4	32,8	122,8
Кичменгско-Городецкий	26,2	30,2	32,6	124,4
Усть-Кубинский	20,1	25,8	26,8	133,3
Бабушкинский	24,1	27,1	23,8	98,8
Никольский	18,3	20,6	21,8	119,1
Белозерский	н/д	н/д	н/д	х
Нюксенский	н/д	н/д	н/д	х
Харовский	н/д	н/д	н/д	х

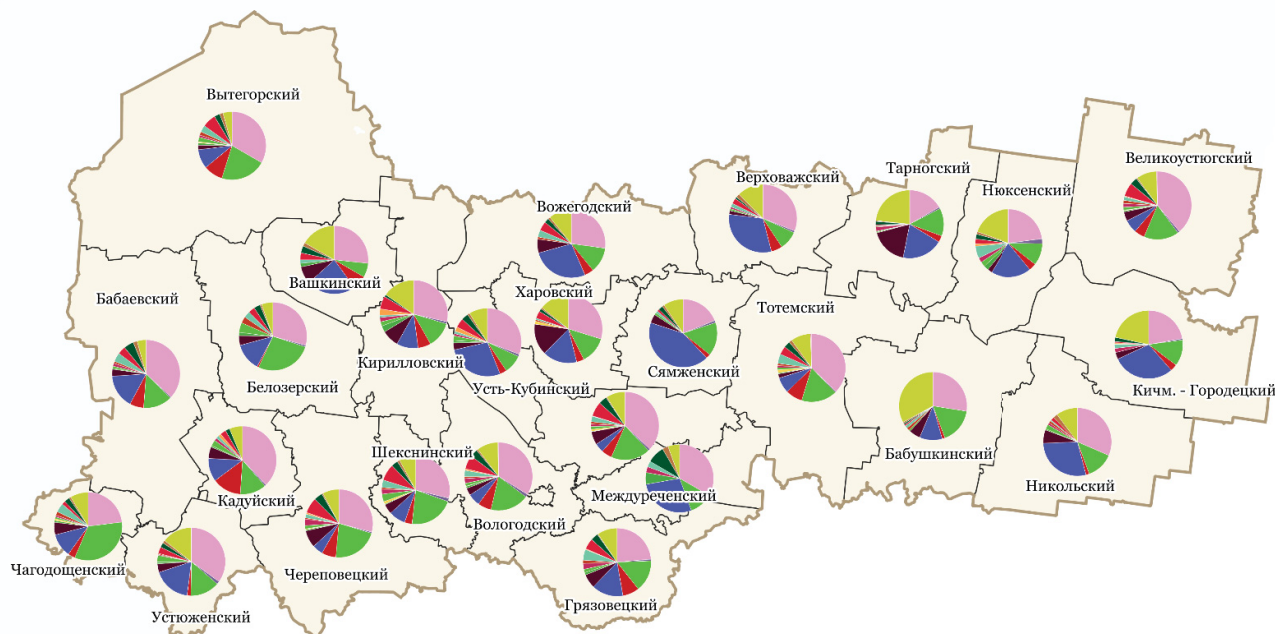
Примечание: муниципальные образования расположены в порядке убывания уровня заработной платы в 2023 году.
 * Явление отсутствует.
 Н/д – данных не имеется или данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных.
 Рассчитано по: Малое и среднее предпринимательство Вологодской области в 2021–2023 гг.: стат. сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2024. С. 39, 48.

Важность раскрытия пространственного потенциала предприятий данной формы на различных уровнях экономического пространства отмечается в исследовании (Бухвальд, Бессонов, 2025). Проведенный анализ пространственного

размещения малых и средних предприятий, количества предприятий, зарегистрированных в муниципальных образованиях Вологодской области, в разрезе отраслевой специализации свидетельствует, что основными видами деятельности МСП во

всех районах и округах региона являются торговля оптовая и розничная; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; транспортировка и хранение; предоставление прочих видов услуг (рис. 4).

Повышению эффективности деятельности субъектов МСП, и, как следствие, пространственному развитию экономики региона в данном случае будут способствовать восстановление производственных связей и активизация кооперационных процессов.



Условные обозначения

Виды экономической деятельности

- | | | |
|--|--|--|
| <ul style="list-style-type: none"> ■ Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов ■ Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений ■ Деятельность экстерриториальных организаций и органов ■ Транспортировка и хранение ■ Строительство ■ Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды ■ Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство | <ul style="list-style-type: none"> ■ Предоставление прочих видов услуг ■ Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха ■ Добыча полезных ископаемых ■ Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления ■ Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг ■ Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение | <ul style="list-style-type: none"> ■ Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги ■ Деятельность в области информации и связи ■ Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания ■ Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений ■ Деятельность по операциям с недвижимым имуществом ■ Деятельность профессиональная, научная и техническая ■ Деятельность финансовая и страховая ■ Обрабатывающие производства ■ Образование |
|--|--|--|

Рис. 4. Пространственное размещение субъектов МСП, зарегистрированных в муниципальных образованиях Вологодской области, в разрезе ОКВЭД в 2024 году

Источник: составлено авторами с участием младшего научного сотрудника Центра исследования пространственного развития социально-экономических систем ВолНЦ РАН М.А. Лебедевой.

Результаты опроса, проведенного сотрудниками Вологодского научного центра РАН¹⁶, говорят о том, что вовлеченность малых предприятий Вологодской области в производственную кооперацию способствовала решению проблемы сбыта продукции (отметили 78% опрошенных), снижению издержек производства (62%) и получению дополнительной прибыли (60%) (Кузнецова, Устинова, 2022).

При этом устранение возникающих трудностей (отсутствие финансовых возможностей, информации о партнерах и др.) в выстраивании взаимодействия предприниматели в большей степени связывают с содействием региональных органов власти и управления (около 31% опрошенных) (Кузнецова, Устинова, 2022). Вместе с тем больше половины респондентов (59,5%) не пользуются мерами государственной поддержки, в то время как 52,4% опрошенных представителей МСП знают о реализуемых мерах государственной поддержки предпринимательства в Вологодской области.

Схожие результаты получены А.Ю. Чепуренко по итогам анализа опроса предпринимателей, основой которого являлась панель малого бизнеса (ПМБ) ФОМ: более чем 35% респондентов не знают о соответствующих мерах поддержки, реализуемых государством. При этом 36% представителей МСП считают, что эти меры будут бесполезны для их бизнеса, и лишь 18% – что они будут полезны. Высока доля затруднившихся с ответом (46%) (Чепуренко, 2022).

Что касается фактически оказываемой поддержки, анализ основных показателей мониторинга реализации региональных проектов Правительством Вологодской области¹⁷, характеризующих объемы оказанных субъектам МСП мер поддержки в соответствии с реализованными национальными проектами в 2019–2024 гг., а также выборочный

анализ отчетных данных Единого реестра субъектов МСП, ведущегося ФНС России позволили сделать следующие выводы.

1. Выявлено, что учитываемые для анализа показатели, формирующие статистические данные мониторинга, характеризуются периодическим изменением. Это усложняет их анализ и контроль уполномоченными органами власти. Сведения об объемах оказанных мер поддержки могут подвергаться искусственному завышению в виде «дробления» консультаций, займов и поручительств, их выдачи одним и тем же лицам. Анализ открытых источников судебного делопроизводства Вологодской области, Единого реестра субъектов МСП, ведущегося ФНС России, также подтверждает эти факты. Так, данные реестра содержат сведения о фактах оказания консультативной поддержки субъектам МСП по несколько раз в день на протяжении длительного времени.

2. Кроме того, недостатки в проведении государственного контроля в указанной сфере обуславливают возникновение коррупционных рисков в деятельности структур поддержки МСП. В результате проверки Прокуратурой г. Вологды одной из структур поддержки предпринимательства – МКК ВО «Фонд ресурсной поддержки МСП» выявлены факты подтверждения нецелевого расходования денежных средств сотрудниками, что причинило ущерб государственному бюджету. Также установлены случаи оказания аналогичных мер поддержки одним и тем же субъектам предпринимательства в один промежуток времени из средств субсидий, полученных от Департамента экономического развития Вологодской области на разные цели; установлены недостатки в оценочной деятельности и конфликт интересов при оформлении микрокредитных продуктов. Вместе с тем вмешательство

¹⁶ Социологический опрос был проведен в 2021 году сотрудниками ФГБУН ВолНИЦ РАН на онлайн-платформе Google. В нем приняли участие 46 руководителей предприятий из 28 муниципальных образований Вологодской области.

¹⁷ Направление «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/ispolnenie_ukazov_prezidenta1_rf/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-7-maya-2018-goda/proekty-regiona/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-i-podderzhka-individualnoy-predprinimatel'skoy-initsia

Прокуратуры Вологодской области путем привлечения внимания Департамента экономического развития области, а также СМИ к деятельности структуры поддержки предпринимательства привело к увольнению руководителя Фонда, что позволило провести более качественную проверку выявленных фактов и реформирование деятельности организации.

Для контроля и количественной оценки необходимых и осуществляемых изменений поддержки предпринимательского сектора, понимания их эффективности Правительством РФ планируется разработать целевые показатели эффективности и критерии оценки деятельности органов власти в работе с бизнесом как на федеральном, так и на региональном уровне¹⁸. Система показателей, за основу которой будут взяты 29 ключевых показателей Национального рейтинга состояния инвестиционного климата, должна охватить все этапы развития бизнеса: от регистрации юридического лица до его возможного выхода на внешние рынки.

3. Установлено, что к проблемам развития малого и среднего предпринимательства также можно отнести слабую организационную составляющую в сфере оказания мер поддержки. В частности, информационная поддержка заключается в размещении на сайтах муниципалитетов оповещения о существующих программах помощи МСП. Однако данные зачастую не обновляются или просто отсутствуют.

4. Наличие доступа для субъектов МСП к одному из основных направлений национального проекта «МСП и поддержка предпринимательской инициативы», а именно льготным кредитам и поручительствам, остается на низком уровне. Несмотря на открытие в 2024 году в г. Череповце фи-

лиала МКК «Фонд ресурсной поддержки Вологодской области», а также ряда филиалов федеральных банков, предприниматели сталкиваются с существенными транспортными расходами в рамках посещения офисов банков и региональных структур поддержки МСП. Это связано со значительными расстояниями между районными центрами: например, Вытегра – Вологда (330 км), Великий Устюг – Вологда (447 км).

Также стоит отметить, что представленный в муниципальных образованиях банковский сектор в основном специализируется на обслуживании физических лиц, что не способствует оперативному удовлетворению потребностей бизнеса в решении вопроса кредитования и привлечения новых предпринимателей.

5. Мероприятия в виде предоставления государственного имущества в аренду также не привели к выполнению целей и задач региональных проектов, поскольку зачастую в аренду предлагалось неликвидное имущество, требующее существенных вложений. Это подтверждается данными в отчете о ходе реализации регионального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами» на 31 декабря 2021 года¹⁹.

6. Кроме того, в муниципалитетах существенно не хватает площадок, подходящих для организации производств, с наличием необходимой инфраструктуры. Несмотря на то, что в Вологодской области выделено 133 площадки²⁰, согласно данным Платформы «invest.gov.ru» – «Инвестиционная карта РФ»²¹, которая основана на данных инвестиционных карт субъектов страны, они не заполнены. На наш взгляд, это также связано с необходимостью значительных финансовых ресурсов для строительства производ-

¹⁸ Делягин М. (2025). Правительство Мишустина снижает издержки бизнеса // Завтра. 13 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_snizhaet_izderzhki_biznesa

¹⁹ Отчет о ходе реализации регионального проекта «(11–19) Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами» на 31 декабря 2021 г. URL: https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/cd5/p6nrxq3e9l278k3amcm2se305f10f3f8/Otchet-na-31.12.2021_12.pdf

²⁰ Справочно: в Республике Карелии выделено 174 площадки, в Псковской области – 130, в Архангельской области – 129, в Новгородской области – 106, в Республике Коми – 63, в Ленинградской области – 55.

²¹ Инвестиционная карта Российской Федерации. Единый сервис для поиска, сравнения и подбора инвестиционных площадок на территории всей страны. URL: <https://invest.gov.ru/?type=investment-platform-other&objectId=1584845>

ства «с нуля», которыми обладают крупные субъекты хозяйствования. Причиной также является слабое развитие сети дорожных и коммунальных коммуникаций (труднодоступность, большие расстояния до транспортных узлов, наличие только автомобильного сообщения), что оказывает негативное влияние на развитие территории муниципального образования.

7. Нужно отметить, что в настоящее время в муниципальных образованиях условия для привлечения молодежи, увеличения численности населения остаются весьма непривлекательными. За период с 2016 по 2024 год численность населения во всех муниципальных образованиях Вологодской области снижается. Наибольшее снижение зафиксировано в Бабушкинском муниципальном образовании (на 20,1%); уменьшение на 13–15% наблюдается в Вашкинском, Междуреченском, Белозерском, Шекснинском, Чагодощенском, Харовском, Кичменгско-Городецком, Устюженском муниципалитетах; на 9–12% – в Вытегорском, Великоустюгском, Тарногском, Сокольском. Наименьшее снижение фиксируется в Вологодском (на 0,5%), Череповецком (на 0,8%), Сямженском (на 2,9%), Кадуйском (на 3,5%) округах.

На наш взгляд, это связано, в том числе, с отсутствием инфраструктуры для жизни. Например, площадь Вытегорского района составляет 13088 кв. км, но через нее проходит лишь одна основная трасса (Вологда – Мурманск). Расстояние до областного центра – г. Вологды – составляет 330 км; до Петрозаводска – 224 км с паромной переправой и по дороге низкого качества. Транспортная недоступность отражается в увеличении стоимости продуктов. Она же является «тормозом» для развития сфер услуг, которые могли бы существовать в районе, как пример – транзитная инфраструктура (заправки, СТО, гостиничные комплексы), туризм и др. Основные поселения района – г. Вытегра, п. Депо и несколько сел, которые расположены вдоль одной дороги. В большинстве поселений отсутствует водоснабжение.

8. Анализ нормативно-правовой базы и открытых данных о действующих на территории РФ структурах поддержки МСП не позволяет в полной мере судить об эффективности системы ввиду ее громоздкости и в некотором роде дублирования. А с учетом необходимости организации функционирования ряда учреждений с государственным участием – приводит к значительным бюджетным затратам и коррупционным рискам. В частности, существует неясность в структурах поддержки предпринимательства: имеется несколько государственных организаций и механизмов поддержки предпринимательства, дублирующих друг друга, вводящих в заблуждение предпринимателей и обуславливающих дополнительную нагрузку на бюджет (например, АНО «Мой бизнес», АНО «Агентство городского развития», АО «Корпорация развития» и др.). При этом наиболее значимые меры поддержки обеспечиваются за счет федерального уровня. Также существует большой объем нормативно-правовых актов, регламентирующих предпринимательскую деятельность, обуславливающих высокий «порог входа» для предпринимателей, а также создающих угрозы экономической безопасности государства.

Для решения данной проблемы необходимо провести анализ действующего законодательства, системы органов власти и их подведомственных учреждений в указанной сфере; определить лишние и противоречивые нормы, дублирующие функции, упростить их и привести к четким, прозрачным и единым правилам, которые обеспечивали бы безопасные и стабильные условия для инвесторов, снизить бюджетную нагрузку, высвободить денежные средства, которые можно было бы вложить в развитие иных направлений.

При этом в процессе разработки нового законодательства, в том числе при подборе новых инвестиционных площадок в формате особых экономических зон и кластеров развития, важно учитывать мнение бизнес-сообщества и проводить обсуждения и консультации.

Кроме того, одним из немаловажных направлений поддержки МСП, по мнению С.В. Раевского, является предоставление краткосрочных кредитов, поскольку данный сектор в наибольшей степени нуждается в финансировании оборотных средств, что обуславливает высокую потребность малого бизнеса в краткосрочных кредитах. Однако доступ к заемному капиталу для представителей малого бизнеса ограничен высокими процентными ставками, частыми отказами в предоставлении кредитов представителям малого и среднего предпринимательства (Раевский, 2024).

Как отмечают авторы исследования (Якушев и др., 2024), в результате сложившейся геополитической ситуации многие крупные иностранные компании сферы цифровизации «ушли» с российского рынка. Это актуализировало вопрос импортозамещения, заключающийся в разработке собственных цифровых и информационных технологий, поддержке отечественных производителей. Авторы другого исследования видят целесообразность и перспективность привлечения малых и средних предприятий в реализацию импортозамещающей стратегии страны; однако для этого необходимо совершенствование комплекса мер поддержки импортозамещающего предпринимательства (в частности, в налоговой сфере, кредитовании, системе закупок), ориентированного на преимущественное использование инклюзивных механизмов (Егорова, Бушанский, 2024).

Стоит сказать, что этот вопрос рассматривается и на высшем уровне власти. Так, на заседании Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства, состоявшемся 19 мая 2025 года, была отмечена высокая роль МСП в выполнении задач импортозамещения. В частности, в условиях санкционного давления данный сектор активно включился в

импортозамещение и «бесшовно» заместил ушедшие западные компании²².

В Вологодской области также отмечается немаловажная роль МСП в решении указанных задач: успешно функционируют различные субъекты, предлагающие продукцию и конкурентные технологии товары и сервисы. В частности, ООО «Бакоринвест» выпускает оборудование для обогащения руд, промышленной пылегазоочистки, систем термического обезвреживания отходов; своей продукцией замещает и во многом превосходит товары компании «Siemens» и других известных брендов. Компания «Протемол» производит емкости для пищевой промышленности, превосходящие по качеству импортные аналоги. Компании «Александра Плюс» и «Новотех-ЭКО» производят не только ультразвуковое оборудование, которое используется для обеззараживания воды, стоков, воздуха и поверхностей, но и единственные в России амальгамные лампы низкого давления. С целью поддержки предприятий в вопросах импортозамещения на территории региона действует Постановление Правительства Вологодской области от 16 апреля 2024 года № 461 «Об утверждении Перечня продукции, необходимой для обеспечения импортозамещения в условиях введенных ограничительных мер со стороны иностранных государств и международных организаций».

По мнению основателя компании BRICS+Analytics Я.Д. Лисоволика²³, господдержка малого и среднего бизнеса положительно сказалась на уровне импортозамещения и вкладе МСП в рост экономики страны. Благодаря развитию МСП структура экономики России стала более сбалансированной. В текущих условиях высокой инфляции, высоких процентных ставок и значительных производственных издержек поддержка государства для данного сегмента экономики играет важную роль.

²² Правительство определило роль МСП в достижении национальных целей до 2030 года // Агентство развития предпринимательства Вологодской области «Мой бизнес». URL: <https://mb35.ru/novosti/pravitelstvopredelilo-rol-msp-v-dostizhenii-natsionalnykh-tseley-do-2030-goda>

²³ Что ждет малый и средний бизнес в России после 2024 года // Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России». URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/chto-zhdet-maluyu-i-sredniy-biznes-v-rossii-posle-2024-goda> (дата обращения 19.05.2025).

Вопрос развития малого и среднего предпринимательства для обеспечения сбалансированного развития региона требует комплексного подхода с задействованием ресурсов государства, в т. ч. реализации проектов государственно-частного партнерства. Так, например, создание деревообрабатывающего предприятия по производству паркета в Вытегорском районе совместно с китайскими предприятиями на основе механизма ГЧП позволило предоставить рабочие места в первую очередь местному населению и выпускникам вузов и колледжей, которые должны отработать по контракту минимум три года. Кроме того, продажа акций предприятия осуществляется прежде всего жителям района, во вторую очередь – населению области, далее – свободно. Это показательный пример открытия производства, создания рабочих мест, стимулирования интереса у местного населения сохранить производство, что способствует росту ВРП, увеличению численности молодого населения в районе, вовлечению жителей в производственную деятельность, в т. ч. рост МСП.

По нашему мнению, усилия органов власти должны быть сконцентрированы в первую очередь на инфраструктурном развитии региона (дорожная сеть, коммунальные услуги); подготовке (строительстве) в муниципалитетах типовых имущественных комплексов, «техно/индустриальных парков», находящихся под управлением АО «Корпорация развития Вологодской области»; развитии производственно-экономических связей и активизации кооперационных процессов; строительстве крупных производственных предприятий (в т. ч. сельскохозяйственной сферы) в рамках ГЧП, которые будут «якорными» для субъектов МСП; проведении аудита информационного обеспечения населения в отношении государственных мер поддержки МСП в муниципальных образованиях, активизации работы на данном направлении, в т. ч. открытию представительств региональных структур поддержки предпринимательства (например, на базе МФЦ района); ведении переговорных процессов с крупными фе-

деральными банками, реализующими программы по поддержке МСП, об открытии представительств либо выработке оптимальных форм взаимодействия с потенциальными инвесторами в районах.

Заключение

Развитие малого и среднего предпринимательства необходимо в целях содействия пространственному развитию территорий, повышения уровня жизни населения; создания новых рабочих мест; расширения экспортного потенциала; содействия развитию потребительского рынка (например, поддержка предприятий розничной торговли помогает сохранять стационарную торговую сеть и организовывать развозную торговлю в малонаселенные и отдаленные населенные пункты).

В связи с этим развитие опорных населенных пунктов, как заявлено в новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, должно учитывать возможности, состояние и развитие малых и средних предприятий – поставщиков и производителей товаров и услуг, чтобы способствовать получению продукции с высокой добавленной стоимостью.

Немаловажная роль МСП заключается в обеспечении населения отдельными услугами (парикмахерские, образовательные, транспортные, торговые, производственные, туристические и др.). Вместе с тем существует множество проблем для развития данных субъектов в виде зависимости от инфраструктуры, проходимости людского потока, состояния мировой экономики (пандемия COVID-19, СВО и т. п.) и др.

В соответствии с обозначенными Президентом РФ в 2024 году задачами по реализации национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» ожидается переход от количественного роста к качественному развитию малого и среднего предпринимательства. Как заявил министр экономического развития РФ М.Г. Решетников, перед профильными министерствами и ведомствами стоит задача обеспечить до 2030 года опережающий рост

дохода на одного работника малого и среднего бизнеса²⁴. Для этого будет наращиваться поддержка МСП, стимулирующая развитие данного сектора (банковские кредиты, льготные микрозаймы государственных микрофинансовых организаций, гарантии, поручительства, льготный лизинг, акселерационные программы для разных категорий, услуги центров «Мой бизнес»).

Вместе тем в ходе исследования было определено, что, несмотря на кратный рост объемов оказываемых мер поддержки, наблюдается снижение количества субъектов малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях Вологодской области.

Для решения выявленных проблем и недостатков, на наш взгляд, необходимо разработать комплекс мероприятий по повышению результативности региональных программ развития малого и среднего предпринимательства, которые будут наиболее актуальными для современных экономических условий.

Одновременно с этим следует обратить внимание на отсутствие унифицированного подхода в предоставлении государственной поддержки, небольшой охват бизнеса, возможность автоматизации данного процесса. Кроме того, немаловажно решить проблемы обеспечения инфраструктурой территории региона, уделить внимание информационной и медийной составляющей в части освещения государственных мер поддержки МСП, обеспечения доступности информационных и статистических материалов.

Наряду с этим недостаточный уровень контроля над выделением и расходованием бюджетных средств приводит к возникновению фактов мошенничества и злоупотребления полномочиями, сигнализирует о наличии высоких рисков (в т. ч. коррупционных) в сфере предпринимательства, не способствующих социально-экономическому развитию территорий.

Отметим важное обстоятельство: пока люди будут концентрироваться в крупных городах, количество субъектов МСП будет снижаться и вытесняться крупными федеральными холдингами (к примеру, очередным магазином «Пятерочка»), которым проще выдерживать издержки старта. Следовательно, по нашему мнению, государство в первую очередь должно обратить внимание на создание инфраструктуры, а во вторую – якорных производств, условных МУПов с присутствием частного капитала, которые могут получать прибыль от своей деятельности, а также способствовать образованию вокруг них малых форм предпринимательства. Обустройство дорог и тротуаров, систем водоснабжения, реконструкция общественных пространств и туристических объектов, обновления в спортивной и медицинской сферах будут способствовать тому, чтобы люди оставались жить на данной территории. Увеличение количества жителей обуславливает рост малого предпринимательства, т. к. его сектор сосредоточен в основном в сферах торговли и предоставления услуг населению. Вместе с тем малые предприятия могут начать «подтягивать» средние субъекты хозяйствования, которые в большей степени представлены в сферах с более высокой добавленной стоимостью: обрабатывающей промышленности, строительстве, сельском хозяйстве.

Таким образом, определенные преимущества малых и средних форм предпринимательской деятельности привели к тому, что решение вопросов управления их развитием в виде осуществления поддержки стало одним из приоритетных направлений в деятельности органов государственной власти. Организованное и устойчивое взаимодействие власти и бизнеса, как основных структурообразующих элементов экономики, будет способствовать эффективному управлению пространственным развитием социально-экономической системы.

²⁴ Рекордных 6,59 млн достигло число малых и средних предприятий в России // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rekordnyh_659 mln_dostiglo_chislo_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_rossii.html (дата обращения 13.03.2025).

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов С.Р., Ефременков И.Н. (2023). Резервы для развития малого и среднего бизнеса в новых условиях // Бизнес. Общество. Власть. № 3 (49). С. 26–30.
- Бухвальд Е.М. (2016). Правовые и институциональные проблемы государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства // Финансы: теория и практика. № 3. С. 6–18.
- Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. (2025). Пространственные аспекты развития сектора малых предприятий в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 106–120. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.6
- Виленский А.В. (2021). К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 24–38.
- Винслав Ю.Б. (2017). Управление интегрированными структурами: теоретические и методические аспекты. Москва: ЦентрЛитНефтеГаз. 510 с.
- Головина А.С. (2013). Стратегическое управление деловой активностью субъектов малого и среднего предпринимательства // Российское предпринимательство. № 18 (240). С. 20–33.
- Гринберг Р.С. (2011). Государственная поддержка малого предпринимательства в странах Центральной и Восточной Европы. Москва: Наука. 258 с.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Кремин А.Е., Терехова С.В., Якушев Н.О. (2017). Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / под науч. рук. К.А. Гулина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 128 с.
- Егорова Н.Е., Бушанский С.П. (2024). Роль малого бизнеса в реализации импортозамещающей стратегии развития российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. № 28 (2). С. 302–328.
- Илюшников Т.А. (2025). Вызовы и перспективы развития МСП в 2020–2025 и 2025–2030 годах // Бизнес. Общество. Власть. № 1 (55). С. 56–67.
- Капкаев Ю.Ш., Бенц Д.С., Кадыров П.Р. (2019). Малый и средний бизнес-источник устойчивого развития региона? // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: мат-лы II Всерос. науч. конф. памяти акад. А.И. Татаркина. С. 95–102.
- Колесникова Л.А. (2000). Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием. Москва: Новый Логос. 290 с.
- Кремин А.Е. (2022). Региональная политика развития экономики территорий: малое и среднее предпринимательство. Вологда: ВИПЭ ФСИН России. 196 с.
- Кузнецова Е.П., Устинова К.А. (2022). Производственная кооперация как фактор развития экономики старопромышленных регионов // Проблемы развития территории. Т. 26. № 2. С. 40–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.4
- Кузубов А.А., Каба В.О., Цзе Ч. (2018). Основные аспекты государственной поддержки в развитии малого и среднего бизнеса России и экономически развитых стран // Карельский научный журнал. Т. 7. № 2 (23). С. 67–71.
- Мезенцева Е.С. (2008). Стратегическое управление как фактор развития малого производственного бизнеса // Экономика региона. № 1. С. 206–211.
- Раевский С.В. (2024). Региональная система поддержки малого предпринимательства в Приморском крае // Власть и управление на Востоке России. № 2 (107). С. 43–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-43-50
- Таловский А.И. (2005). Роль малого предпринимательства в увеличении ресурсного потенциала и емкости рынка потребительских товаров // Вестник ТГПУ. № 5. С. 33–36.
- Тореев В.Б., Вороновская О.Е. (2002). Эффективность программ поддержки малого предпринимательства // Экономическая наука современной России. № 3. С. 73–87.

- Чепуренко А.Ю. (2022). Российский малый бизнес в первой половине 2022 года: между Сциллой и Харибдой // Социологические исследования. № 9. С. 132–138. DOI: 10.31857/S013216250020723-8
- Шарыгин М.Д., Кротов И.И. (2014). Основные факторы территориальной организации малого предпринимательства // Вестник Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. № 9. С. 155–168.
- Якушев Н.О., Устинова К.А., Кочнев А.А. (2024). Импортозамещение как фактор развития отечественных цифровых технологий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 82–101. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.5
- Aslund A. (1997). Observations on the development of small private enterprises in Russia. *Post-Soviet Geography and Economics*.
- Barrios S., Strobl E. (2009). The dynamics of regional inequalities. *Reg. Sci. and Urban Econ.*, 39 (50), 575–591.
- Bartik T.J. (1989). Small business start-ups in the United States: Estimates of the effects of characteristics of states. *Southern Economic Journal*.
- Bartz W., Winkler A. (2016). Flexible or fragile? The growth performance of small and young businesses during the global financial crisis – Evidence from Germany. *Journal of Business Venturing*, 31 (2), 196–215.
- Burns P. (2016). Entrepreneurship and small business. *Palgrave Macmillan Limited*.
- Wilson J. (2014). *Essentials of Business Research: A Guide to Doing your Research Project*. Sage Publications.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Дмитриевна Копытова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Сергей Сергеевич Просуков – Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: saint_ps@mail.ru)

Kopytova E.D., Prosukov S.S.

SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP FUNCTIONING ISSUES IN THE CONTEXT OF ENSURING THE REGION'S SPATIAL DEVELOPMENT

The spatial development of Russia's regions continues the trend of localization of the population in large and major cities, while the share of residents of towns and cities and rural areas is decreasing. As a result, there is an aggravated problem of high interregional and intra-territorial inequality, shrinking of resources and growth factors in the centers of economic activity, weak inter-territorial cooperation in the implementation of major production projects, etc. A new Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period until 2030 with a forecast until 2036 presents the source of growth of medium and small towns and rural settlements, among other things, in promoting the diversification of employment and supporting the proposals and initiatives of the population in the entrepreneurial sphere. This determined the choice of the aim of our article – to identify the problems concerning SME development (case study of the Vologda Region municipalities) in the context of ensuring spatial development of territories. As a result of the study, we have identified the problems in the sphere of measures of state support for small and medium enterprises of local territories, aimed at creating conditions for reducing the level of inter-regional and intra-regional differences. We have found that they are often formal and non-systemic in nature. The analysis of the legal and regulatory framework in this area has revealed the lack of a unified approach in the support measures provided (at the federal and regional levels), which leads to the duplication of a number of implemented projects. We have found that, despite the multiple growth of the volume of support measures, there is a decrease in the number of small and medium businesses in the Vologda Region

municipalities. This is due to shortcomings in the organizational, informational and infrastructural components of this process (in particular, low level of availability of various support measures; lack of sites suitable for the organization of production; reduction of the population in rural areas, etc.). The results of our work can be useful to public authorities and local governments in improving the policy of spatial development of territories, implementation of projects to support entrepreneurial initiatives; representatives of enterprises – when choosing forms of support; researchers – when studying similar topics.

Spatial development, small and medium entrepreneurship, state support, Strategy, rural areas, municipal level

REFERENCES

- Aslund A. (1997). Observations on the development of small private enterprises in Russia. *Post-Soviet Geography and Economics*.
- Barrios S., Strobl E. (2009). The dynamics of regional inequalities. *Reg. Sci. and Urban Econ*, 39(5), 575–591.
- Bartik T.J. (1989). Small business start-ups in the United States: Estimates of the effects of characteristics of states. *Southern Economic Journal*.
- Bartz W., Winkler A. (2016). Flexible or fragile? The growth performance of small and young businesses during the global financial crisis – evidence from Germany. *Journal of Business Venturing*, 31(2), 196–215.
- Borisov S.R., Efremenkov I.N. (2023). Reserves for SME development in the new environment. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 3(49), 26–30 (in Russian).
- Bukhval'd E.M. (2016). Legal and institutional problems of the state policy of development and support of small and medium-sized businesses. *Finansy: Teoriya i Praktika*, 3, 6–18 (in Russian).
- Bukhval'd E.M., Bessonov I.S. (2025). Spatial aspects in the development of the small enterprise sector in the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(1), 106–120. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.6 (in Russian).
- Burns P. (2016). *Entrepreneurship and small business. Palgrave Macmillan Limited*.
- Chepurenko A.Yu. (2022). Russian small business in the first half of 2022: Between Scylla and Charybdis. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 9, 132–138. DOI: 10.31857/S013216250020723-8 (in Russian).
- Egorova N.E., Bushanskii S.P. (2024). The role of small business in the implementation of import substituting strategy of the Russian economy development. *Ekonomicheskii zhurnal VShE=HSE Economic Journal*, 28(2), 302–328 (in Russian).
- Golovina A.S. (2013). Strategic management of business activity of small and medium-sized business entities. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 18(240), 20–33 (in Russian).
- Grinberg R.S. (2011). *Gosudarstvennaya podderzhka malogo predprinimatel'stva v stranakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy* [State Support for Small Business in Central and Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
- Gulin K.A. (Ed.). (2017). *Maloe predprinimatel'stvo v ekonomike territorii* [Small Business in the Economy of Territories]. Vologda: VolNTs RAN.
- Ilyushnikova T.A. (2025). Challenges and prospects for the development of small and medium enterprises in the 2020–2025 and 2025–2030 periods. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 1(55), 56–67 (in Russian).
- Kapkaev Yu.Sh., Bents D.S., Kadyrov P.R. (2019). Small and medium-sized business – the source of sustainable development of the region? In: *Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii pamyati akademika A.I. Tatarkina "Konkurentosposobnost' i razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh system"* [Materials of the 2nd All-Russian Scientific Conference in Memory of Academician A.I. Tatarkin "Competitiveness and Development of Socio-Economic Systems"] (in Russian).

- Kolesnikova L.A. (2000). *Predprinimatel'stvo i maliy biznes v sovremennom gosudarstve: upravlenie razvitiem* [Entrepreneurship and Small Business in the Modern State: Development Management]. Moscow: Novyi Logos.
- Kremin A.E. (2022). *Regional'naya politika razvitiya ekonomiki territorii: maloe i srednee predprinimatel'stvo* [Regional Policy of Territorial Economic Development: Small and Medium-Sized Entrepreneurship]. Vologda: VIPE FSIN Rossii.
- Kuznetsova E.P., Ustinova K.A. (2022). Industrial cooperation as a factor in the economic development of old industrial regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(2), 40–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.2.118.4 (in Russian).
- Kuzubov A.A., Kaba V.O., Zhang J. (2018). The main aspects of government support in the development of small and medium businesses in Russia and in the economically developed countries. *Karel'skii nauchnyi zhurnal=Karelian Scientific Journal*, 7, 2(23), 67–71 (in Russian).
- Mezentsenva E.S. (2008). Strategic management as a factor of small manufacturing business development. *Ekonomika regiona*, 1, 206–211 (in Russian).
- Raevskii S.V. (2024). Regional system of support for small businesses in the Primorsky Territory. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=Power and Administration in the East of Russia*, 2(107), 43–50. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-43-50 (in Russian).
- Sharygin M.D., Krotov I.I. (2014). Main factors of territorial organization of small business. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta*, 9, 155–168 (in Russian).
- Talovskii A.I. (2005). The role of small business in increasing the resource potential and capacity of the consumer goods market. *Vestnik TGPU*, 5, 33–36 (in Russian).
- Toreev V.B., Voronovskaya O.E. (2002). Effectiveness of small business support programs. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 3, 73–87 (in Russian).
- Vilenskii A.V. (2021). On the impact of SMEs on the development of Russian regions: Realities and opportunities. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 4, 24–38 (in Russian).
- Vinslav Yu.B. (2017). *Upravlenie integrirovannymi strukturami: teoreticheskie i metodicheskie aspekty* [Management of Integrated Structures: Theoretical and Methodological Aspects]. Moscow: OOO "TsentrLitNefteGaz".
- Wilson J. (2014). *Essentials of business research: A guide to doing your research project*. Sage, 20, 376.
- Yakushev N.O., Ustinova K.A., Kochnev A.A. (2024). Import substitution as a factor in the development of domestic digital technology. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 82–101. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.5 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina D. Kopytova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Sergei S. Prosukov – Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: saint_ps@mail.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.3

УДК 332.12;332.13;332.14 | ББК 65.04

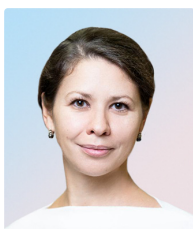
© Невьянцева Л.С., Акбердина В.В.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ЭКОНОМИКИ



ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВНА НЕВЬЯНЦЕВА

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: lnevyantseva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1009-4317



ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА АКБЕРДИНА

Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: akberdina.vv@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-6463-4008; ResearcherID: JAO-0060-2023

Исследование направлено на разработку и апробацию методического подхода к оценке эффективности реализации региональной инвестиционной политики. Его особенность заключается в том, что анализируемые показатели оценки адаптированы под современные цели экономической политики, связанные с обеспечением технологического суверенитета страны. Предметом исследования выступает методический подход к оценке эффективности региональной инвестиционной политики на основе показателей ресурсной эффективности, эффективности затрат на инновации и показателей, отражающих результаты инвестирования в инновации. Цель состоит в раскрытии экономической сущности понятий «технологический суверенитет», «региональная инвестиционная политика» и «эффективность»; разработке методического подхода к оценке эффективности реализации инвестиционной политики в условиях научно-технологического и инновационного развития; формированию и апробации инструментария оцен-

Для цитирования: Невьянцева Л.С., Акбердина В.В. (2025). Методический подход к оценке эффективности реализации региональной инвестиционной политики в контексте обеспечения технологического суверенитета экономики // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 38–58. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.3

For citation: Nev'yantseva L.S., Akberdina V.V. (2025). Methodological approach to assessing the effectiveness of regional investment policy implementation in the context of ensuring the technological sovereignty of the economy. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 38–58. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.3

ки регионального инновационно-технологического потенциала и влияния инвестиций на него. Методология строится на общенаучных методах исследования, а также методах математической статистики. В рамках статьи идентифицированы актуальные показатели реализации инвестиционной политики в условиях обеспечения технологического суверенитета экономики; установлен уровень эффективности реализации инвестиционной политики регионов; выявлено влияние отдельных показателей инвестиционной деятельности на уровень инновационно-технологического потенциала регионов. Полученные результаты могут быть применены в практике государственного управления инвестиционной деятельностью на национальном и региональном уровне для решения задач по обеспечению технологического суверенитета экономики, а также в деятельности различных инвестиционных агентств, фондов и институтов привлечения и развития инвестиций. Практическая значимость исследования состоит в возможности формирования перспективных межрегиональных инвестиционных проектов в сфере достижения технологического суверенитета экономики.

Технологический суверенитет, региональная инвестиционная политика, инвестиции, оценка, эффективность, инновационно-технологический потенциал.

Введение

В настоящее время для российской экономики проявилась необходимость решения проблем, связанных с обеспечением независимого технологического развития и достижения национальной экономической безопасности. Ввиду жесткой санкционной политики со стороны недружественных стран, запрещающей промышленным компаниям доступ к передовым технологическим решениям, критически важным для высокотехнологичного производства, национальной экономике следует быстро адаптироваться к современным условиям развития. Поэтому ключевым направлением экономической политики становится решение проблем, связанных с рисками возникновения серьезного технологического отставания, для чего требуется обеспечить независимость российской промышленности в области производства критических и сквозных линий разработки, в значительной степени сопряженных с иностранным ресурсным обеспечением, или ее технологический суверенитет.

В законопроекте «О технологической политике в Российской Федерации» содержится определение, согласно которому технологический суверенитет – это независимость Российской Федерации в сфере раз-

вития технологий, выражающаяся в национальном контроле на основе собственных линий разработки технологий над критическими и сквозными технологиями, а также в самостоятельном создании конкурентоспособной высокотехнологичной продукции с применением указанных технологий¹.

В зарубежной литературе технологический суверенитет зачастую понимается как способность страны самостоятельно генерировать научные знания и технологии (Crespi et al., 2021), а также гарантировать доступ в любое время к ключевым технологиям, необходимым для удовлетворения социальных приоритетов и потребностей (Falck, Falk, 2024). Более содержательным представляется понимание технологического суверенитета как способности государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности (Rodríguez et al., 2020).

Основополагающим условием и фактором формирования технологической независимости и разработки инновационных продуктов является обеспеченность экономики собственными внутренними ресурсами. В связи с этим считаем верным, что для расширения ресурсной базы и активизации политики по обеспечению технологическо-

¹ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 632206-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632206-8> (дата обращения 19.03.2025).

го суверенитета экономики особое значение имеет государственная инвестиционная политика. Так, согласно планам Правительства РФ, объем инвестиций в отраслях технологического суверенитета должен вырасти на 70% к 2030 году (Невьянцева, 2024а).

При этом инвестиционная политика государства прямым образом сопрягается с промышленной политикой, в рамках которой регулируются процессы развития определенных отраслей экономики. Отметим, что во всем мире активно происходит переосмысление роли промышленной политики как инструмента трансформации экономики (Juhász et al., 2023; Rodrik, Stiglitz, 2024).

В.А. Коршук и Э.А. Чельшева изучают технологический суверенитет как приоритет государственной промышленной политики, в связи с чем, по их мнению, технологический суверенитет – это управляемое состояние промышленности, при котором наличие и сочетание различных ресурсов обеспечивают возможность производства стратегической и критически важной продукции в достаточном (или превосходящем потребности) объеме с соответствующими параметрами качества (Коршук, Чельшева, 2023). При этом целевое состояние должно иметь конкретные временные, а также количественно и качественно измеримые показатели (Фролов, Тресорук, 2022).

Мы соглашаемся с мнением Б.Д. Матризаева о том, что технологический суверенитет имеет всеобъемлющий характер, охватывая технологический и производственный цикл и требуя широкого спектра компетенций, активов и источников (Матризаев, 2022).

На сегодняшний день реализация проектов технологического суверенитета не демонстрирует плановых результатов. Так, по данным Торгово-промышленной палаты, за 2023 год объем профинансированных инвестиционных проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики составил около 315 млрд руб.

вместо планируемых 1–2 трлн руб. При этом 250 млрд руб. было профинансировано за счет банковских средств². Недостижение показателей связано как с высокой на текущий момент стоимостью кредитных ресурсов на финансовом рынке (непрерывный рост ключевой ставки Центрального банка), так и с неэффективным использованием стимулирующих инструментов регулирования и реализации проектов технологического суверенитета, недостатком льгот и поддержки инновационных высокотехнологичных производств.

Данные обстоятельства актуализируют вопросы государственного управления, связанные с повышением качества реализации инвестиционной политики, в том числе с оценкой ее эффективности. Актуальность исследования предопределила его цель, заключающуюся в разработке и апробации методического подхода к оценке эффективности реализации инвестиционной политики регионов, а также в раскрытии научной и практической сущности понятий «региональная инвестиционная политика» и «эффективность».

Поскольку форма государственного устройства России имеет федеративный характер, роль входящих в нее субъектов в макроэкономическом развитии очевидна. Усиление роли регионов в достижении технологического суверенитета и научно-технологическом развитии подчеркнуто фондом Национальной технологической инициативы и Агентством стратегических инициатив³.

Апробация методического инструментария будет производиться на субъектах ведущего российского региона – Уральского федерального округа. Выбор обусловлен тем, что субъекты округа имеют различную промышленную специализацию, а также отличаются показателями социально-экономического развития и уровнем инвестиционной активности, в том числе в сфере инновационно-технологической деятельности.

² Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://www.tpprf.ru/ru> (дата обращения 25.03.2025).

³ В Фонде НТИ сообщили об увеличении роли регионов в научно-технологическом развитии России. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/15130309?ysclid=lnkewb2dko671855545>

Методология исследования

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные по показателям инвестиционной деятельности в части инновационного и научно-технологического развития, предоставляемые Росстатом. Методологическая база исследования строится на основе общенаучных методов, а также на методах статистической обработки информации, сравнения, сопоставления и систематизации аналитических данных. Для оценки эффективности инвестиционной политики был применен индексный метод (расчет среднего геометрического и арифметического), а также метод расчета средней величины. Для оценки инновационно-технологического потенциала использовались метод линейного масштабирования, корреляционный анализ. Для описания корреляционной зависимости показателей применен метод графической визуализации.

Научные подходы к понятиям «региональная инвестиционная политика» и «эффективность»

Анализ работ, посвященных исследованию региональной инвестиционной политики (далее – РИП), позволил выделить четыре подхода к ее научному пониманию:

- 1) системный (Молчанова, 2011; Петров, 2012; Новокшонова, 2014);
- 2) воспроизводственный (Закирова, 2011; Аджигова, 2018);
- 3) институциональный (Пшиканоква, 2005; Москвитина, 2015);
- 4) деятельностный (Маколов, 2008; Осипов, 2008).

Остановимся на отличительных характеристиках каждого подхода. Так, в рамках системного подхода РИП выступает составным элементом общей социально-экономической политики территории, а цель РИП заключается в мобилизации и активизации инвестиционных ресурсов. В рамках воспроизводственного подхода РИП направлена, главным образом, на обеспечение воспроизводства основных фондов хозяйствующих субъектов. Согласно ин-

ституциональному аспекту, РИП представляет собой совокупность регулирующих документов инвестиционного развития. В рамках деятельностного подхода РИП – это целенаправленная инвестиционная деятельность всех участвующих в ней акторов, а ее цель состоит в идентификации инвестиционных приоритетов региона наряду с управлением инвестиционными ресурсами.

Авторам близок системный подход, где РИП представлена в качестве составного структурного элемента социально-экономической региональной политики, и деятельностный, в рамках которого РИП представляет собой целенаправленную деятельность акторов инвестиционного процесса с выделением ключевых приоритетов инвестирования в стратегические отрасли промышленности. При этом инвестиционная деятельность осуществляется в адаптирующихся к усиленному технологическому развитию условиях и направлена на достижение стратегических целей развития, определяющих условия обеспечения технологического суверенитета экономики.

Таким образом, реализация РИП в рамках обеспечения технологического суверенитета экономики должна соответствовать следующим требованиям:

- 1) ключевые цели управления инвестиционной деятельностью должны быть направлены на качественную структурную трансформацию промышленности для повышения в ней уровня высокотехнологической и инновационной составляющей;
- 2) направленность на реализацию приоритетных инвестиционных проектов, относящихся к таксономии проектов технологического суверенитета экономики;
- 3) нацеленность инвестиционной стратегии на поддержку и интенсификацию научно-технологического и инновационного развития;
- 4) обеспечение инвестиционной привлекательности, конкурентоспособности и технологической независимости территории в течение кратко- и долгосрочного периода времени.

Поскольку главная цель работы заключается в оценке эффективности РИП, необходимо понимать, что представляет собой именно эффективная инвестиционная политика. Для этого рассмотрим различные точки зрения относительно понятия «эффективность», существующие в экономической науке.

Классическая экономическая теория рассматривает эффективность как самостоятельную категорию. D. Ricardo предлагает традиционное понимание эффективности, подразумевая под ней превышение результата над затратами (Ricardo, 1995). Подобный подход является основным в современной экономической науке и часто применяется в работах, посвященных оценке определенных действий.

В начале XX века V. Pareto предложил модель экономической эффективности, в соответствии с которой под эффективностью понимается состояние системы, когда все выгоды от процесса обмена между участниками процесса исчерпаны (Pareto, 1962). G. Emerson обозначает эффективность как главную задачу управления (Emerson, 1992). По мнению ученого, эффективность также связана с понесенными затратами.

В процессе развития экономической мысли и смены научных парадигм понятие «эффективность» подвергалось пересмотру, приобретая более обширный перечень пояснений. В частности, с появлением институциональной концепции понимание эффективности выходит за пределы ограниченного подхода, основанного на сопоставлении полученных результатов с понесенными затратами, и принимает расширенное толкование в аспекте оценки достигнутых результатов и планируемых целей (эффектов).

Как считает представитель институционального подхода D. North, система эффективна в случае, когда воспроизводит условия экономического роста (North, 2010). J. Galbraith, исследуя экономическую эффективность на микроуровне, приходит к выводу, что таковая определяется способностью достигать поставленных целей (Galbraith, 1979).

В рамках неинституционального направления понятие «эффективность» также сопрягается, по мнению J. van Gig, со степенью достижения ряда целей (Gig, 1981). P. Doyle, P. Stern связывают эффективность с удовлетворением нужд потребителей (Doyle, Stern, 2006).

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «эффективность» по мере развития экономической науки эволюционировало и в практике государственного управления сопрягается не только со значением соотношения результата и затрат, но и со значением взаимосвязей результата и целей. Кроме того, в настоящее время большинство западных экономистов видит в эффективности степень достижения целевых установок (Штеле, Вечерковская, 2017).

Э.Р. Бирюкова подчеркивает, что эффективность стоит рассматривать как элемент деятельности политического субъекта, а не соотношение «затраты – производство» (Бирюкова, 2020). Аналогичного мнения придерживается Ю.А. Бабань, подчеркивая, что понятие «эффективность» не может быть ограничено отношением достигнутого результата к затраченным ресурсам, ввиду того что величина такого соотношения неоднозначна, поскольку оно различается в зависимости от временного интервала и методики расчета (Бабань, 2002).

На наш взгляд, эффективность РИП представляет собой общий результат социально-экономических достижений посредством привлечения инвестиций, направленных на обеспечение устойчивого экономического роста. Мы соглашаемся с точкой зрения В.В. Кочеткова: эффективность характеризуется как мера достижения целей процесса деятельности; как полезность и действенность; как способность достичь определенного результата к определенному сроку независимо от количества инвестируемых ресурсов (Кочетков, Ратушняк, 2017). Для измерения эффективности РИП применяют специально разработанную систему показателей, отражающую состояние инвестиционной деятельности за конкретный временной период. Эффективность РИП непосредственно

выражается в положительных темпах роста показателей ее оценки. Согласно авторскому подходу, чем выше динамический рост показателей, тем эффективнее РИП.

Методический подход к оценке эффективности региональной инвестиционной политики

Перед тем как перейти к формированию и апробации методического подхода к оценке эффективности РИП, рассмотрим степень изученности этого вопроса.

Так, анализ зарубежной литературы, посвященной тематике инвестиционного развития страны и территорий, показал, что самой исследуемой категорией в этом направлении выступает инвестиционный климат, в то время как исследования инвестиционной политики не приобрели такой популярности (Huggins et al., 2015; Fratesi, Vishlade, 2017). В частности, инвестиционный климат позиционируется как интегральный показатель «качества» инвестиционной ситуации на территории, в связи с чем зачастую анализируется уровень инвестиционной привлекательности региона (Bali et al., 2019; Mukherjee, Bali, 2019). На результатах оценки данных компонент базируется большинство методик оценки инвестиционного развития страны и территориальных образований. Среди популярных зарубежных методик можно отметить финансово-кредитные рейтинги стран, определяемые экспертными агентствами Moody's, Fitch Ratings, Arthur Andersen, Standard & Poor's», а также рейтинги инвестиционной привлекательности стран, публикуемые мировыми изданиями («The Economist» и «Euromoney» (Англия), «Fortune» (США)).

В отличие от международной практики аналогичные исследования российских ученых и экспертных агентств имеют региональный ракурс. Успешную апробацию в России прошли методика оценки регионального инвестиционного климата Института экономики РАН; методика

Совета по изучению производительных сил; анализ инвестиционных особенностей регионов под руководством А.С. Мартынова с использованием программы Datagraf и т. д. Существенный научно-практический вклад в развитие инструментария оценки инвестиционного климата регионов внесли рейтинговые агентства (РАЭК-Аналитика, Национальное рейтинговое агентство, Агентство стратегических инициатив, РИА Рейтинг, АКРА и т. д.).

Разрабатывая методический подход и инструментарий оценки эффективности РИП, будем руководствоваться специальными методическими принципами, которые применяются также для оценки эффективности инвестиционных проектов. Данные принципы изложены в соответствующих нормативных методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов⁴. Кроме того, для разработки авторского методического подхода будут применяться принцип гибкости – способность идентификации к новым тенденциям и целям инвестиционно-экономического развития; принцип сопоставимости – соответствие анализируемых показателей эффективности РИП целям и задачам, поставленным в документах стратегического развития (а именно в стратегиях научно-технологического, инновационного и инвестиционного развития регионов); принцип обеспечения лучшего режима функционирования системы, предполагающий межрегиональный сравнительный анализ и ориентацию на наилучший достигнутый результат.

Нами поставлена цель оценить эффективность РИП в контексте технологического суверенитета. В предыдущем исследовании осуществлялись анализ и оценка эффективности РИП (за более ранний временной период) на основе первой части алгоритма (Невьянцева, 2024b). В данной статье алгоритм модифицирован следующим образом: 1) исключена оценка показателей, отража-

⁴ Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: утв. Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Государственным комитетом РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике 21.06.1999 № ВК477.

ющих косвенные эффекты РИП, характеризующих социально-экономическое развитие региона (а именно – ВРП, инвестиции в основной капитал, прямые иностранные инвестиции, индекс промышленного производства); 2) в дополнение методического подхода поставлена задача, заключающаяся в оценке уровня инновационно-технологического потенциала региона и влияния инвестиций на него.

Авторами предлагается методический подход, состоящий из двух этапов:

1) оценка эффективности инвестиционной политики, основанная на анализе статистических показателей, непосредственно характеризующих уровень научно-технологического и инновационного развития регионов;

2) анализ и оценка уровня регионального инновационно-технологического потенциала, а также установление степени влияния инвестиций на него; уровень инновационно-технологического потенциала в некоторой мере отражает уровень технологического суверенитета, так как инновационно-технологический потенциал показывает способность региона к обеспечению высокотехнологичного производства, условиями которого являются высокий уровень развития инноваций и создание современных технологических решений.

Авторский методический подход основан на индексном методе. Его преимущества заключаются в том, что он позволяет изучить изменения показателей инвестиционной деятельности во времени в динамике; провести пространственные межрегиональные сравнения; выявить структурные изменения в инвестиционной деятельности.

Научная новизна авторского методического подхода состоит в использовании ресурсных оценочных показателей инвестиционной деятельности, характеризующих инновационно-технологическое развитие регионов, которое влияет на обеспечение технологического суверенитета экономики, а также в оценке уровня инновационно-технологического потенциала и влияния

показателей инвестиционной деятельности на него, что отражает условия обеспечения технологического суверенитета.

На основании этого авторская система показателей оценки эффективности РИП сгруппирована в три блока:

1) показатели научно-технологического развития: включают финансовые затраты на осуществление научно-технологической и инновационной деятельности, которые необходимы для создания и производства высокотехнологичной продукции;

2) показатели эффективности затрат на инновации: включают удельные веса показателей научно-технологической и инновационной деятельности в совокупной структуре инвестиций региональной экономике;

показатели, отражающие результаты инвестирования в инновации: включают эффекты, возникающие при осуществлении инвестиционной деятельности в области инновационно-технологического развития, выраженные как количественными, так и относительными показателями.

Предлагаемую систему нельзя обозначить как всеобъемлющую. Вместе с тем анализ и интерпретация данных результирующих показателей позволяют сформулировать выводы, касающиеся особенностей реализации РИП в условиях обеспечения технологического суверенитета экономики.

Алгоритм оценки эффективности РИП представлен на *рис. 1*.

Для измерения эффективности РИП целесообразно использовать показатели в относительном выражении, так как цель работы состоит в оценке регионального управления инвестиционной деятельностью и оценке непосредственно достигнутых эффектов РИП независимо от уровня социально-экономического развития региона, инновационно-инвестиционного потенциала, структурно-географических факторов. Эффекты реализации РИП в первую очередь должны стремиться к положительной динамике значений темпов роста показателей и их нарастающей тенденции, что выступает одной из предпосылок инновационно-технологического развития.

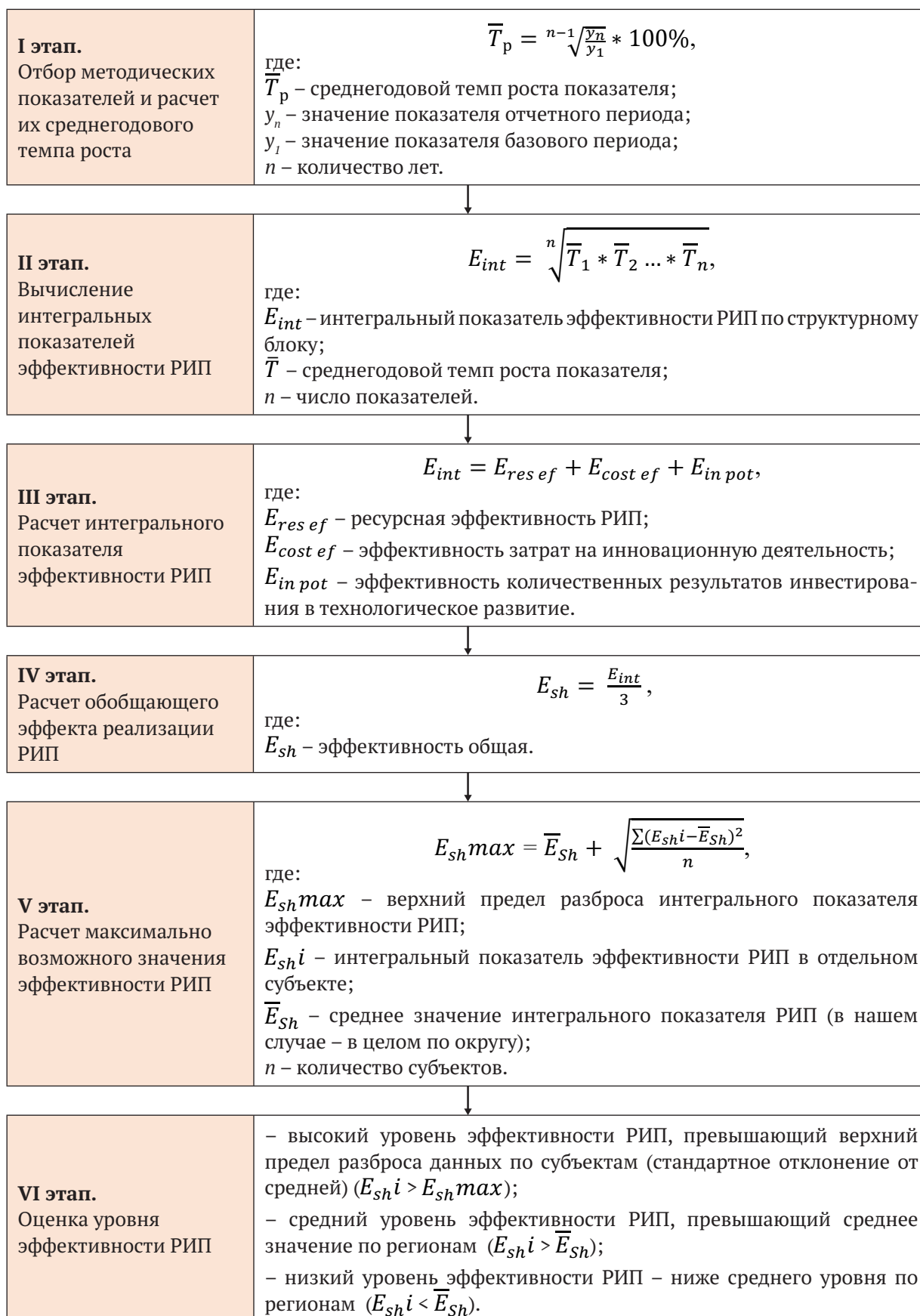


Рис. 1. Алгоритм оценки эффективности реализации региональной инвестиционной политики

Источник: составлено авторами.

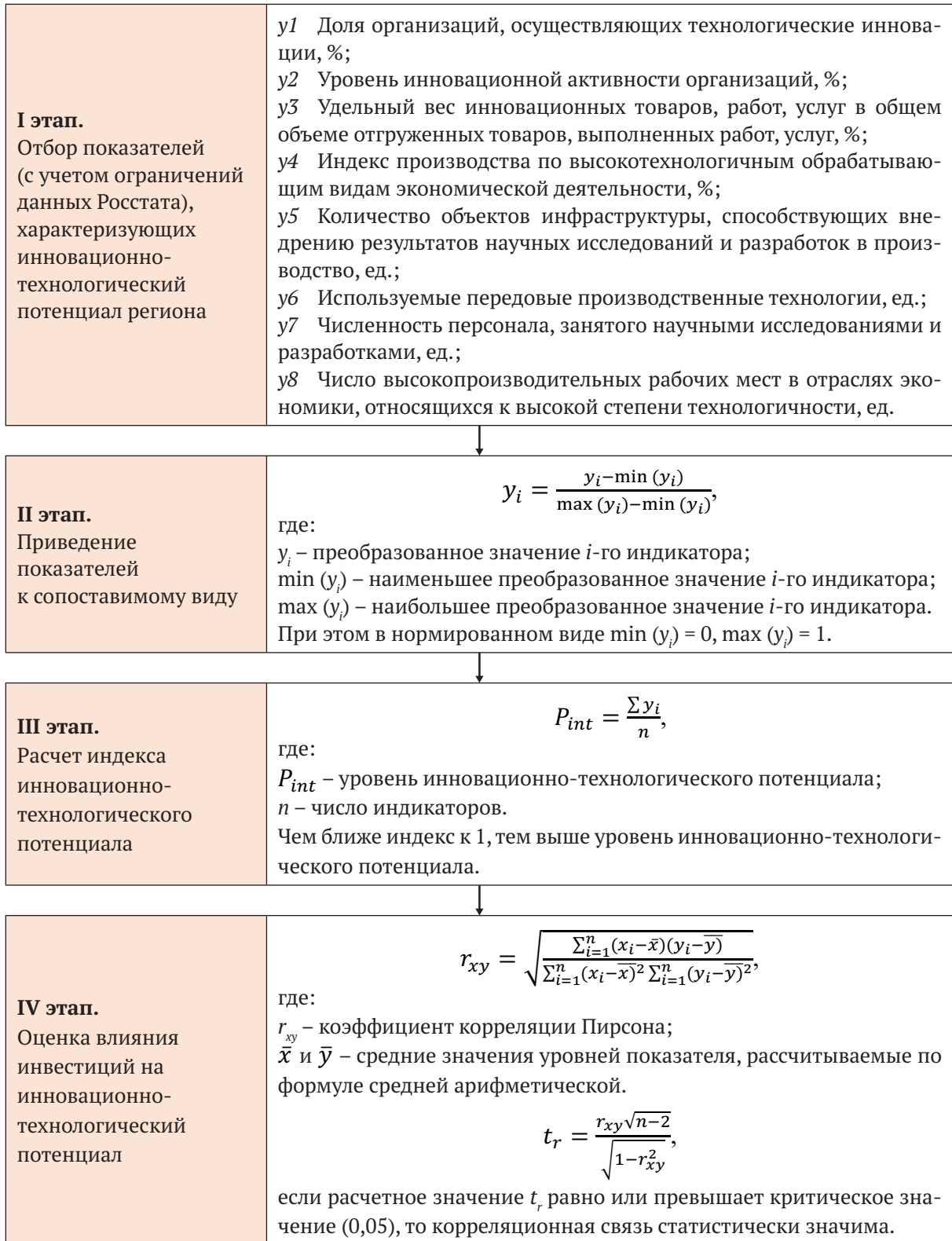


Рис. 2. Алгоритм оценки уровня инновационно-технологического потенциала и влияния инвестиций на него

Источник: составлено авторами.

Для расчета интегральных показателей эффективности РИП по аналитическим блокам используется формула среднего геометрического, поскольку она способна более точно оценить реальную эффективность за несколько лет в динамике. Для расчета общего эффекта используется формула среднего арифметического, так как она минимизирует влияние колебаний в выборке и дает более точную оценку.

В рамках методического подхода, следуя принципу взвешенности оценочных показателей, веса структурных блоков признаются равнозначными и равняются 1.

Алгоритм оценки инновационно-технологического потенциала представлен на рис. 2. В общем понимании инновационно-технологический потенциал представляет собой насыщенность территории факторами высокотехнологичного производства, на основании чего отобран соответствующий этим условиям перечень показателей.

Далее перейдем к результатам апробации методического подхода.

Результаты

Анализ и оценка эффективности региональной инвестиционной политики

В табл. 1 представлен состав показателей для оценки эффективности РИП и отражены темпы их роста за 6 лет в субъектах Уральского федерального округа.

Затраты на инновационную деятельность организаций в целом по УрФО показали существенный рост (+13,0%). Значительный их рост отмечен в автономных округах (+16,6%), а также в Свердловской (+13,4%) и Челябинской (+11,9%) областях. В Курганской и Тюменской областях затраты на инновационную деятельность организаций также увеличились, но не более чем на 5 и 10% соответственно. Положительный результат закономерно связан с целью обеспечения технологического суверенитета страны, и субъекты УрФО в кратчайшие сроки сумели адаптировать региональное производство под новые технологические изменения. Внутренние затраты на научные исследования также увеличиваются во всех субъектах

УрФО (наиболее всего в Тюменской области без автономных округов и Курганской области – на 12,9 и 11,5% соответственно).

Затраты на реконструкцию и модернизацию и затраты на машины, оборудование, транспортные средства возросли во всех субъектах округа.

Максимальная ресурсная эффективность РИП зафиксирована в ЯНАО (117,6), что связано с усиленным ростом затрат на реконструкцию и модернизацию (+46,1%) и затрат на инновационную деятельность организаций. Далее следует Челябинская область (113,3) за счет наращивания расходов на технологическое обновление производства, ХМАО-Югра (11,7) за счет роста затрат на инновационную деятельность организаций и затрат на реконструкцию и модернизацию. Немного ниже показатель у Свердловской и Курганской областей (110,9 и 109,3). В Свердловской области это обусловлено низким ростом затрат на научные исследования и разработки, в Курганской – низким ростом затрат на инновационную деятельность организаций.

В разрезе структурных показателей, отражающих ресурсную эффективность РИП, лучший результат имеет Челябинская область (108,0) за счет увеличения удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров промышленного производства (+25,3%), что связано с ростом затрат на технологические инновации (+11,9%). В ХМАО-Югре показатель ресурсной эффективности РИП составил почти 100,0. В других регионах показатель продемонстрировал снижение. Наихудшие результаты имеют ЯНАО (89,7), Тюменская область (91,9), Курганская область (92,9), что обусловлено внутренними региональными экономическими условиями, которые в том числе связаны с отсутствием жесткой необходимости инновационного развития ввиду отраслевых специализаций. В Свердловской области также зафиксировано низкое значение показателя (97,4) в связи с резким снижением доли затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров.

Таблица 1. Интегральные показатели результатов реализации региональной инвестиционной политики и темпы их роста (2018–2023 гг.)

Результаты реализации РИП	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область	Уральский федеральный округ
Показатели научно-технологического развития (ресурсная эффективность)								
Затраты на инновационную деятельность организаций	104,6	113,4	115,8	116,6	116,6	109,2	111,9	113,0
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	111,5	105,8	111,9	107,6	108,4	112,9	107,8	108,1
Затраты на реконструкцию и модернизацию	113,9	108,0	124,0	117,4	146,1	111,8	115,5	120,1
Затраты на машины, оборудование, транспортные средства	107,3	116,8	102,2	105,6	103,7	99,3	118,1	106,4
Интегральный индекс эффективности ($E_{res\ eff}$)	109,3	110,9	113,2	111,7	117,6	108,2	113,3	111,8
Показатели эффективности затрат на технологические инновации								
Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал	93,9	94,9	115,0	106,0	135,8	113,4	103,3	110,0
Доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию	88,4	102,7	94,8	95,3	96,3	100,7	105,6	97,5
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства	93,6	102,4	77,5	119,3	67,2	70,5	125,3	99,7
Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	95,9	90,0	80,1	83,4	73,5	88,5	99,4	84,9
Интегральный индекс эффективности ($E_{cost\ eff}$)	92,9	97,4	90,7	100,1	89,7	91,9	108,0	97,6
Показатели, отражающие результаты инвестирования в инновации								
Объем инновационных товаров, работ услуг	113,7	113,9	120,8	115,4	131,9	115,4	111,9	118,3
Уровень инновационной активности организаций	102,9	93,8	87,5	93,9	85,3	86,6	94,6	91,9
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации	100,1	100,0	96,4	100,5	89,8	96,5	98,5	98,5
Количество созданных передовых производственных технологий	н/д	111,7	–	–	–	107,8	92,2	101,6
Интегральный индекс эффективности ($E_{in\ pot}$)	105,4	104,5	100,7	102,9	100,3	101,0	99,0	102,6
Сводный индекс эффективности	102,5	104,3	101,5	104,9	102,6	100,3	106,8	103,8
Источник: расчеты авторов.								

В разрезе результатов инвестирования в инновации прослеживается тенденция увеличения объема инновационных товаров, работ, услуг по всему округу (+18,3%). Особенно показатель вырос в ЯНАО (+31,9%), что связано с реализацией ранее выполнявшихся инновационных проектов, которые завершили инвестиционный цикл. Уровень инновационной активности организаций по УрФО упал на 8,1% вследствие сокращения числа предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, показав рост только в Курганской области (+2,9%). Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, по округу снизилась на 1,5%, причем превалирует тенденция к сокращению технологических компаний в Челябинской, Тюменской областях и в ЯНАО. В остальных субъектах число технологических компаний остается неизменным. Это обусловлено высокими рисками реализации инвестиционных проектов высокотехнологичных производств (кредитно-монетарными, фискальными и т. д.), недостаточной государственной поддержкой инновационной деятельности и другими причинами.

В табл. 2 представлены интегральные показатели эффективности РИП и сводный показатель эффективности. При этом, согласно синергетическому подходу рассмотрения эффективности, если один элемент системы неэффективен, то это не означает, что система в целом неэффективна. Система

может быть эффективной при неэффективности одного или нескольких элементов (Сухарев, 2008).

Таким образом, к группе высокого уровня эффективности РИП относится только Челябинская область (106,8%). В группу среднего уровня эффективности РИП входят два субъекта УрФО: Свердловская область (104,3%) и ХМАО-Югра (104,9%). В группу низкого уровня эффективности РИП – Курганская область (102,5%), ЯНАО (102,6%), Тюменская область в целом (101,5%) и Тюменская область без автономных округов (100,3%).

Оценка регионального инновационно-технологического потенциала и влияния инвестиций на него

Система показателей инновационно-технологического потенциала и их нормированные значения представлены в табл. 3.

По результатам расчетов рейтинг субъектов УрФО по уровню инновационно-технологического потенциала выглядит следующим образом:

- 1) Свердловская область ($P_{int} = 0,93$);
- 2) Челябинская область ($P_{int} = 0,82$);
- 3) Курганская область ($P_{int} = 0,43$);
- 4) Тюменская область без автономных округов ($P_{int} = 0,41$);
- 5) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра ($P_{int} = 0,11$);
- 6) Ямало-Ненецкий автономный округ ($P_{int} = 0,02$).

Таблица 2. Интегральные индексы и эффективность реализации РИП в области достижения технологического суверенитета экономики

Субъект	E_{shmax}	\bar{E}_{sh}	E_{sh}	Оценка уровня эффективности
Курганская область	106,11	103,27	102,53	Низкая
Свердловская область	106,11	103,27	104,27	Средняя
Тюменская область	106,11	103,27	101,54	Низкая
Ханты-Мансийский автономный округ	106,11	103,27	104,90	Средняя
Ямало-Ненецкий автономный округ	106,11	103,27	102,55	Низкая
Тюменская область без автономных округов	106,11	103,27	100,34	Низкая
Челябинская область	106,11	103,27	106,76	Высокая
Источник: расчеты авторов.				

Таблица 3. Система натуральных и нормированных показателей инновационно-технологического потенциала регионов

Показатель	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область
Система натуральных показателей инновационно-технологического потенциала						
y1	20,5	24,1	9,7	7,7	21,4	23,4
y2	12,4	12,1	5,7	3,9	10,0	12,6
y3	2,3	7,9	1,0	0,0	3,7	16,0
y4	120,6	126,6	97,8	98,1	112,4	118,3
y5	10	19	9	1	3	17
y6	1387	15732	2062	3520	2318	8441
y7	618	20248	1248	145	6091	16025
y8	23023	98532	1395	560	13038	69363
Система нормированных показателей инновационно-технологического потенциала						
y1	0,78	1,00	0,12	0,00	0,84	0,96
y2	0,98	0,94	0,21	0,00	0,70	1,00
y3	0,14	0,49	0,06	0,00	0,23	1,00
y4	0,79	1,00	0,00	0,01	0,51	0,71
y5	0,50	1,00	0,44	0,00	0,11	0,89
y6	0,00	1,00	0,05	0,15	0,45	0,49
y7	0,02	1,00	0,05	0,00	0,30	0,79
y8	0,23	1,00	0,01	0,00	0,13	0,70
P_{int}	0,43	0,93	0,12	0,02	0,41	0,82
Источник: расчеты авторов.						

Максимальный инновационно-технологический потенциал имеют регионы с высоким уровнем развития инновационной инфраструктуры – Свердловская (0,93) и Челябинская (0,82) области. В частности, они характеризуются большим числом научно-исследовательских организаций и научных кадров, занимающихся инновационными разработками; наличием развитых зон локализации инвестиций – особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития, промышленных парков, технопарков и т. д. Кроме того, в данных регионах более развита институциональная среда, регулирующая привлечение инвестиций.

Далее, согласно алгоритму методического подхода, необходимо установить влияние показателей инвестиций на инновационно-

технологический потенциал, для чего отобраны следующие их виды:

- внутренние затраты на научные исследования и разработки;
- затраты на инновационную деятельность организаций;
- инвестиции на технологическое обновление производства.

Выбор данных показателей обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, для производства инновационных технологий необходимо НИОКР и фундаментальных исследований; во-вторых, для производства новейших материалов и комплектующих необходимы инвестиции в инновации; в-третьих, для создания инноваций требуется выполнение условий, в числе которых обновление производственных фондов и материально-технической базы.

Таблица 4. Влияние инвестиций на уровень инновационно-технологического потенциала региона

Показатель	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Степень связи	Значение t-критерия	Оценка значимости
Затраты на инновационную деятельность организаций	0,003	9,90008E-06	Отсутствует	0,006	Незначим
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	0,87	0,77	Высокая	3,61	Значим
Затраты на технологическое обновление производства	0,19	0,03	Слабая	0,38	Значим
Источник: расчеты авторов.					

Проведя расчетные действия, мы получили следующие результаты (табл. 4).

Для оценки уровня связи была применена шкала Чеддока.

Критерий корреляции Пирсона устанавливает факт наличия и силу линейной взаимосвязи между величинами. Прочие характеристики (направление и характер изменений и наличие зависимости одной переменной от другой) определяются при помощи регрессионного анализа⁵. В рамках настоящего исследования примем допущение, что с увеличением инвестиций уровень инновационно-технологического потенциала также будет возрастать.

Согласно полученным результатам, высокая степень связи инновационно-технологического потенциала обнаружена с показателем внутренних затрат на научные исследования и разработки (изменение уровня инновационно-технологического потенциала на 77% объясняется изменением данного фактора). Высокая связь показателей может быть обусловлена с непрерывным ростом затрат на внутренние научные исследования и разработки за исследуемый период во всех субъектах УрФО.

Слабая корреляционная связь установлена с затратами на технологическое обновление производства; согласно коэффициенту детерминации, изменение инновационно-технологического потенциала на 3% объясняется изменением затрат на технологическое обновление производства. Это связано как с общей тенденцией износа основных

производственных фондов в целом по стране и регионам, низким коэффициентом их обновления, так и с недостаточным ростом инвестиций на реконструкцию и модернизацию основных фондов и инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства.

Корреляционная взаимосвязь показателей продемонстрирована на рис. 3.

Отсутствие корреляционной связи установлено с показателем затрат на инновационную деятельность организаций. Это можно объяснить низким уровнем инновационной активности, которая снижалась во всех субъектах УрФО в течение 2018–2023 гг. (за исключением Курганской области). Кроме того, для преобразования инвестиционных ресурсов и затрат в практические результаты инновационной деятельности требуется средне- и долгосрочный период времени (от двух лет и более), поэтому их влияние проявляется через определенное время.

Таким образом, на настоящем этапе экономического развития влияние РИП на уровень инновационно-технологического потенциала регионов не демонстрирует значимости, что можно связать с относительно невысокой эффективностью РИП в направлении финансирования инноваций и новых технологических проектов. Для повышения инновационно-технологического потенциала требуется активизация РИП в контексте связки «инновации – инвестиции». Вследствие этого актуализируются вопросы, касающиеся повышения эффективности

⁵ Методы статистики. URL: <https://medstatistic.ru/methods/methods8.html?ysclid=lu6zby6w7656137273>

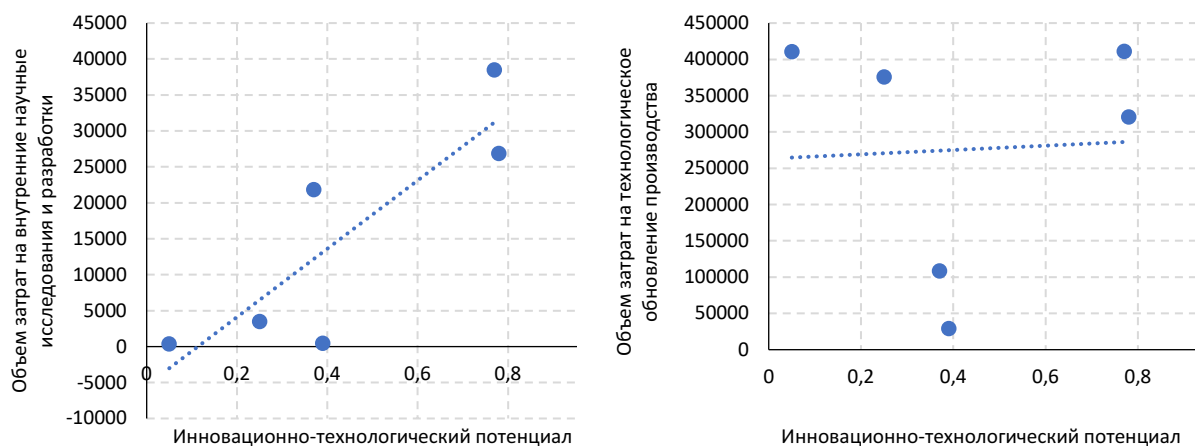


Рис. 3. Корреляционная взаимосвязь между затратами на внутренние научные исследования и разработки и затратами на технологическое обновление производства и уровнем инновационно-технологического потенциала региона

Источник: составлено авторами.

реализации РИП для усиления инновационно-технологического потенциала территорий. Требуются современные инструменты и механизмы в отношении инновационных и высокотехнологичных проектов и своевременное обновление основных фондов, особенно в отраслях высокой степени технологичности.

Выводы

Обеспечение технологического суверенитета национальной экономики прямо связано с промышленной активностью регионов в части научно-технологического и инновационного развития. Инвестирование в приоритетные стратегические проекты технологического суверенитета и структурной трансформации экономики является ключевым драйвером достижения технологической независимости отечественного производства от иностранных ресурсов и технологий. В статье дана оценка эффективности реализации инвестиционной политики на региональном уровне, осуществляемой в современных условиях обеспечения технологического суверенитета экономики. Научная новизна исследования заключается в разработке нового двухэтапного методического подхода к оценке эффективности реализации РИП: 1) оценка эффективности РИП на основе показателей научно-технологического и инновационного развития;

2) оценка уровня инновационно-технологического потенциала и влияния инвестиций на него. Данный подход позволяет не только оценить эффективность инвестиций, вложенных в высокотехнологичный сектор и передовые производства, но и выявить через динамику совокупности специальных показателей тенденции инновационно-технологического развития региональной экономики. Впервые предложено оценить инновационно-технологический потенциал региона как компонент, характеризующий уровень технологического суверенитета экономики, и влияние ряда показателей инвестиционной деятельности на него.

По результатам оценки эффективности РИП обозначим основные выводы:

1) в УрФО существует пространственная поляризация инвестиций в инновационно-технологическую деятельность, что, однако, закономерно в силу структурно-географических факторов;

2) эффективность РИП в сфере обеспечения технологического суверенитета в большинстве субъектов округа имеет достаточно низкий уровень;

3) уровень инновационно-технологического потенциала в регионах остается низким и не превышает значения 0,5 (за исключением Свердловской и Челябинской областей);

4) влияние инвестиций на инновационно-технологический потенциал региона и на технологический суверенитета экономики в настоящее время слабо ощутимо (за исключением затрат на НИОКР);

5) превалирует инвестирование в традиционные виды экономической деятельности (ряд отраслей добывающей промышленности и первичной переработки топливно-сырьевых ресурсов) над инвестированием в высоко- и среднетехнологичные.

Для усиления инновационно-технологического развития РИП должна строиться на процессах трансформации промышленности путем сбалансированного инвестирования в экономические секторы разной степени технологичности. Как верно отмечает О.С. Сухарев, для этого требуется провести анализ структуры «старые – новые» технологии, что можно осуществить, решая задачу распределения инвестиций между технологиями с учетом влияния отдельных макропараметров (Сухарев, 2019).

В настоящее время активно развиваются формы поддержки инвестиционной деятельности в высокотехнологичных проектах и инструменты их реализации.

Согласно информации Аналитического центра при Правительстве РФ, одним из более востребованных инструментов поддержки инвестиционных проектов выступает единая субсидия на НИОКР: за 4 года выделено более 60 млрд руб., 40 млрд руб. составили частные инвестиции⁶. В дальнейшем предполагается, что эффективными механизмами стимулирования приоритетных проектов также станут кластерная инвестиционная платформа – механизм, который предоставляет льготные кредиты на производство приоритетной продукции, и промышленная ипотека, направленная на приобретение производственных площадей в целях осуществления промышленного производства, на строительство и модернизацию производственного объекта.

Помимо прочего, для инвестиционных проектов технологического суверенитета существуют такие меры поддержки, как займы фонда развития промышленности, финансирующие разработку инновационной высокотехнологичной продукции; инвестиционная тарифная льгота, выделяемая на инвестиционные проекты приоритетных отраслей экономики, в процессе формирования и реализации которых задействовано высокотехнологичное оборудование; инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль капитальных вложений, в том числе на проекты таксономии технологического суверенитета.

Для повышения эффективности инвестиционной политики в целях достижения технологического суверенитета регионам следует сосредоточиться на соответствующих принципах ее реализации, а именно на стимулировании развития инновационных НИОКР, обеспечении концентрации инвестиционных ресурсов на приоритетных высокотехнологичных проектах, синтезе инвестиционной политики и структурно-промышленной политики в целях обеспечения согласованного развития регионального производства; интеграции региональных экономик для совместной реализации приоритетных инвестиционных проектов; обеспечении доступности государственной финансовой поддержки на всех стадиях проектов технологического суверенитета; соответствии инвестиционных программ действующим стратегиям научно-технологического развития; создании инновационной инфраструктуры и т. д.

Таким образом, активно применяя современные инструменты финансирования инвестиций и специальные принципы формирования и реализации РИП, возможно улучшить показатели ее эффективности, а полученные результаты реализации РИП будут способствовать достижению технологического суверенитета страны.

⁶ Правительство завершает формирование новых нацпроектов, направленных на достижение технологического суверенитета. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/pravitelstvo-zaversaet-formirovanie-novyh-nacproektov-napravlennyh-na-dostizenie-tehnologiceskogo-suvereniteta-27841?ysclid=m08099nbqs657758726> (дата обращения 15.09.2024).

ЛИТЕРАТУРА

- Адджикова А.С. (2018). Особенности инвестиционной политики в регионе с аграрно-рекреационной специализацией // Вопросы управления. № 6 (55). С. 43–51.
- Бабань Ю.А. (2002). Совершенствование бизнес-процессов в современной философии управления // Финансовый бизнес. № 6. С. 33–40.
- Бирюкова Э.Р. (2020). Понятие «эффективность» в сфере государственного управления // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Юридические науки. № 1. С. 419–422.
- Закирова А. М. (2011). Региональная инвестиционная политика: содержание, принципы разработки и реализации // Вестник ТИСБИ. № 4. С. 1–9.
- Коршук В.А., Чельшева Э.А. (2023). Технологический суверенитет как приоритет промышленной политики Российской Федерации в условиях санкционного давления // Общество и цивилизация. Т. 5. № 2. С. 60–66.
- Кочетков В.В., Ратушняк Е.С. (2017). Показатели оценки эффективности управления // УЭкС. № 3 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-otsenki-effektivnosti-upravleniya> (дата обращения 20.03.2025).
- Маколов В.И. (2008). Инвестиционная политика региона: оценка состояния и новые задачи // Региология. № 4 (65). С. 145–151.
- Матризаев Б.Д. (2022). Исследование теоретических макроструктурных особенностей обеспечения стратегического технологического суверенитета и долгосрочного лидерства // Теоретическая экономика. № 8. С. 49–59.
- Молчанова Н.П. (2011). Регулирование инвестиционной деятельности как фактор управления региональным развитием // Advanced Engineering Research. Т. 11. № 4 (55). С. 560–568.
- Москвитина Н.А. (2015). Оценка региональной инвестиционной политики: теоретические и практические аспекты // Общественные финансы. № 31. С. 96–112.
- Невьянцева Л.С. (2024а). Межрегиональное инвестиционное взаимодействие как инструмент обеспечения технологического суверенитета экономики // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 41–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.4
- Невьянцева Л.С. (2024б). Оценка эффективности региональной инвестиционной политики в условиях обеспечения технологического суверенитета экономики // Статистика и экономика. Т. 21. № 1. С. 46–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-46-56
- Новокшонова Е.Н. (2014). Оценка эффективности региональной инвестиционной политики // Региональная экономика: теория и практика. № 11 (338). С. 49–60.
- Осипов П.Ю. (2008). Инвестиционный климат регионов как объект воздействия региональной инвестиционной политики // Вестник Тамбовского университета. № 8. С. 412–416.
- Петров А.В. (2012). Инвестиционная политика региона: ориентация на инновации // Креативная экономика. № 7 (67). С. 54–59.
- Пшиканоква Н.И. (2005). Региональная инвестиционная политика: институционально-экономический механизм стратегического управления // Вестник Адыгейского гос. ун-та. № 4. С. 35–65.
- Сухарев О.С. (2008). К новой теории эффективности экономики // Инвестиции в России. № 11. С. 9–17.
- Сухарев О.С. (2019). Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 36–55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2
- Фролов И.Э., Тресорук А.А. (2022). К вопросу о прогнозировании высокотехнологичных производств в современных условиях: теоретико-методологические аспекты // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 20. С. 7–40. DOI: 10.47711/2076-318-2022-7-40

- Штеле Е.А., Вечерковская О.Б. (2017). К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. Т. 16. № 5 (464). С. 935–947.
- Bali A., Capano G., Ramesh M. (2019). Anticipating and designing for policy effectiveness. *Politics and Society*, 38 (1), 1–13. DOI: 10.1080/14494035.2019.1579502
- Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021). European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56 (6), 348–354. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Doyle P., Stern P. (2006). *Marketing Management and Strategy*. Pearson Education Ltd.
- Emerson G. (1992). *The Twelve Principles of Productivity*. Moscow: Economics.
- Falck O., Falk S. (2024). Focus on critical key technologies: The race for leadership in industry and technology policy. *EconPol Forum*, 25 (3), 42–46.
- Fratesi H., Vishlade F.G. (2017). *The impact of European Cohesion Policy in various contexts*. *Regional Studies*, 51, 817–821.
- Galbraith J.K. (1979). *Economic Theories and Goals of Society*. Moscow: Progress Publ.
- Gig J. van (1981). *Applied General Theory of Systems*. Moscow: Mir.
- Huggins R., Morgan B., Williams N. (2015). Regional entrepreneurship and the evolution of public policy and governance. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 22 (3), 473–511.
- Juhász R., Lane N., Rodrik D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. Available at: <https://doi.org/10.3386/w31538> (accessed 30.04.2025).
- Mukherjee I., Bali A. (2019). Effectiveness and potential of politics: Two sides of the design coin. *Policy Design and Practice*, 2, DOI: 10.1080/25741292.2019.1632616 (accessed 30.04.2025).
- North D. (1990). *Understanding the Process of Economic Change*. Cambridge University Press.
- Pareto V. (1962). *Course of Political Economy*. Moscow: Ekon. lit.
- Ricardo D. (1995). *The Beginning of Political Economy and Taxation*. Moscow: Polit. lit.
- Rodríguez M.R. (2020). En busca de la autonomía tecnológica. La trayectoria de la Empresa Nuclear Argentina de centrales eléctricas S. A., 1980–1996. *América Latina en la Historia Económica*, 28 (1), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.18232/alhe.1097>
- Rodrik D., Stiglitz J. (2024). *A New Growth Strategy for Developing Nations*. Available at: <https://tinyurl.com/ymrg8qom> (accessed 30.04.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лилия Сергеевна Невьянцева – Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: inevyantseva@yandex.ru)

Виктория Викторовна Акбердина – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по науке, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: akberdina.vv@uiec.ru)

Nev'yantseva L.S., Akberdina V.V.

METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL INVESTMENT POLICY IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE ECONOMY

This study is aimed at developing and testing a methodological approach to assessing the effectiveness of regional investment policy. A distinctive feature of the research is that the analyzed indicators of this assessment are adapted to the modern goals of economic policy related to ensuring the technological sovereignty of the country. The subject of the study is the developed methodological approach to assessing the effectiveness of regional investment policy based on resource efficiency indicators, innovation cost efficiency indicators and indicators reflecting the results of investing in innovation. The purpose of the work is to reveal the economic essence of the concepts of “technological sovereignty”, “regional investment policy” and “efficiency”; to develop a methodological approach to assessing the effectiveness of investment policy implementation in the context of scientific, technological and innovative development; to form and test tools for assessing regional innovation and technological potential and the impact of investments on it. The research methodology is based on general scientific research methods, as well as methods of mathematical statistics. The key results of the study are as follows: current indicators of investment policy implementation in the context of ensuring technological sovereignty of the economy are identified; the level of effectiveness of regional investment policy implementation is established; The influence of individual investment activity indicators on the level of innovation and technological potential of regions was revealed. The obtained research results can be applied in the practice of state management of investment activity at the national and regional levels to solve problems of ensuring technological sovereignty of the economy, as well as in the activities of various investment agencies, funds and institutions for attracting and developing investments. The practical significance of the research consists in the possibility of forming promising interregional investment projects in the sphere of achieving technological sovereignty of the economy.

Technological sovereignty, regional investment policy, investments, assessment, efficiency, innovation and technological potential.

REFERENCES

- Adzhikova A.S. (2018). Peculiarities of investment policy in the region with agrarian and recreational specialization. *Voprosy upravleniya*, 6(55), 43–51 (in Russian).
- Baban' Yu.A. (2002). Business process improvement in modern management philosophy. *Finansovyi biznes*, 6, 33–40 (in Russian).
- Bali Sukharev O.S A., Capano G., Ramesh M. (2019). Anticipating and designing for policy effectiveness. *Politics and Society*, 38(1), 1–13. DOI: 10.1080/14494035.2019.1579502
- Biryukova E.R. (2020). The concept of “efficiency” in public administration. *Uchenye zapiski Krymskogo fed. un-ta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 1, 419–422 (in Russian).
- Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021). European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Doyle P., Stern P. (2006). *Marketing Management and Strategy*. Pearson Education Ltd.
- Emerson G. (1992). *The Twelve Principles of Productivity*. Moscow: Economics.
- Falck O., Falk S. (2024). Focus on critical key technologies: The race for leadership in industry and technology policy. *EconPol Forum*, 25(3), 42–46.

- Fratesi H., Vishlade F.G. (2017). The impact of European Cohesion Policy in various contexts. *Regional Studies*, 51, 817–821.
- Frolov I.E., Tresoruk A.A. (2022). On the issue of forecasting high-tech industries in modern conditions: Theoretical and methodological aspects. *Nauchnye trudy. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 20, 7–40. DOI: 10.47711/2076-318-2022-7-40 (in Russian).
- Galbraith J.K. (1979). *Economic Theories and Goals of Society*. Moscow: Progress Publ.
- Gig J. van (1981). *Applied General Theory of Systems*. Moscow: Mir.
- Huggins R., Morgan B., Williams N. (2015). Regional entrepreneurship and the evolution of public policy and governance. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 22(3), 473–511.
- Juhász R., Lane N., Rodrik D. (2023). *The New Economics of Industrial Policy*. Available at: <https://doi.org/10.3386/w31538> (accessed: 30.04.2025).
- Kochetkov V.V., Ratushnyak E.S. (2017). Indicators for assessing the effectiveness of management. *UEkS*, 3(97). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-otsenki-effektivnosti-upravleniya> (accessed: 20.03.2025; in Russian).
- Korshuk V.A., Chelysheva E.A. (2023). Technological sovereignty as a priority of the industrial policy of the Russian Federation under sanctions pressure. *Obshchestvo i tsivilizatsiya*, 5(2), 60–66 (in Russian).
- Makolov V.I. (2008). Investment policy of the region: Assessment of the state and new challenges. *Regionologiya*, 4(65), 145–151 (in Russian).
- Matrizaev B.D. (2022). Study of theoretical macrostructural peculiarities of ensuring strategic technological sovereignty and long-term leadership. *Teoreticheskaya ekonomika*, 8, 49–59 (in Russian).
- Molchanova N.P. (2011). Regulation of investment activity as a factor of regional development management. *Advanced Engineering Research*, 11, 4(55), 560–568 (in Russian).
- Moskvitina N.A. (2015). Evaluation of regional investment policy: Theoretical and practical aspects. *Obshchestvennye finansy*, 31, 96–112 (in Russian).
- Mukherjee I., Bali A. (2019). Effectiveness and potential of politics: Two sides of the design coin. *Policy Design and Practice*, 2, DOI: 10.1080/25741292.2019.1632616 (accessed: 30.04.2025).
- Nev'yantseva L.S. (2024a). Interregional investment interaction as a tool to ensure technological sovereignty of the economy. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(5), 41–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.4 (in Russian).
- Nev'yantseva L.S. (2024b). Assessment of regional investment policy efficiency in the conditions of ensuring technological sovereignty of the economy. *Statistika i ekonomika*, 21(1), 46–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-46-56 (in Russian).
- North D. (1990). *Understanding the Process of Economic Change*. Cambridge University Press.
- Novokshonova E.N. (2014). Assessing the effectiveness of regional investment policy. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 11(338), 49–60 (in Russian).
- Osipov P.Yu. (2008). Investment climate of regions as an object of impact of regional investment policy. *Vestnik Tambovskogo universiteta*, 8, 412–416 (in Russian).
- Pareto V. (1962). *Course of Political Economy*. Moscow: Ekon. lit.
- Petrov A.V. (2012). Investment policy of the region: innovation-oriented. *Kreativnaya ekonomika*, 7(67), 54–59 (in Russian).
- Pshikanokova N.I. (2005). Regional investment policy: institutional and economic mechanism of strategic management. *Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta*, 4, 35–65 (in Russian).
- Ricardo D. (1995). *The Beginning of Political Economy and Taxation*. Moscow: Polit. lit.
- Rodríguez M.R. (2020). En busca de la autonomía tecnológica. La trayectoria de la Empresa Nuclear Argentina de centrales eléctricas S. A., 1980–1996. *América Latina en la Historia Económica*, 28(1), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.18232/alhe.1097>

- Rodrik D., Stiglitz J. (2024). *A New Growth Strategy for Developing Nations*. Available at: <https://tinyurl.com/ymrg8qom> (accessed: 30.04.2025).
- Shtele E.A., Vecherkovskaya O.B. (2017). On the concept of “efficiency”. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 16, 5(464), 935–947 (in Russian).
- Sukharev O.S. (2008). Toward a new theory of economic efficiency. *Investitsii v Rossii*, 11, 9–17 (in Russian).
- Sukharev O.S. (2019). Technological development: Investment structure impact. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(2), 36–55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2 (in Russian).
- Zakirova A.M. (2011). Regional investment policy: Content, principles of development and implementation. *Vestnik TISBI*, 4, 1–9 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liliya S. Nev'yantseva – Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: lnevyantseva@yandex.ru)

Viktoriya V. Akberdina – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, deputy director for science, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: akberdina.vv@uiec.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.4

УДК 332.142.2 | ББК 65.9(2Рос)

© Ворошилов Н.В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСЕДНИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ВОЛОГОДСКОЙ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ



НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОРОШИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: niks789@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Цель исследования заключается в выявлении тенденций, особенностей и ключевых факторов развития сельского хозяйства соседних муниципальных образований Вологодской области (Вытегорский муниципальный район, Бабаевский и Чагодощенский муниципальные округа) и Ленинградской области (Бокситогорский, Подпорожский, Тихвинский районы). Особую актуальность данное исследование приобретает в контексте изучения территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства региона (рассматриваемые муниципалитеты являются периферийными территориями соответствующих субъектов РФ). Для достижения поставленной цели использованы экономический, статистический и компаративный анализ, методы анализа, синтеза, обобщения, монографический метод. Определено, что в настоящее время среди шести анализируемых муниципалитетов лишь в двух (Чагодощенский округ и Тихвинский район) сельское хозяйство играет значимую роль в экономике территории. Вместе с тем в обоих муниципалитетах сократились посевные площади (на 8% в Чагодощенском округе и на 26% в Тихвинском районе за 2010–2023 гг.), поголовье коров (за 2000–2023 гг. на 23 и 50% соответственно) и свиней (за 2000–2023 гг. на 95 и 82%), значительно снизились объемы производства мяса (за 2000–2023 гг. на 60 и 70%); однако в Чагодощенском округе за 2000–2023 гг. отмечался прирост объема производства молока на 34%. Для обобщенной оценки межтерриториальных (межрегиональных, межмуниципальных) сравнений эффективности функционирования сферы сельского хозяйства в муниципалитетах предложен ряд специальных показателей. Выявлено, что ана-

Для цитирования: Ворошилов Н.В. (2025). Территориальная специфика развития сельского хозяйства: сравнительный анализ соседних муниципалитетов Вологодской и Ленинградской областей // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 59–77. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.4

For citation: Voroshilov N.V. (2025). Territorial specifics of agricultural development: Comparative analysis of neighboring municipalities of the Vologda and Leningrad regions. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 59–77. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.4

лизируемые муниципалитеты по показателям эффективности в основном отстают от среднерегиональных значений; Чагодощенский округ опережает Тихвинский район по производству молока в расчете на 1 кв. км территории муниципалитета (в 2023 году 4,75 т против 1,91 т), по производству продукции сельского хозяйства в расчете на 1 га территории (в 2023 году 2,51 тыс. руб. против 1,73 тыс. руб.); рентабельность продаж в отрасли сельского хозяйства данных муниципалитетов в основном отрицательная. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований при обосновании приоритетов и инструментов управления развитием сельского хозяйства периферийных территорий региона.

Сельское хозяйство, территориальная дифференциация, социально-экономическое развитие, муниципальные образования, Вологодская область, Ленинградская область.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (FMGZ-2025-0013).

Введение

Разнообразие природно-климатических условий и ресурсов, значительная протяженность территории России и ее регионов (субъектов РФ) с севера на юг и с запада на восток предопределяют наличие существенных территориальных различий в специализации и общем уровне развития сельскохозяйственного производства как на межрегиональном, так и на внутрорегиональном уровне. При этом сельское хозяйство и в целом агропромышленный комплекс по-прежнему играют значимую роль в развитии большинства сельских территорий и ряда городских населенных пунктов и всегда являются одним из приоритетов государственной политики на федеральном, региональном и местном уровнях.

Отметим, что в настоящее время значимость развития сельского хозяйства и сельских территорий России, а также необходимость учета территориальной специфики развития отраслей, регионов и муниципалитетов обозначены в ряде нормативно-стратегических документов.

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р). В перечень принципов

пространственного развития страны входят в том числе: «дифференцированный подход к развитию различных территорий и населенных пунктов, предусматривающий устранение ограничений для экономического роста территорий с относительно высоким уровнем социально-экономического развития и поддержку территорий с относительно низким уровнем социально-экономического развития (необходимо учитывать демографическую ситуацию, особенности системы расселения, специфические природные условия, количество уязвимых к изменению климата объектов и их значимость для развития территорий и др.)»; «повышение уровня самостоятельности территорий в решении задач социально-экономического развития за счет роста собственных доходов и сбалансированной политики в сфере межбюджетных отношений» и др. Важное уточнение в Стратегии сделано относительно того, что одной из тенденций и проблем пространственного развития страны является усиление концентрации населения и производства в крупных городах и городских агломерациях.

2. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 года № 151-р). Одним из

путей решения множества накопившихся системных проблем развития сельских территорий России обозначена всесторонняя диверсификация сельской экономики, включая поддержку фермерства и альтернативных форм занятости и самозанятости, в т. ч. развитие ремесел и сельского туризма, и т. д.

В рамках реализации данной Стратегии планируется обеспечить решение задач по оптимизации территориального размещения сельского хозяйства и связанных с ним отраслей; диверсификации сельской экономики; развитию малого предпринимательства и кооперации в сельской местности; улучшению доступа сельских жителей к ресурсам развития; созданию условий для устойчивого развития традиционных агроландшафтов, обеспечению рационального природопользования.

3. Государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 года № 696) направлена на создание условий для обеспечения сельского населения доступным и комфортным жильем, создание и развитие инфраструктуры на сельских территориях, развитие рынка труда (кадрового потенциала) на сельских территориях; срок реализации – 2020–2030 гг. с общим объемом финансового обеспечения за счет средств федерального бюджета за этот период в размере 1634 млрд руб. Общая концепция госпрограммы заключается в том, что дальнейшее социальное развитие сельских территорий должно базироваться на экономическом росте, увеличении объема производства сельхозпродукции, повышении эффективности сельского хозяйства, рациональном использовании земель.

В связи с вышеобозначенным важной научной и практической задачей является рассмотрение территориальных особенностей (специфики) развития сельского хозяйства на межрегиональном и внутрирегиональном уровне, что позволит обосновать приоритеты и меры поддержки данной от-

расли в целях обеспечения учета и повышения эффективности использования потенциала различных территорий. Отметим, что российскими и зарубежными авторами данные вопросы решаются в рамках исследования территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства. Так, например, академик РАН А.И. Костяев рассматривает территориальную дифференциацию как «территориальные различия в специализации, концентрации и размещении производства; территориальные различия в уровне и темпах развития производства; территориальные различия в издержках, уровне интенсивности и эффективности (доходности) производства; территориальные различия в системах (формах и методах) ведения сельского хозяйства и хозяйственных укладах на селе; территориальные различия в доходах, уровне и укладе жизни сельского населения» (Костяев, 2006). К основным факторам, формирующим территориальную неоднородность в сельском хозяйстве, ученый относит «размещение и плотность населения, местоположение товаропроизводителей относительно рынков сбыта, центров воспроизводства и распространения различных ресурсов (включая информационные, управленческие и др.), а также плодородие почв, которое, как и местоположение, дифференцирует сельскохозяйственно-освоенную территорию по условиям получения дохода (при этом обозначенные факторы тесно взаимосвязаны между собой)». В целом территориальную дифференциацию сельхозпроизводства он предлагает рассматривать через показатели «производства товарной продукции и валового дохода в расчете на единицу площади угодий, используемых в аграрном производстве» (Костяев, 2006).

Другие российские исследователи (Анищенко, 2018; Анищенко, Усманов, 2021) выделяют три группы факторов: природно-климатические (условия климата, качество земельных ресурсов и др.); социально-экономические (количество и качество трудовых ресурсов, выход на рынки сбыта,

производственная и иная инфраструктура сельхозпроизводства, развитие агломерационных процессов, сельскохозяйственный потенциал территорий и др.); биологические (болезни сельскохозяйственных культур, вредители и др.).

Ряд ученых (Фаринюк, Егорова, 2015; Горбатовская, 2017; Горбатовская, 2019; Костяев, Никонова, 2021; Нефедова, 2022; Петриков, 2022; Karwat-Woźniak, 2011; Meufroidt et al., 2016) рассматривают формирование территориальной дифференциации сельского хозяйства на внутристрановом (межрегиональном уровне). Другие исследователи (Костяев, 2006; Макошев, 2009; Семяшкин и др., 2015; Таршилова, 2015; Анищенко, 2018; Анищенко, Усманов, 2021) особое внимание уделяют изучению аспектов дифференциации на внутрирегиональном уровне (различия в целом между муниципальными образованиями субъекта РФ, между выделенными в нем сельскохозяйственными зонами).

Большой пласт научных публикаций (Мищенко, Мищенко, 2011; Нефедова, 2013; Ворошилов, Губанова, 2019; Наумов и др., 2021; Wegren, 2014; Torre, Wallet, 2016; Li et al., 2019) и практических разработок посвящен исследованию территориальной дифференциации развития сельских территорий в целом с точки зрения выделения различных типов (групп) территорий, анализа специфических особенностей и обоснования приоритетов и инструментов их развития для каждой группы территорий.

Кроме того, важно проводить сравнительный анализ параметров развития сельского хозяйства граничащих муниципальных образований двух субъектов РФ, что позволит выявить закономерности и особенности развития данной отрасли в схожих природно-климатических условиях, но на фоне действия отчасти различающихся систем государственной и муниципальной поддержки отрасли и функционирования предприятий в условиях доступа на разные рынки сбыта сельхозпродукции. Эти аспек-

ты определили научную новизну данного исследования, целью которого стало выявление тенденций, особенностей и ключевых факторов развития сельского хозяйства соседних муниципальных образований (муниципальных районов и округов) Вологодской и Ленинградской областей.

Результаты исследования

Три муниципальных округа/района Вологодской области (Бабаевский и Чагодощенский муниципальные округа, Вытегорский муниципальный район) граничат с тремя муниципальными районами Ленинградской области (Бокситогорский, Подпорожский, Тихвинский районы). Данные муниципалитеты расположены на значительном удалении от крупнейших городов своих областей (расстояние от административных центров районов/округов соответственно до г. Череповца и г. Санкт-Петербурга составляет более 180 км).

В трех вышеперечисленных районах/округах Вологодской области по итогам 2023 года проживало 4,6% населения региона, на них приходилось 1,7% областного объема отгрузки товаров, работ и услуг и производилось 2,3% областного объема сельхозпродукции; доли трех районов Ленинградской области по данным показателям составили соответственно 7,0; 5,8 и 2,7%.

Во всех шести рассматриваемых муниципалитетах численность постоянного населения за 2000–2023 гг. сократилась: в Чагодощенском округе – на 33%, в Вытегорском районе – на 32%, в Бабаевском округе – на 26%; в Подпорожском районе – на 30%, в Тихвинском и Бокситогорском районах – на 17% (табл. 1). Это обусловлено более негативной ситуацией в сфере естественного движения (коэффициент естественной убыли населения во всех рассматриваемых муниципалитетах был выше, чем в среднем по региону) и механического движения населения (наличие в отдельные годы миграционной убыли населения или более низкий естественный прирост, чем в среднем по региону).

Таблица 1. Динамика основных демографических показателей

Территория	2000 год	2010 год	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2000 году, %	2023 год к 2010 году, %
Численность постоянного населения на конец года, тыс. чел.							
Бабаевский округ	25,6	21,8	18,5	19,0	18,8	73,5	86,4
Вытегорский район	16,0	13,8	11,2	11,1	10,9	68,2	79,2
Чагодощенский округ	32,6	27,0	23,1	22,2	21,9	67,3	81,1
Всего по Вологодской области	1290,4	1201,2	1139,5	1128,8	1121,3	86,9	93,4
Бокситогорский район	61,5	53,7	47,2	51,0	50,9	82,7	94,7
Подпорожский район	36,0	31,7	26,5	25,5	25,1	69,6	79,1
Тихвинский район	79,7	71,2	67,8	66,3	65,8	82,5	92,3
Всего по Ленинградской области	1680,4	1718,6	1911,6	2023,8	2035,8	121,1	118,5
Коэффициент естественного прироста населения, промилле							
Бабаевский округ	-15,1	-7,3	-15,4	-12,5	-7,7	7,4*	-0,4*
Вытегорский район	-10,5	-7,2	-16,9	-9,8	-10,8	-0,4	-3,6
Чагодощенский округ	-17,4	-13,2	-16,6	-10,7	-10,4	6,9	2,7
В среднем по Вологодской области	-7,3	-4,2	-9,3	-6,3	-5,9	1,4	-1,7
Бокситогорский район	-17,5	-14,0	-16,2	-11,5	-8,9	8,6	5,0
Подпорожский район	-15,0	-11,0	-15,2	-13,8	-12,7	2,2	-1,7
Тихвинский район	-11,6	-7,8	-12,7	-10,4	-9,4	2,2	-1,6
В среднем по Ленинградской области	-12,1	-7,2	-10,0	-7,1	-5,5	6,6	1,7
Коэффициент миграционного прироста населения, промилле							
Бабаевский округ	1,3	-9,6	-1,0	-1,7	-2,2	-3,5	7,4
Вытегорский район	2,7	-5,5	0,5	-1,8	-1,9	-4,6	3,6
Чагодощенский округ	8,2	-6,7	1,7	2,1	-6,9	-15,1	-0,2
В среднем по Вологодской области	1,2	-0,2	-0,8	-2,2	-0,7	-1,9	-0,5
Бокситогорский район	3,8	2,6	-0,8	0,7	6,5	2,8	3,9
Подпорожский район	1,4	-2,0	-5,5	-5,3	-4,7	-6,1	-2,7
Тихвинский район	3,3	-1,0	2,4	-3,8	2,1	-1,2	3,2
В среднем по Ленинградской области	7,7	5,1	20,0	16,1	11,4	3,7	6,3

* По всем коэффициентам естественного и миграционного прироста представлена разница между значениями показателей за 2000–2023 гг. и 2010–2023 гг. в промилле.
Источники: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>; статистические данные Территориальных органов Росстата по Вологодской и Ленинградской областям.

Вместе с тем в целом в рассматриваемых субъектах РФ демографическая ситуация существенно различается. Если в Ленинградской области численность населения за 2000–2023 гг. выросла на 21% (это обусловлено тем, что значительный миграционный приток населения в регион превышает имеющуюся естественную убыль), то в Вологодской области она сократилась на 13% (в регионе практически весь анализируемый период отмечалась миграционная убыль населения). Одной из причин негативных демографических тенденций выступает слабое развитие экономики от-

дельных муниципалитетов (в т. ч. отрасли сельского хозяйства, являющейся основой для успешного развития сельских территорий).

В табл. 2 представлена информация об экономической специализации рассматриваемых шести муниципальных образований. В целом можно сделать вывод о том, что данные муниципалитеты специализируются преимущественно на промышленных видах экономической деятельности (в т. ч. добыче и переработке полезных ископаемых, обрабатывающих производствах и энергетике).

Таблица 2. Специализация экономики соседних муниципальных образований Вологодской и Ленинградской областей

Территория	Характеристика специализации
Бабаевский муниципальный округ Вологодской области	<p>Специализация экономики района Железнодорожные перевозки (Бабаевская дистанция пути ПЧ-33); трубопроводный транспорт (компрессорная станция магистрального газопровода «Грязовец – Выборг»), лесная отрасль, туризм (в т. ч. экологический, этнографический и культурно-познавательный).</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства В систему агропромышленного комплекса Бабаевского округа входят 6 сельхозпроизводителей. В округе развиваются традиционные направления агропромышленного комплекса: растениеводство (в т. ч. льноводство), молочное и мясное животноводство. Ключевые предприятия: Колхоз «Колос»</p>
Вытегорский муниципальный район Вологодской области	<p>Специализация экономики района Лесопромышленный комплекс (АО «Белый ручей», ООО «ЛДК № 2», Вытегорский филиал ЛПК «Кипелово»), энергетика (АО «ТЭЦ «Белый ручей»), водный транспорт (Вытегорский район гидросооружений и судоходства), добыча полезных ископаемых (Белоручейское рудоуправление ОАО «Северсталь»), туризм.</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства Сельское хозяйство Вытегорского района представлено следующими отраслями: животноводство, растениеводство, рыбозаводство и рыбодобывающая отрасль. Основные сельхозтоваропроизводители в отрасли животноводства и растениеводства: КФХ Е.В. Симакиной, кооператив СПК «Зори», колхоз «Прогресс»</p>
Чагодощенский муниципальный округ Вологодской области	<p>Специализация экономики района Специализацию экономики Чагодощенского округа определяют стекольные заводы: ООО «Чагодощенский стекольный завод и К» и ООО «Северная стеклотарная компания», филиал ООО «Русджам Стеклотара Холдинг» в пгт Сазоново. Пищевая промышленность района представлена тремя предприятиями: ОАО «Белокрестский маслозавод», ПК «Сазоновский хлебозавод», ООО «Бейкер».</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства Основные направления деятельности сельхозпредприятий – молочное и мясное животноводство и растениеводство (Колхоз «Сазоновский», Колхоз «Анишино», Колхоз «Правда», ООО «Заря», ООО «Агрокомплекс Избоищи», ООО «Покровское подворье»)</p>

Территория	Характеристика специализации
Бокситогорский муниципальный район Ленинградской области	<p>Специализация экономики района Основу экономики района составляет промышленность (ее удельный вес в общем объеме произведенных товаров, выполненных работ и услуг – 92%). Ключевые промышленные предприятия: АО «РУСАЛ Бокситогорск» (шлифматериалы из электрокорунда), ООО «Пикалевский глиноземный завод» (глинозем общий, раствор карбонатный, нефелиновый шлам), АО «Пикалевский цемент» (цемент различных марок), ЗАО «Пикалевская сода» (сода, поташ, сода углекислая, раствор солей), ООО «Балтийское электромеханическое предприятие» (разработка, производство и поставка «под ключ» современного электрооборудования низкого и среднего напряжения).</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства В районе представлено молочное животноводство, рыбоводство, овцеводство, птицеводство, овощеводство защищенного грунта</p>
Подпорожский муниципальный район Ленинградской области	<p>Специализация экономики района Преимущественно промышленная специализация (представлены лесозаготовительная и деревообрабатывающая отрасли). В районе добывается песок, щебень, гравий, бутовый и природный камень; производятся строительные материалы, железобетонные конструкции мостов и других сооружений, осуществляется ремонт судов, также работают предприятия легкой и пищевой промышленности. В перечень крупнейших промышленных предприятий района входят: АО «Мостожелезобетон-конструкция» (производство изделий из бетона для использования в строительстве); ООО «Мется Форест Подпорожье» (заготовка и обработка древесины); АО «Вознесенская РЭБ флота» (ремонт судов); АО «БТК групп» Подпорожская фабрика (пошив спецодежды); Каскад Ладожских ГЭС филиал «Невский» ОАО «ТГК-1» (производство электрической энергии).</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства Агропромышленный комплекс района представлен пятью предприятиями рыбохозяйственного комплекса; двумя ИП, занимающимися ловлей рыбы; двумя предприятиями пищевой промышленности; 11 крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (КФХ), 2248 личными подсобными хозяйствами (ЛПХ). КФХ и ЛПХ занимаются производством молока и молочных продуктов, мяса, меда и иной продукции пчеловодства, выращиванием картофеля и овощей</p>
Тихвинский муниципальный район Ленинградской области	<p>Специализация экономики района Доля промышленности в общем объеме производства товаров, работ и услуг крупными и средними промышленными предприятиями и организациями района составляет 89%. Основные промышленные предприятия: Тихвинский вагоностроительный завод, заводы «ТихвинХимМаш», «Титран-Экспресс» и «ТихвинСпецМаш» (производство железнодорожного подвижного состава и путевого оборудования, специализированных грузовых вагонов); ООО «Тихвинский ферросплавный завод» (высокоуглеродистый феррохром, щебень и песок строительный).</p> <p>Особенности развития сельского хозяйства Сельское хозяйство района представлено тремя сельскохозяйственными предприятиями, основные виды деятельности которых – мясомолочное животноводство (АО «Культура-Агро», ЗАО СП «Андреевское»), тремя рыболовными хозяйствами, десятью КФХ (занимаются птицеводством, картофелеводством, пчеловодством, рыбоводством, выращиванием и сбором ягодных культур и грибов) и более 5,5 тыс. ЛПХ</p>
Составлено по: Инвестиционные паспорта данных муниципальных образований и доклады глав муниципалитетов о социально-экономическом развитии, размещенные на официальных сайтах органов местного самоуправления муниципалитетов.	

Объем производства сельскохозяйственной продукции в расчете на 1 жителя в рассматриваемых муниципалитетах Вологодской

области (за исключением Чагодощенского округа) и Ленинградской области заметно отстает от среднеобластных значений (рис. 1).

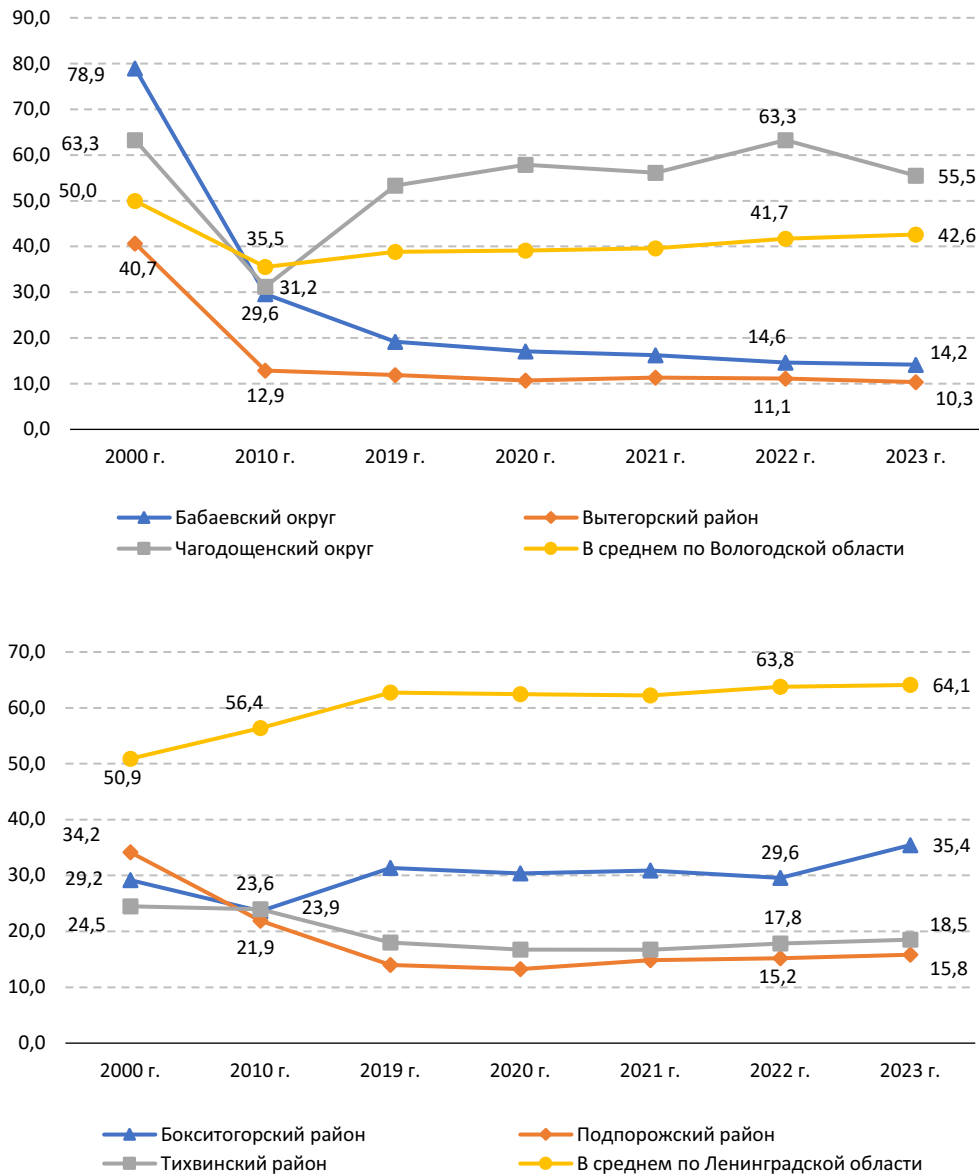


Рис. 1. Объем производства продукции сельского хозяйства в расчете на 1 жителя в 2000–2023 гг. (в сопоставимых ценах 2023 года), тыс. руб.

Примечание. Объем производства продукции сельского хозяйства в расчете на 1 жителя в среднем по 26 муниципальным районам (муниципальным округам) Вологодской области в 2023 году составил 94,8 тыс. руб., в среднем по области (включая городские округа Вологду и Череповец, в которых нет сельскохозяйственного производства) – 42,6 тыс. руб. В Ленинградской области 17 муниципальных районов и 1 городской округ (Сосновоборский), но в нем есть сельхозпроизводство.

Здесь и на рис. 2, в табл. 3–7 составлено по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <https://35.rosstat.gov.ru>; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://78.rosstat.gov.ru>

За 2000–2023 гг. объемы производства продукции сельского хозяйства заметно сократились в сопоставимых ценах во всех рассматриваемых муниципалитетах (в Бабаевском округе – в 5,6 раза, в Вытегорском районе – в 3,9 раза, в Чагодощенском округе – в 1,1 раза; в Подпорожском районе – в 2,2 раза, в Тихвинском районе – в 1,3 раза), за исключением Бокситогорского района (здесь наблюдался рост в 2,1 раза). За 2010–2023 гг. рост значений данного показателя наблюдался в Чагодощенском округе (в 1,8 раза, в среднем по Вологодской области – в 1,2 раза) и Бокситогорском районе (в 1,5 раза, в среднем по Ленинградской области – в 1,1 раза). Существенный опережающий рост объемов сельхозпроизводства в Чагодощенском округе и Бокситогорском районе обусловлен в основном эффектом низкой базы: среднедушевые значения показателей на этих территориях достаточно низкие и поэтому их ощутимый рост обеспечивается реализацией, как правило, лишь одного крупного инвестиционного проекта в данной отрасли (например,

в Чагодощенском округе в период 2010–2023 гг. на ООО «Заря» был создан современный молочно-товарный комплекс с использованием новейших технологий в молочно-мясном скотоводстве).

Таким образом, соседние муниципалитеты Вологодской и Ленинградской областей характеризуются достаточно низким уровнем развития сельского хозяйства, а специализацией их экономики являются виды деятельности, связанные с промышленным производством, сферой транспортировки и хранения.

Среди анализируемых шести муниципальных районов сельское хозяйство наиболее развито в Чагодощенском округе и Тихвинском районе, на которые в 2023 году приходилось по 2–3% от общеобластных объемов посевных площадей, поголовья коров и производства молока в хозяйствах всех категорий; на каждый из остальных четырех районов приходилось менее 0,5% (рис. 2). В связи с этим дальнейший анализ ограничим двумя муниципалитетами (Чагодощенский округ и Тихвинский район).

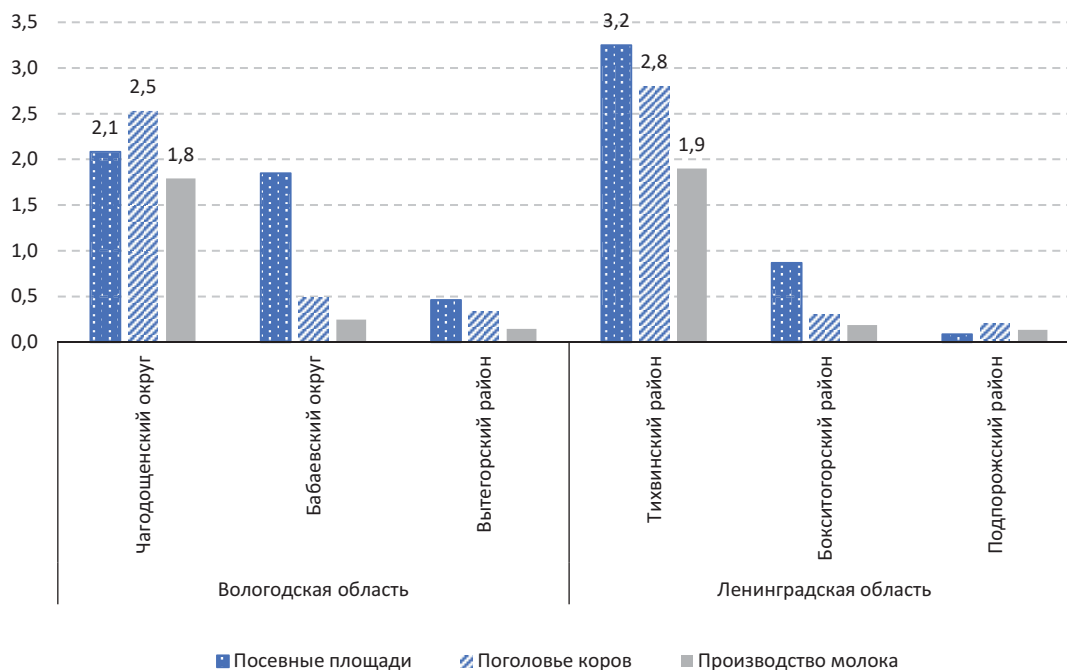


Рис. 2. Доля отдельных муниципальных образований Вологодской и Ленинградской областей в общеобластных объемах посевных площадей, поголовья коров и производства молока в 2023 году (в хозяйствах всех категорий), %

Чагодощенский округ Вологодской области и Тихвинский район Ленинградской области имеют схожую специализацию в сельском хозяйстве – молочное (молочно-мясное) скотоводство и заметно опережают остальные четыре соседних района Вологодской и Ленинградской областей по объемам производства молока.

В рассматриваемых муниципальных образованиях ниже доля производства продукции в сельскохозяйственных организациях в общем объеме производства сельхозпродукции (табл. 3). Вместе с тем за период 2010–2023 гг. в Чагодощенском округе на 19% выросла доля производства продукции в сельхозорганизациях (что также обусловлено реализацией крупных проектов в 1–2 сельхозорганизациях округа), в Тихвинском районе – сократилась на 7% (что связано

с отсутствием реализации крупных проектов в исследуемый период).

В связи со сложившейся специализацией отрасли сельского хозяйства в структуре посевных площадей в Чагодощенском округе и Тихвинском районе преобладают кормовые культуры (в 2023 году – 89,2 и 94,8% соответственно всех посевных площадей); доля площадей зерновых и зернобобовых культур составляла 9,2 и 0,0% соответственно, картофеля – 1,3 и 4,1% соответственно, овощей открытого грунта – 0,3 и 1,1% соответственно.

За период 2010–2023 гг. посевные площади уменьшились в Чагодощенском округе на 8% при среднеобластном сокращении на 26% (табл. 4), в Тихвинском районе – на 26% при среднеобластном сокращении на 9%.

Таблица 3. Структура производства продукции сельского хозяйства по видам хозяйств, % к итогу

Территория	Вид хозяйства	2010 год	2015 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2010 году, п. п.
Чагодощенский округ	Сельскохозяйственные организации	64,3	76,3	86,1	83,2	+18,8
	Хозяйства населения	34,8	22,3	13,8	16,4	-18,4
	Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП	0,9	1,4	0,1	0,4	-0,4
В среднем по Вологодской области	Сельскохозяйственные организации	70,4	74,6	79,5	80,2	+9,8
	Хозяйства населения	27,1	21,4	16,1	16,0	-11,0
	Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП	2,6	4,0	4,4	3,7	+1,2
Тихвинский муниципальный район	Сельскохозяйственные организации	59,0	37,8	59,4	52,2	-6,8
	Хозяйства населения	41,0	52,9	38,2	46,4	+5,4
	Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП	0,1	9,4	2,4	1,4	+1,3
В среднем по Ленинградской области	Сельскохозяйственные организации	73,5	74,9	84,0	80,5	+7,0
	Хозяйства населения	24,7	21,8	12,9	16,9	-7,8
	Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП	1,7	3,3	3,2	2,6	+0,9

Таблица 4. Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Вологодской и Ленинградской областей, тыс. га

Территория	2000 год	2010 год	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2000 году, %	2023 год к 2000 году, %
Чагодощенский округ	10,2	7,6	8,1	6,2	6,9	68,3	91,5
Всего по Вологодской области	686,1	448,4	343,8	324,7	333,5	48,6	74,4
Тихвинский район	-	9,9	7,3	7,4	7,3	-	73,6
Всего по Ленинградской области	-	247,2	224,4	221,9	225,2	-	91,1

Рассматриваемые муниципалитеты заметно отстают от среднеобластных значений по показателю урожайности сельхозкультур. Так, в 2023 году урожайность картофеля в Тихвинском районе составила 162 ц/га при среднеобластном значении 189 ц/га. Урожайность зерновых и зернобобовых культур в Чагодощенском округе в 2023 году составила 13,7 ц/га при среднеобластном значении 23,4 ц/га; урожайность картофеля – 150 ц/га соответственно при среднеобластном значении 202 ц/га.

В 2000–2023 гг. значительно сократилось поголовье коров в Тихвинском районе и Чагодощенском округе (на 51 и 23% соответственно; табл. 5). За этот период в Тихвинском районе соответственно снизил-

ся и объем производства молока (на 6%), а в Чагодощенском округе – вырос на 34%. При этом годовой надой молока на 1 корову в 2023 году в Тихвинском районе составил 6694 кг (в среднем по Ленинградской области – 10342 кг), в Чагодощенском округе – 5760 кг (в среднем по Вологодской области – 8859 кг). В обоих муниципалитетах за данный период также снизилось поголовье свиней и производство мяса (скота и птицы на убой): в Чагодощенском округе – на 95 и 60% соответственно, в Тихвинском районе – на 82 и 70% соответственно (данный факт обусловлен специализацией сельского хозяйства данных территорий преимущественно только на молочном, а не мясном животноводстве).

Таблица 5. Отдельные показатели развития животноводства в рассматриваемых муниципалитетах Вологодской и Ленинградской областей

Показатель	Территория	2000 год	2010 год	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2000 году, %	2023 год к 2010 году, %
Поголовье коров, тыс. голов	Чагодощенский округ	2,5	1,5	2,5	2,1	1,9	76,8	128,9
	Всего по Вологодской области	150,4	90,9	75,4	75,0	75,4	50,1	83,0
	Тихвинский район	4,2	3,1	2,0	2,1	2,1	49,2	65,7
	Всего по Ленинградской области	118,2	82,5	72,9	73,7	73,6	62,2	89,2
Поголовье свиней, тыс. голов	Чагодощенский округ	2,1	0,7	0,1	0,1	0,1	4,8	14,9
	Всего по Вологодской области	187,9	142,7	48,3	44,7	43,6	23,2	30,5
	Тихвинский район	1,2	0,4	0,2	0,2	0,2	17,9	62,9
	Всего по Ленинградской области	127,0	180,4	181,1	169,0	176,8	139,2	98,0
Производство молока, тыс. т	Чагодощенский округ	8,6	6,6	12,3	11,7	11,5	133,6	174,0
	Всего по Вологодской области	494,9	443,0	588,8	607,5	640,2	129,4	144,5
	Тихвинский район	14,3	15,1	11,8	12,8	13,4	93,8	89,0
	Всего по Ленинградской области	608,7	541,1	642,3	663,4	698,7	114,8	129,1
Производство мяса (скот и птица на убой), т	Чагодощенский округ	0,8	0,4	0,4	0,4	0,3	39,6	79,6
	Всего по Вологодской области	84,6	77,0	49,3	48,0	49,3	58,3	64,0
	Тихвинский район	1,8	0,7	0,6	0,5	0,5	29,9	76,4
	Всего по Ленинградской области	104,4	230,6	363,7	362,7	376,1	360,4	163,1

Таблица 6. Показатели наличия сельскохозяйственной техники

Показатель	Территория	2010 год	2012 год	2015 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2010 году, %
Количество тракторов, шт.	Чагодощенский округ	79	74	55	65	66	83,5
	Тихвинский район	121	120	65	41	47	38,8
Количество кормоуборочных комбайнов, шт.	Чагодощенский округ	12	11	11	11	11	91,7
	Тихвинский район	20	23	-	9	9	45,0

Также отметим, что падение поголовья коров и объема производства молока происходило одновременно с заметным сокращением количества тракторов и кормоуборочных комбайнов (от 8 до 61%; табл. 6), что, с одной стороны, может свидетельствовать о снижении фондовооруженности отрасли, с другой стороны – о применении более высокопроизводительной техники. В Чагодощенском районе количество кормоуборочных комбайнов за исследуемый период сократилось на 1 штуку.

Обобщенными индикаторами, свидетельствующими об эффективности функционирования сферы сельского хозяйства в регионе и муниципалитетах, позволяющими проводить межтерриториальные (межрегиональные и межмуниципальные) сравнения, могут быть следующие показатели:

- «производство молока в расчете на 1 га посевной площади, т» (данный показатель в целом соответствует предложенному А.И. Костяевым показателю для расчета территориальной дифференциации сельхозпроизводства – «производство товарной продукции в расчете на единицу площади угодий»);

- «производство молока в расчете на 1 кв. км территории, т»;

- «производство продукции сельского хозяйства в расчете на 1 га территории (в сопоставимых ценах), тыс. руб.»;

- «рентабельность продаж в отрасли сельского хозяйства, %».

Результаты расчета этих показателей (табл. 7) свидетельствуют о том, что по ним анализируемые муниципалитеты Вологодской и Ленинградской областей в основном отстают от среднерегionalных показателей эффективности (за исключени-

ем Чагодощенского округа по объему производства молока в расчете на 1 кв. км территории). Чагодощенский округ опережает Тихвинский район по производству молока в расчете на 1 кв. км территории (в 2023 году 4,75 т против 1,91 т), по производству продукции сельского хозяйства в расчете на 1 га территории (в 2023 году 2,51 тыс. руб. против 1,73 тыс. руб.).

Особо отметим, что рентабельность продаж в отрасли сельского хозяйства рассматриваемых муниципалитетов (они достаточно удалены от крупных и крупнейших городов региона) в основном отрицательная (-0,2 и -0,9% в 2023 году), в то время как в муниципалитетах, непосредственно прилегающих к крупным и крупнейшим городам (Санкт-Петербург, Вологда, Череповец), фиксируется положительная рентабельность (от 2,0% в Череповецком районе до 11,5% в Вологодском округе Вологодской области; от 0,6% в Ломоносовском районе до 36,1% в Тосненском районе Ленинградской области). Данные факты свидетельствуют о том, что эффективность развития сельского хозяйства в муниципалитетах регионов во многом определяется их расположением относительно крупных рынков сбыта сельхозпродукции (чем выше близость к рынкам сбыта, тем больше эффективность отрасли).

Важным фактором развития сельского хозяйства в регионах России является также государственная и муниципальная поддержка отрасли, а именно ее объем и направленность (перечень реализуемых мер). Так, в Ленинградской области реализуется государственная программа «Развитие сельского хозяйства Ленинградской области» (утверждена Постановлением Правительства

Таблица 7. Показатели территориальных сравнений эффективности функционирования сферы сельского хозяйства в рассматриваемых муниципалитетах Вологодской и Ленинградской областей

Показатель	Территория	2000 год	2010 год	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2010 году, %
Производство молока в расчете на 1 га посевной площади, т	Чагодощенский округ	0,84	0,87	1,53	1,90	1,65	190,1
	В среднем по Вологодской области	0,72	0,99	1,71	1,87	1,92	194,3
	Тихвинский район	-	1,52	1,62	1,74	1,84	120,8
	В среднем по Ленинградской области	-	2,19	2,86	2,99	3,10	141,7
Производство молока в расчете на 1 кв. км территории, т	Чагодощенский округ	3,56	2,73	5,12	4,86	4,75	174,0
	В среднем по Вологодской области	3,49	3,13	4,15	4,29	4,52	144,5
	Тихвинский район	2,03	2,14	1,67	1,82	1,91	89,0
	В среднем по Ленинградской области	6,52	5,84	6,93	7,16	7,54	129,1
Производство продукции сельского хозяйства в расчете на 1 га территории (в сопоставимых ценах 2023 года), тыс. руб.	Чагодощенский округ	4,20	1,79	2,62	2,92	2,51	140,8
	В среднем по Вологодской области	4,55	3,01	3,18	3,32	3,37	112,0
	Тихвинский район	2,77	2,42	1,61	1,68	1,73	71,5
	В среднем по Ленинградской области	9,22	10,45	13,46	13,92	14,07	134,7
Рентабельность продаж в отрасли сельского хозяйства (без вспомогательной деятельности, оказания услуг), %	Чагодощенский округ	-	-	-31,3	-2,8	-0,9	-
	Тихвинский район	-	-	-11,5	1,9	-0,2	-
Примечание. Показатель рентабельности продаж в муниципалитетах Вологодской области, прилегающих к крупным городам (г. Вологда и г. Череповец), в 2023 году: Вологодский округ – 11,5%, Череповецкий район – 2,0%; в прилегающих муниципалитетах Ленинградской области в 2023 году: Всеволожский район – 16,3%, Гатчинский район – 15,4%, Кировский район – 14,4%, Ломоносовский район – 0,6%, Тосненский район – 36,1%.							

Ленинградской области от 29 декабря 2012 года № 463, в ред. от 07.04.2025) с объемом финансового обеспечения на 2024–2030 гг. 46,9 млрд руб., или в среднем 6,7 млрд руб. в год; в Вологодской области реализуется государственная программа «Развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Вологодской области» (утверждена Постановлением Правительства Вологодской области от 26 августа 2019 года № 791, в ред. от 15.04.2025) с объемом финансового обеспечения на 2024–2030 гг. 23,5 млрд руб., или в среднем 3,4 млрд руб. в год.

В государственную программу Ленинградской области по развитию сельского хозяйства включены мероприятия, направленные на: 1) создание условий для роста объемов производства сельскохозяйственной продукции; 2) совершенствование механизмов государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в зависимости от складывающейся ситуации на товарном рынке; 3) стимулирование приобретения аналогов импортной техники и оборудования для АПК на отечественном рынке и на рынке дружественных стран; 4) стимулирование инвестиционной актив-

ности субъектов АПК в области региональной селекции и генетики с целью снижения зависимости от импортного семенного и племенного материала, в области модернизации рыбохозяйственного комплекса и развития региональной ресурсной базы (рыбопосадочного материала, кормов для рыб), в области создания инфраструктуры для хранения и сбыта, а также экспорта продукции АПК; 5) внедрение инновационных технологий, направленных на сохранение и повышение плодородия почв, увеличение урожайности, повышение производительности труда, снижение зависимости от влияния неблагоприятных природно-климатических условий; 6) предотвращение выбытия земель из сельскохозяйственного оборота и вовлечение в оборот не используемых сельскохозяйственных угодий; 7) стимулирование развития субъектов малого предпринимательства и нишевых отраслей в сфере АПК через реализацию мероприятий грантовой поддержки на создание и развитие хозяйств, сельскохозяйственной потребительской кооперации и сельского туризма; 8) информационную поддержку и цифровизацию АПК; 9) создание условий для сохранения эпизоотического благополучия региона.

Отметим, что возможности господдержки отрасли сельского хозяйства в Ленинградской области выше, чем в Вологодской области, однако ключевые параметры развития сельхозпроизводства в двух прилегающих муниципалитетах (Чагодощенский округ и Тихвинский район) в целом сопоставимы, что подчеркивает факт более высокой значимости таких факторов развития сельского хозяйства, как схожие природно-климатические условия и доступность рынков сбыта продукции.

Таким образом, исходя из проведенного анализа можно сделать выводы о том, что соседние муниципальные образования Вологодской и Ленинградской областей (Бабаевский, Чагодощенский муниципальные округа, Вытегорский муниципальный район; Бокситогорский, Подпорожский, Тихвинский муниципальные районы) не

специализируются на сельском хозяйстве, уровень его развития в этих территориях достаточно низкий. В двух из шести рассматриваемых муниципалитетов (Чагодощенский округ и Тихвинский район) сельское хозяйство представлено как самостоятельная отрасль экономики, но они все равно заметно отстают от муниципалитетов-лидеров своих областей по большинству параметров развития сельского хозяйства. Согласно данным Росстата, по итогам 2023 года Ленинградская область занимала 22 место среди регионов России по общему объему производства продукции сельского хозяйства, Вологодская область – 53 место. Следовательно, факторами развития сельского хозяйства граничащих муниципалитетов являются главным образом объективные (относительно неблагоприятные природно-климатические условия для развития высокоэффективного сельского хозяйства, устойчивая промышленная специализация территорий, удаленность от крупных рынков сбыта и переработки сельхозпродукции), а не субъективные факторы (разнообразие и объем мер государственной и муниципальной поддержки развития агропромышленного комплекса, применяемые технологии управления и т. д.).

Перспективы развития сельского хозяйства в рассматриваемых муниципалитетах

На основе анализа стратегических и программных документов развития рассматриваемых муниципальных районов Вологодской и Ленинградской областей, специализирующихся на молочно-мясном животноводстве, определены приоритетные направления и инструменты развития сельского хозяйства данных территорий на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Чагодощенский округ Вологодской области:

1) реализация инвестиционных проектов по углублению существующей агропромышленной (молочно-мясной) специализации (создание предприятия – племен-

ного репродуктора по разведению крупного рогатого скота мясного направления и развитию молочного животноводства, разведение КРС мясного направления, заготовка экологически чистых кормов);

2) реализация комплексных проектов в сфере сельского хозяйства и агротуризма (организация сельскохозяйственного производства с переработкой сельхозпродукции и создание базы водного туризма);

3) вовлечение в оборот неиспользуемых на территории района земель сельскохозяйственного назначения, в т. ч. находящихся в муниципальной собственности.

Тихвинский район Ленинградской области:

1) реализация инвестиционных проектов по углублению существующей специализации района в сфере сельского хозяйства (производство экологически чистых продуктов питания, кормопроизводство, развитие рыбного хозяйства; возобновление производства овощей закрытого грунта; строительство и модернизация инфраструктуры первичной переработки сельхозпродукции, современных овощехранилищ для повышения эффективности реализации сельхозпродукции на внешних рынках); создание новых и развитие существующих КФХ, реализация комплекса мер по поддержке малого бизнеса (в сфере производств по разведению рыбы, производства экологически чистой продукции, развития пчеловодства, сбора и переработки дикоросов), в т. ч. сельскохозяйственных кооперативов, что обеспечит рост занятости населения в сельской местности;

2) создание условий для диверсификации сферы туризма (развитие малого бизнеса в сельском, экологическом, водном, этнографическом и культурно-познавательном туризме и агротуризме; развитие предприятий придорожного сервиса и рекреационной инфраструктуры в сельских населенных пунктах района);

3) создание условий для расширения доступа местных сельхозтоваропроизводителей на рынки г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (мелкая розница, оптовые базы, рынки), в т. ч. путем поиска и развития нишевых рынков, проведения брендинга продукции местных производителей, включая товарный знак «Сделано в Ленинградской области».

Важным для обоих муниципалитетов также является максимальное использование возможностей участия в реализации государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий». Комплекс мероприятий по решению данной задачи рассмотрен, например, в монографии (Кожевников и др., 2021).

Таким образом, вклад проведенного исследования, основные результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в выявлении специфических особенностей и факторов развития сельского хозяйства в граничащих муниципальных образованиях двух регионов (субъектов РФ); в развитие прикладной науки – в разработке конкретных предложений по развитию сельского хозяйства периферийных территорий региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Анищенко А.Н. (2018). Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: региональный аспект // АгроЗооТехника. Т. 1. № 4. DOI: 10.15838/alt.2018.1.4.6
- Анищенко А.Н., Усманов Д.И. (2021). Проблемы управления территориальной дифференциацией регионального сельскохозяйственного производства // Продовольственная политика и безопасность. Т. 8. № 3. С. 263–272. DOI: 10.18334/ppib.8.3.112710
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2019). Внутрорегиональная социально-экономическая дифференциация: монография / под науч. рук. Е.С. Губановой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 211 с.
- Горбатовская О. (2017). Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: сущность и особенности формирования // Аграрная экономика. № 3. С. 25–40.

- Горбатовская О.Н. (2019). Механизм совершенствования территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства Республики Беларусь в условиях развития региональной интеграции / под ред. Н.В. Киреенко. Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси. 223 с.
- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Секушина И.А. (2021). Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития: монография / под общ. ред. Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 232 с.
- Костяев А.И. (2006). Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: вопросы методологии и теории: монография. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ. 240 с.
- Костяев А.И., Никонова Г.Н. (2021). Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9
- Макошев А.П. (2009). Вопросы территориальной организации горноживотноводческого хозяйства Алтая: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 323 с.
- Мищенко В.В., Мищенко И.В. (2011). Развитие внутрирегионального сельского пространства: методический аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 43–49.
- Наумов А.С., Рубанов И.Н., Аблязина Н.Х. (2021). Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. № 4. С. 12–24.
- Нефедова Т.Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. Москва: Лепанд. 456 с.
- Нефедова Т.Г. (2022). Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 86. № 1. С. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101>
- Петриков А.В. (2022). Региональная дифференциация сельского хозяйства в России и современная аграрная политика // Федерализм. Т. 27. № 3 (107). С. 89–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-89-108>
- Семяшкин Г.М., Поздеев Д.В., Семяшкин Е.Г. (2015). Рациональное размещение сельскохозяйственного производства на территории региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (38). С. 173–186. DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.11
- Таршилова Л.С. (2015). Территориальная дифференциация развития сельскохозяйственного производства региона // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 4. С. 243–246.
- Фаринюк Ю.Т., Егорова Е.В. (2015). Типология регионов Нечерноземной зоны по уровню развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 1 (22). С. 35–38.
- Karwat-Woźniak B. (2011). Regional differentiation in the socio-economic development conditions of the agriculture in Poland. *Economics and Sociology*, 4 (2), 11–25. Available at: http://www.economics-sociology.eu/files/E&S_4_2_guest.pdf
- Li Y.H., Westlund H., Liu Y.S. (2019). Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 68, 145–163.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. (2016). Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan. *Global Environ. Change*, 37, 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.01.003>
- Torre A., Wallet F. (2016). *Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies*. Springer.
- Wegren S.K. (2014). Rural inequality in post-Soviet Russia. *Problems of Post-Communism*, 61 (1), 52–64. DOI: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216610104>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

TERRITORIAL SPECIFICS OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT: COMPARATIVE ANALYSIS OF NEIGHBORING MUNICIPALITIES OF THE VOLOGDA AND LENINGRAD REGIONS

The aim of the research is to identify trends, features and key factors concerning agricultural development of neighboring municipalities of the Vologda Region (Vytegorsky Municipal District, Babaevsky and Chagodoshchensky municipal okrugs) and the Leningrad Region (Boksitogorsky, Podporozhsky, Tikhvinsky districts). Our paper is particularly relevant in the context of studying the territorial differentiation of agricultural production in the region (the municipalities under consideration are peripheral territories of the corresponding constituent entities of the Russian Federation). To achieve the set goal, we used economic, statistical and comparative analysis, methods of analysis, synthesis, generalization, and monographic method. We determined that currently among the six analyzed municipalities only in two (Chagodoshchensky Okrug and Tikhvinsky District) agriculture plays a significant role in the economy of the territory. At the same time, both municipalities have decreased crop areas (by 8% in Chagodoshchensky Okrug and 26% in Tikhvinsky District over 2010–2023), the number of cows (by 23 and 50% respectively over 2000–2023) and pigs (by 95 and 82% over 2000–2023), and significantly reduced meat production (by 60 and 70% over 2000–2023); however, Chagodoshchensky Okrug experienced a 34% increase in milk production over 2000–2023. We proposed a number of special indicators for generalized assessment of inter-territorial (inter-regional, inter-municipal) comparisons of the efficiency of functioning of the sphere of agriculture in municipalities. Basically, the analyzed municipalities lag behind the regional average in terms of efficiency indicators; Chagodoshchensky Okrug is ahead of Tikhvinsky District in terms of milk production per 1 square kilometer of the municipality's territory (in 2023 4.75 tons vs. 1.91 tons), in terms of agricultural production per 1 hectare of territory (in 2023 2.51 thousand rubles vs 1.73 thousand rubles); profitability of sales in the agricultural sector of these municipalities is mostly negative. The research results can be used in the practical activities of public authorities of the RF constituent entities and municipalities in the justification of priorities and tools for managing the development of agriculture in the peripheral territories of the region.

Agriculture, territorial differentiation, socio-economic development, municipalities, Vologda Region, Leningrad Region.

REFERENCES

- Anishchenko A.N. (2018). Territorial differentiation of agricultural production: Regional aspect. *AgroZooTekhnika=Agricultural and Livestock Technology*, 1(4). DOI: 10.15838/alt.2018.1.4.6 (in Russian).
- Anishchenko A.N., Usmanov D.I. (2021). Problems of management of territorial differentiation of regional agricultural production. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'*, 8(3), 263–272. DOI: 10.18334/ppib.8.3.112710 (in Russian).
- Farinyuk Yu.T., Egorova E.V. (2015). Typology of regions of the Non-Black Earth Zone by level of agricultural development. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve*, 1(22), 35–38 (in Russian).

- Gorbatovskaya O. (2017). Territorial differentiation of agricultural production: The nature and features of formation. *Agrarnaya ekonomika=Agrarian Economics*, 3, 25–40 (in Russian).
- Gorbatovskaya O.N. (2019). *Mekhanizm sovershenstvovaniya territorial'noi differentsiatsii sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva Respubliki Belarus' v usloviyakh razvitiya regional'noi integratsii* [Mechanism of Improvement of Territorial Differentiation of Agricultural Production of the Republic of Belarus in the Conditions of Regional Integration Development]. Minsk: In-t sistemnykh issledovaniy v APK NAN Belarusi.
- Karwat-Woźniak B. (2011). Regional differentiation in the socio-economic development conditions of the agriculture in Poland. *Economics and Sociology*, 4(2), 11–25. Available at: http://www.economics-sociology.eu/files/E&S_4_2_guest.pdf
- Kostyaev A.I. (2006). *Territorial'naya differentsiatsiya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva: voprosy metodologii i teorii: monografiya* [Territorial Differentiation of Agricultural Production: Issues of Methodology and Theory: Monograph]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF.
- Kostyaev A.I., Nikonova G.N. (2021). Developing territorial differentiation processes of agricultural production in the Non-Black Earth Region and their current trends. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(4), 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V., Sekushina I.A. (2021). *Munitsipal'nye obrazovaniya regiona: problemy i puti samorazvitiya: monografiya* [Regional Municipalities: Problems and Ways of Self-Development: Monograph]. Vologda: VolNTs RAN.
- Li Y.H., Westlund H., Liu Y.S. (2019). Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 68, 145–163.
- Makoshev A.P. (2009). *Voprosy territorial'noi organizatsii gornozhivotnovodcheskogo khozyaistva Altaya: monografiya* [Issues of Territorial Organization of Altai Mining and Livestock Farming: Monograph]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. (2016). Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan. *Global Environ. Change*, 37, 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.01.003>
- Mishchenko V.V., Mishchenko I.V. (2011). Development of intra-regional rural space: methodological aspect. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 4, 43–49 (in Russian).
- Naumov A.S., Rubanov I.N., Ablyazina N.Kh. (2021). New approaches to the typology of rural territories of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya=Lomonosov Geography Journal*, 4, 12–24 (in Russian).
- Nefedova T.G. (2013). *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: Answers from a Geographer]. Moscow: Lenand.
- Nefedova T.G. (2022). Spatial differentiation of agricultural production in Russia in conditions of natural and social desertification. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 86(1), 69–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622010101> (in Russian).
- Petrikov A.V. (2022). Regional differentiation of agriculture in Russia and modern agrarian policy. *Federalizm=Federalism*, 27, 3(107), 89–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-89-108> (in Russian).
- Semyashkin G.M., Pozdeev D.V., Semyashkin E.G. (2015). Rational allocation of agricultural production in region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(38), 173–186. DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.11 (in Russian).
- Tarshilova L.S. (2015). Territorial differentiation of development of agricultural production of the region. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy=International Journal of Applied and Fundamental Research*, 4, 243–246 (in Russian).

- Torre A., Wallet F. (2016). *Regional Development in Rural Areas. Analytical Tools and Public Policies*. Springer.
- Voroshilov N.V., Gubanova E.S. (2019). *Vnutriregional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya: monografiya* [Intra-Regional Socio-Economic Differentiation: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN.
- Wegren S.K. (2014). Rural inequality in post-Soviet Russia. *Problems of Post-Communism*, 61(1), 52–64. DOI: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216610104>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.5

УДК 332.02 | ББК 65.050

© Косыгина К.Е., Михалко Н.Н.

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РОССИИ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ



КСЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА КОСЫГИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sene4ka.87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018



НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИХАЛКО

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-3101-4971

Инициативное бюджетирование имеет высокий потенциал повышения эффективности распределения бюджетных средств и может способствовать развитию самоорганизации сообществ, увеличению вклада граждан в развитие территории и их включению в бюджетные процессы. В исследовании была поставлена цель проанализировать опыт Вологодской области в сфере инициативного бюджетирования, и выявить региональные тенденции в сравнении с общероссийскими. Информационную базу составили научная литература, посвященная изучению инициативного бюджетирования и данные с официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления. В результате исследования выявлены основные национальные тренды в сфере инициативного бюджетирования: устойчивый рост количества проектов инициативного бюджетирования на всех уровнях управления; финансирование проектов увеличивается опережающими темпами по сравнению с их количеством. Ключевой тенденцией развития инициативного бюджетирования является повышение доли муниципальных практик начиная

Для цитирования: Косыгина К.Е., Михалко Н.Н. (2025). Инициативное бюджетирование в России и Вологодской области: общее и особенное // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.5

For citation: Kosygina K.E., Mikhalko N.N. (2025). Participatory budgeting in Russia and the Vologda Region: Common and specific features. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.5

с 2018 года. Сделан вывод о том, что в Вологодской области наблюдаются аналогичные тренды. Инициативное бюджетирование становится инструментом гибридного управления, сочетающего бюджетные ресурсы и локальные инициативы. Однако существуют его региональные особенности. В ходе анализа практик инициативного бюджетирования в г. Череповце и г. Вологде выявлены контрастные тенденции. «Народный бюджет (народная программа)» г. Череповца демонстрирует значительный рост по всем ключевым показателям, подтверждая его эффективность и соответствие общероссийским тенденциям. Опыт города можно считать успешным примером масштабирования и развития инициативного бюджетирования на муниципальном уровне. В то же время «Народный бюджет ТОС» г. Вологды характеризуется нестабильностью, снижением количества поддержанных проектов и объемов финансирования, несмотря на увеличение средней суммы на проект.

Инициативное бюджетирование, муниципальные образования, партисипативный бюджет, народный бюджет, регион, гражданское участие.

Введение

История практики инициативного бюджетирования (далее – ИБ) в Российской Федерации начинается с эксперимента 2007 года в Ставропольском крае, который разрабатывался совместно с сотрудниками Всемирного банка. Проект «Программы поддержки местных инициатив» показал свою эффективность и состоятельность, и данный механизм начал осваиваться другими регионами и населенными пунктами. В свою очередь проект «Народный бюджет» был общероссийским, что значительно масштабировало применение подобных механизмов. Ключевым этапом развития инициативного бюджетирования стало принятие федерального проекта «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации в 2016–2021 гг.». По мере его реализации механизм ИБ обеспечивался нормативно-правовой базой и активно внедрялся в субъектах Российской Федерации. Вологодская область (а именно г. Череповец) в 2014 году одной из первых внедрила механизмы подобного рода финансирования через территориальное общественное самоуправление с помощью проекта «Народный бюджет». Уже в 2020 году в федеральный закон о местном самоуправлении ввели понятие «инициативные проекты», которые отнесли к одной из форм

участия граждан. На 2023 год мероприятия по развитию ИБ реализуются в 78 субъектах РФ¹.

Однако стоит отметить, что в первую очередь значимость механизмов ИБ обуславливается не количеством вовлеченных регионов, а спросом среди населения. Так, согласно социологическому исследованию ППМИ Кировской области, более 80% населения пользуются результатами данных проектов; 90% считают, что проекты ИБ решают важные или очень важные проблемы (Шульга и др., 2017). Помимо этого, инициативное бюджетирование активизирует участие граждан в определении приоритетов расходования средств бюджетов разных уровней, поддерживает инициативы жителей в решении вопросов местного значения, увеличивает эффективность бюджетных расходов, усиливает функции общественного контроля, повышает открытость и прозрачность деятельности органов местного самоуправления, развивает взаимодействие власти с населением (Touchton, Wampler, 2013), повышает бюджетную грамотность населения и др.

Исходя из отмеченной значимости инициативного бюджетирования цель исследования состоит в комплексном анализе российской практики ИБ, выявлении ключевых тенденций и их сопоставлении с конкретными показателями, демонстрируемыми Вологодской областью в этой сфере.

¹ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf

Теоретический обзор

В современном научном дискурсе тема ИБ не теряет своей актуальности. Исследователи анализируют практики инициативного бюджетирования как в контексте всей Российской Федерации (Вагин, Шаповалова, 2020; Ann-Mari, Leo, 2017), так и по конкретным регионам или населенным пунктам (Плотникова, Дементьева, 2020; Маковник, 2021; Бавыкин, Агибалов, 2022). Или, например, исследуются специфические категории поселений, такие как сельские или городские (Шикалов, Гребеник, 2022; Воробьева, 2023). Также рассматривается гражданская активность населения и его роль в механизмах ИБ (Жестянников, 2021; Мищенко и др., 2022; Белехова, Жданова, 2023; Косыгина, 2023; Сунгуров, Дмитриева, 2023; Toepler et al., 2020). Стоит отметить, что публикуются работы, которые акцентируют внимание на институциональных, правовых и теоретических противоречиях данной тематики (Смирнов, 2021; Рыбакова, 2022; Pateman, 2012; Martinez Guzman et al., 2024).

В научной среде нет единого подхода к понятию «инициативное бюджетирование». С.В. Рыбакова в результате исследования данного вопроса приходит к выводу о том, что в науке бюджетного права несколько лет идет процесс формирования нового понятия – инициативное бюджетирование, которое должно обобщить научные, практические и правовые подходы бюджетирования в целом. В статье рассмотрен ряд нормативно-правовых актов (Бюджетный кодекс РФ, Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 320 и др.). Отмечается, что практика инициативного бюджетирования послужила одной из причин появления нового принципа в бюджетной системе – участие населения. Автор подчеркивает, что понятия «инициативное бюджетирование» и «партисипативное бюджетирование» являются синонимами (Рыбакова, 2022).

В свою очередь Д.А. Смирнов делает схожие выводы. Он считает, что в основе подобного рода противоречий лежит тот факт, что нормативное регулирование данных механизмов осуществляется именно на региональном уровне, где используются разные формулировки: «народный бюджет», «программы поддержки местных инициатив», «партисипативное бюджетирование», «инициативное бюджетирование». Соответственно, им даются различные определения (например, «форма участия населения муниципальных образований Кемеровской области в решении вопросов местного значения посредством определения направлений расходования бюджетных средств»; в Нижегородской области – «форма осуществления гражданами местного самоуправления посредством участия в инициации проектов и последующем контроле за реализацией отобранных проектов, финансируемых за счет средств областного и местных бюджетов, а также форма непосредственного участия граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств» и др.). В некоторых субъектах Российской Федерации понятие «инициативное бюджетирование» не определяется. В заключение автор предлагает закрепить специальные нормы и понятия инициативного бюджетирования в отдельный закон на федеральном уровне (Смирнов, 2021).

В своем исследовании М.В. Цуркан ограничивает смежные понятия «инициативное бюджетирование», «партисипативное бюджетирование», «партисипативное бюджетирование» и «экстра-бюджетирование». Отмечается, что данные понятия хотя и синонимичные, но в контексте бюджетирования не всегда тождественны, что создает проблемы при анализе развития территорий. В результате автор делает вывод о том, что «экстра-бюджетирование» вовсе не является синонимом другим понятиям, т. к. выступает одним из этапов инициативного бюджетирования. Тогда как партисипативное (партисипаторное) бюджетирование – это процесс разработки и утвержде-

ния и/или распределения части бюджетных средств муниципального образования в рамках проектного подхода с применением форм общественного участия в реализации местного самоуправления и/или при участии комиссии, состоящей из представителей администрации муниципального образования и его населения. Единственное отличие инициативного бюджетирования заключается в том, что оно предполагает софинансирование (Цуркан, 2016).

В исследовании В.В. Вагина и Н.А. Шаповаловой был проанализирован опыт инициативного бюджетирования в России. Авторы определили основные характеристики ИБ: обсуждение бюджетных вопросов, участие представителей власти, серийный процесс реализации, публичное обсуждение с участием граждан, организация публичной отчетности, софинансирование, участие граждан в реализации проектов, встроенность практики в бюджетный процесс (Вагин, Шаповалова, 2016). В другой работе они отмечают, что в ИБ большая доля финансирования осуществляется региональным бюджетом. При этом в правовом обеспечении также превалирует роль именно регионального законодательства. В свою очередь основными проектами, которые финансируются через механизмы ИБ, становятся места массового отдыха населения и объекты организации благоустройства, автомобильные дороги и сооружения на них, образовательные и культурные учреждения, объекты водоснабжения, водоотведения (Вагин, Шаповалова, 2018).

Как уже отмечалось ранее, инициативное бюджетирование является элементом публичной политики органов власти и, соответственно, формой взаимодействия государства с населением. Этому посвящена работа С.Г. Жестянникова, в которой отмечена важность гражданского участия при развитии территории. Так, на территории Вологодского района реализуется множество проектов разных уровней («Добрососедство», «Народный бюджет», ТОС). И именно активное гражданское участие граждан позволяет объединить населе-

ние и государство в различных его формах. В процессы управления районом вовлечены 40% граждан, что позволяет решать вопросы местного значения более эффективно и при этом является значительным импульсом для социально-экономического развития территорий (Жестянников, 2021).

Описание механизмов участия местного сообщества в развитии территорий представлено в работе К.Е. Косыгиной. Выявлено, что основные запросы населения направлены на сферы ЖКХ, образования и здравоохранения. В свою очередь процессы инициативного бюджетирования, как правило, осуществляются на конкурсной основе с участием жителей. При этом за последние годы число подобных практик только увеличивается как в России, так и в Вологодской области. В 2021 году Вологодская область вошла в число субъектов РФ, лидирующих в СЗФО по финансовому обеспечению проектов инициативного бюджетирования в зависимости от показателей: доля средств, выделенных на проекты в региональном бюджете субъекта РФ, и бюджетная поддержка на одного жителя. Был проведен анализ активности жителей городов и сельских территорий, в результате которого получен вывод о том, что в малых населенных пунктах имеется больший потенциал вовлеченности граждан, чем в крупных городах. При этом основными акторами данных процессов выступают органы местного самоуправления, тогда как участие бизнеса минимально. В заключение автор отмечает, что именно проекты инициативного бюджетирования являются перспективным механизмом, который позволит преодолеть основные барьеры гражданской активности населения (Косыгина, 2023).

Г.В. Белехова и А.Э. Жданова исследовали особенности публичной политики в Вологодской области и Республике Карелии. Авторы считают, что муниципальная публичная политика способствует аккумуляции людских ресурсов вокруг местных проблем и общему стабильному социально-экономическому развитию. Отмечается, что инициативное бюджетирование является

одной из форм вовлечения граждан в процессы управления, что выступает эффективной практикой управления социально-экономическим развитием территории, т. к. повышает уровень доверия населения к власти и обеспечивает принцип открытости и прозрачности управления. Авторы подчеркивают, что реализация федерального проекта «Комфортная городская среда» наряду с проектами «Народный бюджет» и «Народный бюджет ТОС» способствует положительной динамике индекса качества городской среды (Белехова, Жданова, 2023).

На данный момент деятельность в сфере ИБ на федеральном уровне осуществляется в основном Минфином России. Она включает обобщение практики различных регионов и составление методических рекомендаций. Согласно им, «инициативное бюджетирование (ИБ) – общее название, используемое для обозначения совокупности практик вовлечения граждан, объединенных идеологией гражданского участия, в бюджетный процесс в Российской Федерации, а также сфера государственного и муниципального регулирования участия населения в определении и выборе проектов, финансируемых за счет средств соответствующих бюджетов и последующем контроле за реализацией отобранных проектов со стороны граждан»². Для сравнения, в Вологодской области нет отдельного нормативно-правового акта или документа, который бы регулировал вопросы инициативного бюджетирования на территории региона. Управление ИБ осуществляется в рамках программы «Управление региональными финансами Вологодской области на 2021–2025 годы». В тексте документа не дается определение инициативному бюджетированию (однако само понятие используется как на официальном сайте правительства области, так и в отчетах органов власти), но присутствует отдельный

раздел, посвященный проекту «Народный бюджет», который является подпрограммой «Поддержание устойчивого исполнения местных бюджетов и повышение качества управления муниципальными финансами». Главная его цель – «софинансирование реализуемых в рамках проекта «Народный бюджет» общественно значимых муниципальных проектов по результатам конкурсного отбора»³. На муниципальном уровне складывается аналогичная ситуация. Например, в городе Вологде регуляция осуществляется с помощью муниципальных программ (проект «Народный бюджет ТОС»)⁴. Однако дается определение понятия «инициативные проекты», которые описываются как совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных проектов (понятие «инициативное бюджетирование» также используется в текстах документов, но не поясняется).

Подводя итоги, следует отметить, что механизм инициативного бюджетирования – широкое понятие, включающее различные формы поддержки местных инициатив и участия граждан в управлении территорией (Cabannes, 2015). Однако имеется ряд барьеров для его успешного функционирования, среди которых отсутствие нормативной централизованности в интерпретации рассматриваемого понятия.

Материалы и методы

В рамках исследования при анализе практики инициативного бюджетирования в России и Вологодской области использовались исследовательские работы для теоретического обоснования и интерпретации

² Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Министерство финансов Российской Федерации, 2020 г.

³ Об утверждении государственной программы Вологодской области «Управление региональными финансами Вологодской области на 2021–2025 годы»: Постановление Правительства Вологодской области от 20 мая 2019 г. № 469.

⁴ Об утверждении перечня муниципальных программ городского округа города Вологды: Постановление Администрации города Вологды от 28 сентября 2023 г. № 1680.

результатов; доклады Министерства финансов Российской Федерации о лучших практиках развития инициативного бюджетирования, а также методические рекомендации ведомства; сведения с официального портала Правительства Вологодской области, включая информацию о проекте «Народный бюджет» и других муниципальных программах; данные с официальных сайтов органов местного самоуправления (администрации городов Вологда и Череповец) для анализа практик на местном уровне.

Применялись методы статистического и сравнительного анализа. Проанализированы количественные данные по числу проектов, объемам финансирования и другим показателям на основе отчетов Минфина России и региональных источников. Проведены расчеты средних значений, прироста и других статистических показателей для выявления тенденций в сфере инициативного бюджетирования. Общероссийские тенденции сопоставляются с региональными особенностями Вологодской области.

Использование указанных методов и материалов позволило обеспечить достоверность и полноту исследования, а также провести комплексный анализ практик инициативного бюджетирования на разных уровнях управления.

Результаты исследования

Общероссийские тренды инициативного бюджетирования

Как уже упоминалось, первый эксперимент по инициативному бюджетированию в Российской Федерации был проведен в

2007 году в Ставропольском крае в рамках «Программы поддержки местных инициатив». За 16 лет (с 2007 по 2023 год) количество практик инициативного бюджетирования по стране достигло 455. Для сравнения, в 2015 году таких программ было всего 17, что примерно в 27 раз меньше, чем в 2023 году. Вместе со смежными практиками, которые также показали значительный рост (в 6,6 раза за тот же период), общее количество достигает 548. По данным ЦИБ НИФИ, с 2015 по 2023 год общее число подобных практик увеличилось почти в 18 раз. При этом наибольший рост (в 26,8 раза) зафиксирован именно в сфере инициативного бюджетирования (табл. 1).

Наблюдается устойчивый тренд на развитие инициативного бюджетирования в России: не только растет число реализуемых проектов, но и увеличивается объем финансовой поддержки, что свидетельствует о повышении внимания к этой форме гражданского участия со стороны государства.

В свою очередь финансирование проектов инициативного бюджетирования увеличивается пропорционально количеству практик. Особого внимания заслуживает тот факт, что соотношение финансирования 2023 года и 2015 года значительно выше, чем соотношение количества практик (24,5 и 17,7 раза соответственно). Возрастает средний объем поддержки на один проект (рис.). Превышение темпов роста финансирования указывает на увеличение масштабов проектов (например, более дорогостоящая инфраструктура), повышение качества реализуемых объектов

Таблица 1. Динамика внедрения практик инициативного бюджетирования в России в 2015–2023 гг., ед.

Практики	Год									Изменение, 2023 год к 2015 году, раз
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Практики ИБ	17	18	38	107	180	212	323	334	455	26,8
Смежные практики*	14	22	74	86	69	78	83	105	93	6,6
Всего	31	40	112	193	249	290	406	439	548	17,7

* Практики, которые предусматривают участие граждан в распределении бюджетных средств (например, ТОС). Составлено по: доклад Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 год.

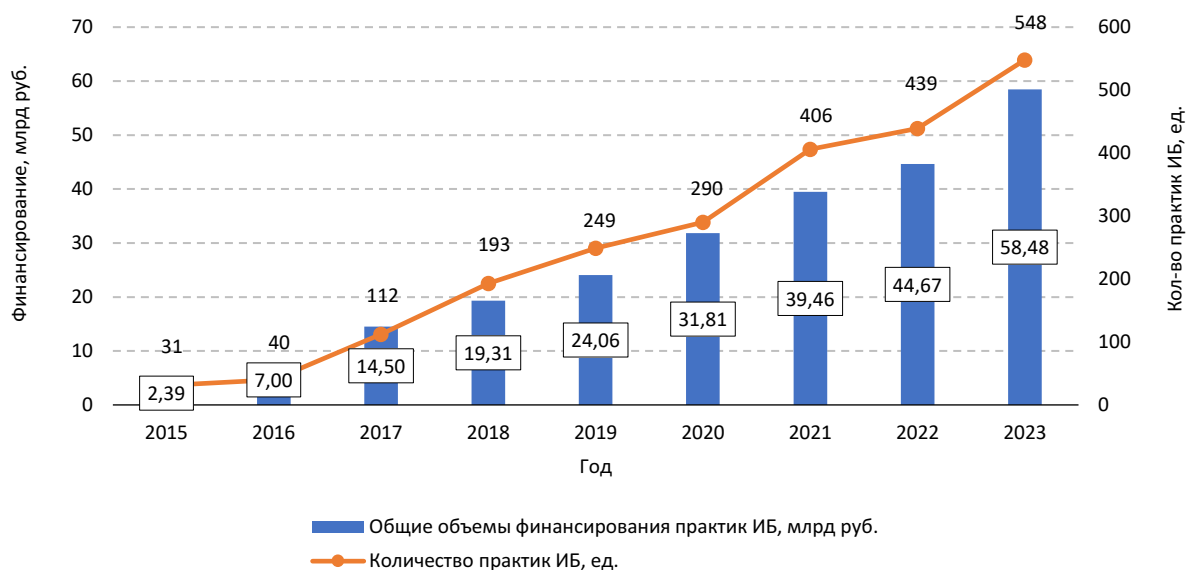


Рис. Финансовое обеспечение проектов инициативного бюджетирования в России, 2015–2023 гг.

Составлено по: доклад Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 год.

(использование современных материалов, технологий), возможное расширение тематики практик (включение социальных, экологических или цифровых проектов). Динамика финансирования носит более стабильный характер по сравнению с динамикой количества практик, что говорит о системном закреплении ИБ в бюджетных процессах, наличии долгосрочных механизмов финансирования, снижении рисков резких сокращений бюджета на ИБ.

Начиная с 2018 года ЦИБ НИФИ Минфина России ведет статистику по муниципальным и региональным практикам. Анализ данных отражает тенденции развития инициативного бюджетирования в России за

период 2018–2023 гг. В частности, общее количество практик ИБ (региональных и муниципальных) увеличилось с 193 ед. в 2018 году до 548 ед. в 2023 году. Наибольший прирост наблюдался в 2021 году (+116 практик по сравнению с 2020 годом), что может быть связано с усилением поддержки со стороны государства или расширением программ финансирования. Начиная с 2019 года количество местных практик превышает количество практик регионов. Эта тенденция сохраняется весь рассматриваемый период (до 2023 года). Так, за 2018–2023 гг. количество муниципальных практик увеличилось в 4,3 раза, а региональных – только в 1,5 раза (табл. 2).

Таблица 2. Региональные и муниципальные практики инициативного бюджетирования в России в 2018–2023 гг., ед.

Практики	Год						Изменение, 2023 год к 2018 году, раз
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Региональные практики ИБ	102	102	115	132	141	156	1,5
Муниципальные практики ИБ	91	147	175	274	298	392	4,3
Всего	193	249	290	406	439	548	2,8

Составлено по: доклад Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 год.

Превалирование муниципального инициативного бюджетирования отражается в территориальном разрезе по федеральным округам. Так, в период с 2020 по 2023 год наблюдается положительная динамика в большинстве округов: в 5 из 8 федеральных округов количество муниципальных практик возросло. Следует отметить, что все субъекты используют механизмы инициативного бюджетирования в границах Северо-Западного, Уральского и Поволжского федеральных округов. В Северо-Кавказском федеральном округе ситуация противоположная: только половина субъектов практикует инициативное бюджетирование, что указывает на необходимость выработки индивидуальных подходов к внедрению ИБ с учетом специфики каждого региона. В целом внедрение прак-

тик ИБ по федеральным округам соответствует общероссийским трендам.

Особенно показателен опыт Северо-Западного федерального округа: он выделяется не только тем, что все 11 субъектов в нем реализуют механизмы инициативного бюджетирования, но и сравнительно большим ростом числа проектов муниципального уровня (табл. 3).

Полученные выводы подтверждаются в исследовании Н.А. Шаповаловой, согласно которому роль субъектов РФ значительно превалировала в вопросах инициативного бюджетирования в плане как регулирования, так и инициативы проектов и программ; однако именно в 2018 году зарождается и активно развивается муниципальное направление ИБ (Шаповалова, 2020).

Таблица 3. Динамика внедрения практик инициативного бюджетирования в России по федеральным округам

Федеральный округ*	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	ДФО	СКФО	УФО	СФО
Кол-во субъектов	18	11	12	14	11	7	6	10
2020 год								
Кол-во субъектов, реализующих практику ИБ	17	10	8	14	9	2	6	9
Кол-во практик ИБ регионального уровня	34	23	8	26	15	2	9	9
Кол-во практик ИБ муниципального уровня	22	23	52	97	27	14	48	5
2023 год								
Кол-во субъектов, реализующих практику ИБ	17	11	8	14	9	4	6	9
Кол-во практик ИБ регионального уровня	36	29	12	32	14	3	13	17
Кол-во практик ИБ муниципального уровня	16	52	72	140	19	28	43	22
Изменение, 2023 год к 2020 году, раз								
Кол-во субъектов, реализующих практику ИБ	1,0	1,1	1,0	1,0	1,0	2,0	1,0	1,0
Кол-во практик ИБ регионального уровня	1,1	1,3	1,5	1,2	0,9	1,5	1,4	1,9
Кол-во практик ИБ муниципального уровня	0,7	2,3	1,4	1,4	0,7	2,0	0,9	4,4
* Согласно методологии ЦИБ НИФИ Минфина РФ, новые регионы, вошедшие в состав Российской Федерации (Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область), были учтены в составе Южного федерального округа. Составлено по: доклад Минфина России о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2020 и 2024 гг.								

Практика инициативного бюджетирования в Вологодской области

Рассмотрим практику инициативного бюджетирования Вологодской области и сравним ее с общероссийскими трендами. Ключевой областной проект ИБ на Вологодчине – «Народный бюджет». Он стартовал в 2015 году и успешно реализуется по настоящее время. К участию принимаются заявки не только от НКО и различных обществ/объединений, но и от инициативных групп. При этом начиная с 2020 года доля областного финансирования составляет 70%. Остальные 30% должны быть профинансированы муниципалитетом или бизнесом. Однако 5% средств проекта обязательно должны предоставить физические лица⁵.

Анализ данных табл. 4 позволяет выявить, что на протяжении всего рассмотренного периода (с 2016 по 2023 год) наблюдается рост всех рассматриваемых показателей. Так, количество конкурсных заявок увеличилось в 10 раз, что свидетельствует о востребованности проекта и заинтересованности им со стороны населения. В свою очередь размер субсидий растет пропорционально количеству поддержанных проектов (в 25 и 8,9 раза соответственно). Расчет средней суммы на один поддержанный

проект (значение которой увеличилось в 2,8 раза) позволяет выявить, что наблюдается не только количественный, но и качественный рост. Следует учитывать тот факт, что по 2021 год реализовывалась большая доля заявок, чем в последующие годы. Так, с 2017 по 2021 год среднее отношение реализованных проектов к заявкам составляет 95%, тогда как с 2022 года – 62%. Этот год также выбивается из тенденций постоянного роста именно по количеству поддержанных проектов. Вероятно, это произошло в связи с тем, что именно в 2021 и 2022 гг. ряд муниципальных образований присоединился к областной программе народного бюджета, в рамках которой реализовывались проекты, финансируемые сразу несколькими бюджетами разных уровней. Однако нельзя не отметить, что данная областная программа отмечается как положительный пример на федеральном уровне власти. Так, в 2023 году Вологодская область вошла в 10 лучших регионов по количеству участников интернет-голосования по проектам инициативного бюджетирования⁶.

В контексте исследования представляется необходимым рассмотреть практики инициативного бюджетирования на местном уровне. «Народный бюджет» г. Череповца за-

Таблица 4. Динамика показателей по проекту «Народный бюджет» за 2016–2023 гг.

Показатель	Год								Изменение, 2023 год к 2016 году, раз
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Количество конкурсных заявок, ед.	221	407	490	835	984	1567	2107	2229	10,1
Количество проектов, получивших субсидию, ед.	155	373	458	818	976	1472	1335	1373	8,9
Размер субсидии, выделенной из областного бюджета, млн руб.	20	50	60	90	170	305,8	405,8	500	25,0
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	129	134	131	110	174	208	304	364	2,8

Составлено по: данные официального портала Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/narodnyu-byudzhet>

⁵ Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/narodnyu-byudzhet>

⁶ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов РФ: URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf

служивает отдельного внимания. Опыт реализации данного проекта ставится в пример и отмечается на федеральном уровне. Так, в 2023 году Череповец вошел в пятерку лидеров по муниципальным расходам на инициативное бюджетирование и занял 3 место по России по количеству реализованных проектов⁷. В табл. 5 представлены показатели по проекту, исходя из которых можно сделать вывод о том, что муниципальные программы следуют общероссийским тенденциям. Так, количество реализованных проектов по программе «Народный бюджет» в г. Череповце в 2023 году в сравнении с 2016 годом увеличилось в 4,7 раза. Активный рост наблюдается по объемам финансирования (увеличение почти в 32 раза за этот же период). Соответственно, возрастает средняя сумма на один проект (почти в 7 раз).

В Вологде главным муниципальным проектом ИБ является «Народный бюджет ТОС». Однако в отличие от череповецкой практики он демонстрирует нестабильность по ключевым показателям. Так, с 2020 по 2024 год количество поддержанных проектов уменьшилось в 0,8 раза, а по объему финансирования – в 0,9. Положительная тенденция наблюдается только по средней сумме финансирования на один проект (увеличение в 1,1 раза; табл. 6). Рост средней суммы на проект может указывать на смещение приоритетов в сторону более дорогостоящих инициатив, что могло привести к сокращению общего числа проектов. Пик финансирования приходится на 2023 год (74,9 млн руб.). Возможно, это связано с единовременными программами или изменениями в бюджетной политике, напри-

Таблица 5. Динамика объемов финансирования проекта «Народный бюджет (Народная программа)», г. Череповец, 2016–2024 гг.

Показатель	Год								Изменение, 2023 год к 2016 году, раз
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Кол-во поддержанных проектов, ед.	7	12	20	39	1	26	7	33	4,7
Объемы финансирования, млн руб.	9,9	19,9	35,7	44,8	1	76,9	55	316,1	31,9
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	1414	1658	1785	1149	1000	2958	7857	9579	6,8

Составлено по: данные официального сайта мэрии города Череповца. URL: <https://35cherepovets.gosuslugi.ru/ofitsialno/otkrytyy-byudzhnet/narodnyy-byudzhnet-narodnaya-programma/?ysclid=m697yyboqt991529564>

Таблица 6. Динамика объемов финансирования проекта «Народный бюджет ТОС», г. Вологда, 2020–2024 гг.

Показатель	Год				Изменение, 2024 год к 2020 году, раз
	2020	2021	2023	2024	
Количество задействованных ТОС, шт.	30	34	28	30	1,0
Количество поддержанных проектов, шт.	36	34	36	30	-0,8
Объемы финансирования, млн руб.	43,7	38,2	74,9	39,4	-0,9
Средняя сумма на один поддержанный проект, тыс. руб.	1214	1124	2081	1313	1,1

Составлено по: данные официального сайта Администрации города Вологды. URL: <https://vologda.gosuslugi.ru/ofitsialno/statistika/otkrytyy-byudzhnet/tos/>

⁷ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов РФ: URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf

мер незапланированным ростом доходов бюджета города (в 2022 году планировались доходы около 15 млн руб., а по факту в 2023 году составили около 17 млн руб.)⁸.

Помимо Вологды и Череповца, проект «Народный бюджет» реализуется в Вологодском районе с 2023 года (общий объемом финансирования на 2024 год – 331 млн руб.)⁹, в г. Великий Устюг и Шекснинском районе – с 2015 года (общие объемы финансирования на 2024 год – 96 и 13 млн руб. соответственно), в Грязовецком районе программа стартовала в 2020 году (объем финансирования на 2024 год – 12 млн руб.) и т. д. Данные практики местного уровня подтверждают полученные выводы о повышении роли проектов муниципального инициативного бюджетирования.

Заключение

Таким образом, анализ подходов к понятию «инициативное бюджетирование» показывает отсутствие единого толкования этого процесса как в правовой, так и в научной сфере, что связано с различиями в целях, методах реализации и уровнях вовлеченности участников. В России инициативное бюджетирование регулируется преимущественно на уровне субъектов РФ и муниципалитетов. Отсутствует единый федеральный закон, определяющий ИБ, но есть упоминания в отдельных документах. Регионы принимают собственные нормативные акты, что приводит к различиям в критериях отбора проектов, размере софинансирования со стороны граждан, порядке голосования и контроля и др. В научном дискурсе некоторые исследователи определяют ИБ исключительно как механизм прямого участия граждан в распределении части бюджета. Другие включают в ИБ любые формы вовлечения населения в бюджетный процесс, в т. ч. общественные слушания,

краудсорсинг и совместное планирование. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на выработке интегративных критериев, которые помогут согласовать правовые и научные подходы.

В результате работы выявлены основные национальные тренды в сфере инициативного бюджетирования – устойчивый рост количества проектов инициативного бюджетирования на всех уровнях управления. Финансирование проектов увеличивается опережающими темпами по сравнению с их количеством, что указывает на повышение масштабов и качества реализуемых инициатив. В свою очередь история инициативного бюджетирования в России свидетельствует, что в начале его становления решающую роль играли органы субъектов РФ, однако с 2018 года стало активно развиваться новое направление – муниципальное инициативное бюджетирование. Растущий интерес к инициативному бюджетированию на местном уровне говорит о готовности населения принимать непосредственное участие в развитии своих малых территорий, предлагая конкретные проекты, направленные на улучшение качества жизни.

В то же время увеличение финансирования проектов на всех уровнях требует совершенствования механизмов контроля над его использованием. Необходимо обеспечить эффективный мониторинг и оценку результатов реализации проектов, чтобы гарантировать достижение поставленных целей и предотвратить нецелевое расходование средств.

Вологодская область повторяет общероссийскую модель: регион задает правила, а муниципалитеты обеспечивают реализацию ИБ «на земле». Аналогично национальным тенденциям наблюдается рост числа муниципальных практик. Инициативное бюджетирование становится инструментом

⁸ Объем поступления доходов бюджета города Вологды, формируемый за счет налоговых и неналоговых доходов, а также безвозмездных поступлений, на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 гг.; объем поступления доходов бюджета города Вологды, формируемый за счет налоговых и неналоговых доходов, а также безвозмездных поступлений, на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 гг.

⁹ Портал органов местного самоуправления Вологодского муниципального округа. URL: <https://35vologodskij.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/otkrytyy-byudzhet/narodnyy-byudzhet/?ysclid=m6eovyk2ab76290597>

гибридного управления, сочетающего бюджетные ресурсы и локальные инициативы. Для дальнейшего развития ИБ на местах важно укреплять обратную связь между населением и органами местного самоуправления, а также типизировать успешные практики (например, создать реестр лучших проектов).

ЛИТЕРАТУРА

- Бавыкин С.А., Агибалов Ю.В. (2022). Инициативное бюджетирование в системе органов местного самоуправления // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. № 1. С. 4–7.
- Белехова Г.В., Жданова А.Э. (2023). Особенности муниципальной публичной политики в субъектах Северо-Западного федерального округа (на примере Вологодской области и Республики Карелии) // *Caucasian Science Bridge*. Т. 6. № 4. С. 24–41.
- Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2020). Актуальные вызовы и проблемы развития инициативного бюджетирования // Финансовый журнал. Т. 12. № 1. С. 9–26.
- Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2016). Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 38 (320). С. 2–19.
- Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2018). Состояние инициативного бюджетирования в Российской Федерации: новые тренды и возможности развития // Финансовый журнал. № 1 (41). С. 110–122.
- Воробьева Т.Б. (2023). Опыт инициативного бюджетирования в сельских поселениях Вологодской области // Известия Оренбургского гос. аграрн. ун-та. № 1. С. 133–136.
- Жестянников С.Г. (2021). Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 1. С. 52–67.
- Косыгина К.Е. (2023). Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 210–229.
- Маковник Т.Д. (2017). Практика и проблемы инициативного бюджетирования в Новгородской области // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. Т. 13. № 1.
- Мищенко В.В., Лякишева В.Г., Кириллов А.А. (2022). Инициативные проекты как одна из перспективных форм гражданского участия в решении вопросов социально-экономического развития территории (на материалах Алтайского края) // Экономика. Профессия. Бизнес. № 3. С. 74–83.
- Печенская-Полищук М.А. (2020). Развитие партисипаторного бюджетирования как фактор роста бюджетного потенциала территории // Проблемы развития территории. № 5 (109). С. 49–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4
- Плотникова Е.В., Дементьева А.А. (2020). Развитие инициативного бюджетирования в Краснодарском крае // Экономика и предпринимательство. № 6. С. 586–590.
- Рыбакова С.В. (2022). Инициативное бюджетирование как новая категория бюджетного права // Финансовое право. № 5. С. 12–18.
- Смирнов Д.А. (2021). Финансово-правовое регулирование инициативного бюджетирования в субъектах РФ // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. С. 148–155.
- Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. (2023). Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 103–125.
- Цуркан М.В. (2016). Подходы к определению понятия «партисипаторное бюджетирование» // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. № 2. С. 67–71.

- Шаповалова Н.А. (2020). Муниципальные практики инициативного бюджетирования: характеристика и механизмы поддержки // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. № 4 (35). С. 24–38.
- Шикалов Е.Н., Гребеник В.В. (2022). Инициативное бюджетирование на муниципальном уровне: тенденции развития и лучшая практика // Вестник Евразийской науки. Т. 14. № 5. С. 4.
- Шульга И.Е., Вагин В.В., Хачатрян Г.Н. [и др.] (2017). Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения. Москва: Алекс». 124 с.
- Ann-Mari S., Leo G. (2017). Policy implementation and initiatives in Russia: A local perspective. *Laboratorium*, 3, 70–81.
- Cabannes Y. (2015). The impact of participatory budgeting on basic services: Municipal practices and evidence from the field. *Environment & Urbanization*, 27 (1), 257–284. Available at: <https://doi.org/10.1177/0956247815572297>
- Martinez Guzman J.P., Jordan M.M., Joyce P.G. (2024). Towards inclusive public administration systems: Public budgeting from the perspective of critical race theory. *Public Administration*, 102 (3), 797–814.
- Pateman C. (2012). Participatory democracy revisited. *Perspectives on Politics*, 10 (01), 7–19. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1537592711004877>
- Toepler S., Zimmer A., Frohlich C., Obuch K. (2020). The changing space for NGOs: Civil society in authoritarian and hybrid regimes. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31, 649–662.
- Touchton M., Wampler B. (2013). Improving social well-being through new democratic institutions. *Comparative Political Studies*, 47 (10), 1442–1469. Available at: <https://doi.org/10.1177/0010414013512601>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ксения Евгеньевна Косыгина – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социокультурных и политических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Николай Николаевич Михалко – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru)

Kosygina K.E., Mikhalko N.N.

PARTICIPATORY BUDGETING IN RUSSIA AND THE VOLOGDA REGION: COMMON AND SPECIAL FEATURES

Participatory budgeting has a high potential to improve the efficiency of budget allocation and can contribute to the development of community self-organization, increase citizens' contribution to the development of the territory and their inclusion in budgetary processes. Our study aims to analyze the Vologda Region experience in the sphere of participatory budgeting and identify regional trends in comparison with the all-Russian ones. The information base consisted of scientific literature devoted to the study of initiative budgeting and data from the official websites of public authorities and local self-government bodies. The study reveals the main national trends in the sphere of participatory budgeting: a steady growth in the number of participatory budgeting projects at all levels of government; the financing of projects is increasing at a faster pace than their number. The key trend in the development of initiative budgeting is the increase in the share of municipal practices starting from

2018. We conclude that similar trends are observed in the Vologda Region. Participatory budgeting becomes a tool of hybrid management, combining budgetary resources and local initiatives. However, there are its regional peculiarities. In the course of analyzing the practices of proactive budgeting in Cherepovets and Vologda, contrasting trends were revealed. "People's budget (people's program)" in Cherepovets demonstrates significant growth in all key indicators, confirming its effectiveness and compliance with the all-Russian trends. The experience of the city can be considered a successful example of scaling and development of initiative budgeting at the municipal level. At the same time, the "People's budget of TOS" of Vologda is characterized by instability, a decrease in the number of supported projects and funding, despite the increase in the average amount per project.

Participatory budgeting, municipalities, participatory budget, people's budget, region, civic participation.

REFERENCES

- Ann-Mari S., Leo G. (2017). Policy implementation and initiatives in Russia: A local perspective. *Laboratorium*, 3, 70–81.
- Bavykin S.A., Agibalov Yu.V. (2022). Participatory budgeting in the system of local self-government bodies. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*, 1, 4–7 (in Russian).
- Belekhova G.V., Zhdanova A.E. (2023). Features of municipal public policy in the constituent entities of the Northwestern Federal District (using the example of the Vologda region and the Republic of Karelia). *Caucasian Science Bridge*, 6(4), 24–41 (in Russian).
- Cabannes Y. (2015). The impact of participatory budgeting on basic services: Municipal practices and evidence from the field. *Environment & Urbanization*, 27(1), 257–284. Available at: <https://doi.org/10.1177/0956247815572297>
- Kosygina K.E. (2023). The role of local communities in the development of small territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 210–229 (in Russian).
- Makovnik T.D. (2017). Practice and problems of initiative budgeting in the Novgorod region. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS*, 13(1) (in Russian).
- Martinez Guzman J.P., Jordan M.M., Joyce P.G. (2024). Towards inclusive public administration systems: Public budgeting from the perspective of critical race theory. *Public Administration*, 102(3), 797–814.
- Mishchenko V.V., Lyakisheva V.G., Kirillov A.A. (2022). Initiative projects as one of the promising forms of civic participation in resolution of issues of socio-economic development of the territory (by the materials of Altai Territory). *Ekonomika. Professiya. Biznes*, 3, 74–83 (in Russian).
- Pateman C. (2012). Participatory democracy revisited. *Perspectives on Politics*, 10(01), 7–19. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1537592711004877>
- Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2020). Participatory budgeting development as territory's budget potential growth factor. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(109), 49–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.4 (in Russian).
- Plotnikova E.V., Dement'eva A.A. (2020). Development of initiative budgeting in Krasnodar Region. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 6, 586–590 (in Russian).
- Rybakova S.V. (2022). Participatory budgeting as a new category of budget law. *Finansovoe pravo*, 5, 12–18 (in Russian).
- Shapovalova N.A. (2020). Municipal practices of initiative budgeting: Characterization and support mechanisms. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S Yu. Vitte. Ser. 1: Ekonomika i upravlenie*, 4(35), 24–38 (in Russian).
- Shikalov E.N., Grebenik V.V. (2022). Participatory budgeting at the municipal level: Development trends and best practices. *Vestnik Evraziiskoi nauki*, 14(5), 4 (in Russian).

- Shul'ga I.E., Vagin V.V., Khachatryan G.N. et al. (2017). *Initsiativnoe byudzhetrovanie. Rossiiskii opyt v oblasti uchastiya grazhdan v reshenii voprosov mestnogo znacheniya* [Initiative Budgeting. Russian Experience in the Field of Citizen Participation in Addressing Issues of Local Importance]. Moscow: Aleks.
- Smirnov D.A. (2021). Financial and legal regulation of initiative budgeting in the constituent entities of the Russian Federation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 1, 148–155 (in Russian).
- Sungurov A.Yu., Dmitrieva A.E. (2023). Public participation in government activities: public and participatory budgeting and participatory design at the level of Saint Petersburg municipalities. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2, 103–125 (in Russian).
- Toepler S., Zimmer A., Frohlich C., Obuch K. (2020). The changing space for NGOs: Civil society in authoritarian and hybrid regimes. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31, 649–662.
- Touchton M., Wampler B. (2013). Improving social well-being through new democratic institutions. *Comparative Political Studies*, 47(10), 1442–1469. Available at: <https://doi.org/10.1177/0010414013512601>
- Tsurkan M.V. (2016). Approaches to the definition of participatory budgeting. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika i upravlenie*, 2, 67–71 (in Russian).
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2016). Participatory budgeting and related practices. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya=Financial Analysis: Science and Experience*, 38(320), 2–19 (in Russian).
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2018). State of initiative budgeting in the Russian Federation: New trends and opportunities for development. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*, 1(41), 110–122 (in Russian).
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2020). Challenges and issues of imitative budgeting development. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*, 12(1), 9–26 (in Russian).
- Vorob'eva T.B. (2023). Experience of initiative budgeting in rural settlements of the Vologda Oblast. *Izvestiya Orenburgskogo gos. agrarn. un-ta*, 1, 133–136 (in Russian).
- Zhestyannikov S.G. (2021). Public participation as tool for territory development (experience of the Vologda municipal district of the Vologda Oblast). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 25(1), 52–67 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Head of Center for Socio-cultural and Political Studies, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Nikolai N. Mikhalko – research engineer, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mihalcko.kolya@yandex.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.6

УДК 332.12 | ББК 65.049

© Исаев А.П., Углов Д.А.

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЕЙШЕГО ГОРОДА УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА



АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ИСАЕВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: ap_isaev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9539-5011



ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ УГЛОВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: yglov@mail.ru

ORCID: 0009-0000-1556-2872; ResearcherID: MIQ-3916-2025

Актуальность исследования объясняется необходимостью оценки влияния быстро развивающихся процессов цифровизации экономики на качество жизни населения. Цель работы – оценить влияние электронной коммерции на качество жизни населения крупнейшего города и определить показатели этого влияния. Основные результаты получены в ходе анализа данных Росстата, научных публикаций, проведенного опроса населения и интервью экспертов. В статье понятие «качество жизни населения» рассматривается как экономическая категория, проведен анализ существующих практик ее оценки в России. На основе полученных данных была обоснована и подтверждена гипотеза о том, что развитие электронной торговли оказывает положительное влияние на качество жизни населения в отдельных сферах жизнедеятельности. Сформулированы основные выводы и дана качественная оценка влияния развития электронной торговли на качество жизни населения города-миллионника. Они могут представлять интерес для научного сообщества, структур государственного и регионального управления, а также участников

Для цитирования: Исаев А.П., Углов Д.А. (2025). Влияние электронной коммерции на качество жизни населения крупнейшего города Уральского региона // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 93–112. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.6

For citation: Isaev A.P., Uglov D.A. (2025). E-commerce impact on the quality of life of the largest city in the Urals region. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 93–112. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.6

рынка электронной коммерции. Научная новизна работы заключается в определении конкретных показателей, отражающих влияние электронной торговли на качество жизни населения, и ограничений, характерных для существующего перечня показателей, не позволяющих в полной мере оценить это влияние. Эмпирические результаты исследования, проведенного в Екатеринбурге, вносят вклад в расширение информационной базы о влиянии электронной торговли на качество жизни населения.

Качество жизни населения, электронная торговля, цифровая экономика, сфера жизнедеятельности, электронная коммерция, показатели качества жизни населения.

Введение

Последние 10 лет цифровые технологии, в том числе электронная коммерция (ЭК) и электронная торговля (ЭТ), бурно развивались, проникая практически во все сферы жизнедеятельности человека. Современное общество становится свидетелем и участником формирования новой цифровой экономики и концепции «Общество 5.0» (Rymarczyk, 2021). Такое развитие, несомненно, оказывает влияние на качество жизни населения в зависимости от региона страны. В то же время в исследованиях качества жизни населения регионов России, в том числе осуществляемых наиболее авторитетными рейтинговыми агентствами – «РИА Рейтинг»¹, АСИ (Агентство стратегических инициатив)², «Национальные кредитные рейтинги» и др., влияние ЭК не учитывается.

В связи с этим исследование влияния развития ЭК на качество жизни населения крупнейших городов, в которых особенно активно развивается ЭТ, является актуальной задачей как с точки зрения научного осмысления процессов цифровизации экономики, так и практических задач экономического развития и повышения уровня жизни населения страны.

Следует отметить, что в зарубежной и отечественной научной литературе понятия «электронная коммерция» (ЭК) и «электрон-

ная торговля» (ЭТ) имеют разное значение. Слово коммерция происходит из французского языка (commerce) и в переводе означает «торговля». В зарубежной литературе под ЭК понимают, как правило, сделки купли и продажи товаров и услуг посредством телекоммуникационной сети. Например, электронная коммерция определяется как совокупность сделок по покупке/продаже материальных и нематериальных товаров и услуг через интернет. Она включает в себя онлайн-ритейл, закупки, онлайн-аукционы и онлайн-платежи (Chen, 2012). В таком же значении понятие «электронная (или дистанционная) торговля» используется в России в законодательных документах³. Тем не менее анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что понятие ЭК более широкое и охватывает не только торговую и предпринимательскую деятельность, но и любые коммерческие операции с использованием электронных средств обмена данными, включая основную составляющую ЭК – электронную торговлю⁴. Целям нашего исследования больше соответствует понятие электронной торговли. Под ней, как и в работах (Холодкова, 2013; Димитрова, 2020), понимается совокупность совершаемых сделок купли/продажи цифровых и физических товаров и услуг в виртуальном пространстве (чаще в сети Интернет) с последующей их доставкой.

¹ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни населения. URL: <https://riarating.ru/images/63025/75/630257548.pdf> (дата обращения 18.09.2024).

² Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-liferanking/?ysclid=lv2imh9ce3923762571 (дата обращения 18.09.2024).

³ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам продажи товаров и оказания услуг: Постановление Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1007. URL: <http://government.ru/docs/all/84360> (дата обращения 07.05.2025).

⁴ Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/e-commerce-b3e51d> (дата обращения 07.05.2025).

Трендом последних пяти лет, включающих в себя «ковидные» и «постковидные» периоды, был взрывной рост популярности ЭТ, в особенности в сегменте продуктов питания, ставшем самым быстрорастущим сегментом потребительского рынка. Сфера торговли, доставки продуктов и их потребление являются важными факторами качества жизни населения, которые оказывают существенное влияние на целый ряд показателей. В то же время по релевантному поисковому запросу в российской системе РИНЦ научных работ с ключевыми словами «влияние электронной торговли на качество жизни населения» оказалось очень мало (Ибрагимова, Хусаинова, 2015; Синявская и др., 2022; Круглов, Амельченко, 2023).

Происходящие социально-экономические изменения, включая процессы цифровизации экономики, по-разному влияют на качество жизни населения (КЖН), поэтому важно определить те аспекты и параметры, которые меняются под их воздействием. Цель исследования – оценка влияния ЭТ на качество жизни населения крупнейшего города Уральского региона и определение показателей этого влияния. Гипотеза: развитие ЭТ оказывает положительное влияние на качество жизни населения в следующих сферах жизнедеятельности: потребление и досуг; инклюзивность и равенство; возможности для работы и своего дела.

Методология исследования

Для проверки гипотезы был проведен разносторонний анализ, включающий изучение документов, отчетных материалов, информационных баз данных, результатов исследований, опубликованных в отечественных и зарубежных источниках; а также эмпирическое исследование в форме онлайн-опроса населения, проживающего в одном из жилых комплексов Екатеринбурга. В ходе обработки результатов опроса использовались статистический анализ, методы устной беседы и графического моделирования. Для конкретизации полученных данных и их обоснования применялись ме-

тоды экспертной оценки, структурно-логического анализа и концептуального обобщения.

В ходе работы использовался междисциплинарный подход на стыках экономики, менеджмента и социологии, благодаря которому были получены сведения о влиянии развития ЭТ на качество жизни населения крупнейшего города Уральского региона, позволяющие сделать конкретные оценки и аргументированные выводы.

Обзор исследований качества жизни населения

В настоящее время понятие «качество жизни населения» (КЖН) является междисциплинарной категорией, которая включает в себя комплекс взаимосвязанных параметров, характеризующих все стороны и аспекты жизни человека от физических и экономических до психологических и духовных (Окрепиллов, Гагулина, 2023).

Существует три основных подхода к оценке КЖН: объективный (статистический или количественный), субъективный (качественный) и комбинированный. Наиболее полным и достоверным признается комбинированный подход. Системными исследованиями и оценкой качества жизни населения в России на основе комбинированного подхода занимаются рейтинговое агентство «Национальные кредитные рейтинги»; корпорация ВЭБ.РФ; Финансовый университет при Правительстве РФ; Министерство строительства и ЖК РФ при участии компаний «ДОМ.РФ» и КБ «Стрелка» (Ляховенко, 2022).

Гораздо больше научных исследований связано с изучением отдельных составляющих элементов КЖН. Произведенный анализ и расчет количества научных работ в российской системе РИНЦ с ключевыми словами «качество жизни населения» показал, что за последние пять лет было опубликовано около 17420 научных трудов. Большинство из них можно отнести к одной из четырех укрупненных тем: 1) исследования понятия КЖН, раскрывающие его сложность и многомерность; 2) изучение

вопросов методологии оценки КЖН и его показателей; 3) анализ особенностей КЖН конкретных регионов или сфер жизнедеятельности населения; 4) оценка и анализ факторов, влияющих на сферы жизнедеятельности и показатели КЖН (Ляховенко, 2022).

В качестве основных факторов, оказывающих существенное влияние на жизнедеятельность населения и показатели КЖН, которые представлены в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, можно выделить следующие:

1) экономические факторы благосостояния населения: доходы, структура потребления, бедность, уровень безработицы, ВВП на душу населения и пр. (Камалова, 2015);

2) качественные характеристики населения: здоровье, демографические показатели, уровень образованности, законопослушность, коррумпированность и пр. (Zubarevich, 2019);

3) жилищные условия: доступность жилья, товаров, услуг здравоохранения, образования, культуры, питания, возможности самореализации и пр. (Ибрагимова, Хусаинова, 2015);

4) окружающая среда: природные и климатические условия, уровень загрязнения воздуха/почвы/воды, природные катаклизмы и пр. (Biagia et al., 2018);

5) социальная защита: условия и доступность труда, доступность социальных услуг, стоимость жилищно-коммунальных услуг, физическая безопасность, качество социальной сферы (Камалова, 2015; Puravac et al., 2020).

Такие факторы влияния на КЖН, как доходы, бедность и потребительские расходы, рассматриваются многими исследователями (Окрепиллов, Гагулина, 2023; Пастухова и др., 2023; Дамдинова, 2024). К перспективным факторам долгосрочных трендов в потребительских расходах авторы относят неравенство доходов внутри регионов, различия демографической ситуации в них, масштабы урбанизации и др. (Пастухова и др., 2023). Проводится мониторинг социальных

процессов. отслеживается динамика изменений степени влияния различных факторов на КЖН, оцениваются территориальные границы влияния того или иного фактора и его взаимосвязь с географическим расположением региона (Пыстогова, 2016; Anselin, 2002).

В исследовании, проведенном в Челябинской области, в качестве основного фактора, определяющего КЖН, выделяется биологический фактор, в частности здоровье, на который, в свою очередь, влияют природные факторы, а также уровень доходов, образование, инфраструктура, жилищные условия, эффективность предприятий, благоустройство. Установлена взаимосвязь качества здоровья с ВВП (ППС) на душу населения по паритету покупательской способности и величиной прожиточного минимума, а также корреляция продолжительности жизни и эффективности промышленных предприятий региона (Капкаев, Добровольский, 2015).

Другие авторы рассматривают оценку КЖН через модели устойчивого развития регионов (Саламатов, 2022; Boyer, 2020). В одном из подходов разработан методический инструментарий оценки качества жизни населения на основе экосистемного подхода и представлена система потребностей, которая определяет роль каждого субъекта – человека, общества и производства – в комплексном удовлетворении индивидуальных и общественных потребностей населения региона (Саламатов, 2022).

В эмпирическом исследовании, проведенном в Свердловской области, с использованием качественных и количественных методов была проверена гипотеза о том, что статистические показатели регионов России искажают реальное положение дел. По результатам работы гипотеза была подтверждена, сделан аргументированный вывод о том, что благодаря качественным методам исследования КЖН происходит оценка «достоверности» статистических данных, показывающих улучшение качества жизни населения, при том что население этого не ощущает (Теске, Радилковская, 2020).

В исследовании роли торговли в повышении КЖН отмечается ее существенное влияние на показатели здоровья, качество питания, качество труда, свободное время, жилищные условия, доход (Ибрагимова, Хусаинова, 2015). В другой работе на основе индекса сетевой готовности (NRI) дана оценка влияния фактора цифровизации на КЖН. В частности, отмечено, что Россия занимает высокую позицию (40) в сфере «включенности в интернет» по показателю «интернет-магазины». На основе анализа взаимосвязи КЖН и цифровизации делается вывод, что одно из ее основных предназначений – повышение жизненного уровня средствами ИКТ (Круглов, Амельченко, 2023).

Одной из глобальных тенденций цифровой экономики выступает формирование онлайн-платформ, которые оказывают значительное влияние на рынок труда и показатель КЖН «возможности для работы и своего дела». Платформенная занятость стала актуальной альтернативой традиционным формам занятости, имея адаптивные преимущества: низкий порог входа, возможность сменить род деятельности, обрести независимость и реализовать предпринимательские инициативы, получить дополнительный заработок (Синявская и др., 2022).

Важным аспектом в оценке качества жизни населения является региональная составляющая. Структуру качества жизни формируют этнокультурные факторы, поэтому особенности восприятия качества жизни населения носят локальный характер. В связи с этим к оценке качества жизни населения нужно подходить, учитывая этнокультурные, социально-хозяйственные, исторические и религиозные, природные и научно-технические факторы, а также противоречивость их влияния на КЖН (Уянаева, 2020).

Даже краткий обзор показывает значительный диапазон факторов КЖН, которые являются постоянными объектами исследова-

ований, но влияние цифровизации рассматривается пока в небольшом количестве работ и лишь в общем виде.

Электронная коммерция и качество жизни населения

Цифровизация охватывает практически все социально-экономические процессы в обществе и поэтому не может не влиять на изменение условий и качество жизни людей. В то же время на основе анализа методик и опросов авторитетных рейтинговых агентств АСИ, «РИА Рейтинг» можно сделать вывод о том, что социально-экономический фактор ЭК практически не учитывается при оценке показателей КЖН.

Комплексной оценкой влияния цифровизации на человека занимается ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), которая провела оценку влияния цифровизации на 11 измерений благополучия Индекса лучшей жизни⁵. Зарубежными авторами введен специальный термин «цифровое благополучие», который оценивает влияние цифровизации на все сферы жизнедеятельности человека (Amichai-Hamburger, Furnham, 2007). Данный термин определяют как «поддержание и рост благополучия человека в социальной среде, характеризующийся цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности» (Vüchi, 2021). В России вопросами цифрового благополучия занимается Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала, который сформировал модель Индекса условий цифрового благополучия для сравнения показателей, достигнутых в России и странах ОСЭР. Отмечается, что качество оценки влияния цифровизации на КЖН может возрастать по мере разработки новых метрик и усовершенствования методов анализа данных (такую возможность дают инструменты искусственного интеллекта). При этом особое внимание необходимо уделять исследова-

⁵ OECD (2019). How's Life in the Digital Age? Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264311800-en>

ниям, позволяющим оценивать влияние конкретных цифровых технологий на КЖН⁶.

Результаты исследования и их обсуждение

Изучение подходов к пониманию и оценке КЖН показало, что наиболее полная и разносторонняя модель используется в рейтинге, проводимом АСИ. В модели АСИ представлено 10 сфер жизнедеятельности (рис. 1). В каждой сфере свой набор показателей КЖН в количестве от 4 до 35. Для составления рейтинга используется три разновидности оценок: субъективные показатели удовлетворенности, объективные показатели среды и показатели динамики их изменений. Для расчета интегрального значения используется 141 показатель оценки, в числе которых 67 опросных (субъективных), остальные относятся к данным статистики и геоаналитики⁷.

В исследовании использовались показатели КЖН из модели АСИ. Выбор сфер жизнедеятельности и соответствующих показателей КЖН, на которые оказывает влияние ЭТ, был сделан на основе результатов проведения экспертной оценки. В качестве экспертов участвовали сотрудники организаций ЭТ (7 чел.) и вузовские специалисты в области региональной экономики, являющиеся активными пользователями ЭТ (5 чел.). На основе проведенного авторами анализа функций электронной торговли и показателей КЖН из модели АСИ в экспертный лист были включены 6 (из 10) сфер жизнедеятельности и 30 относящихся к ним показателей. Результаты экспертной оценки отражены в табл. 1 (показатели КЖН, которые не были выбраны ни одним экспертом, в таблицу не включены).

На основе анализа результатов экспертной оценки были выделены 14 показателей



Рис. 1. Сферы жизнедеятельности, показатели которых используются в рейтинге качества жизни населения в регионах РФ, проводимом АСИ

Составлено по: Агентство стратегических инициатив.

URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-liferanking/?ysclid=lv2imh9ce3923762571

⁶ Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала: цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека. Научный дайджест. 2022. № 7 (12). URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf (дата обращения 17.12.2024).

⁷ Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-liferanking/?ysclid=lv2imh9ce3923762571 (дата обращения 18.09.2024).

из трех сфер жизнедеятельности, на которые может оказывать влияние электронная коммерция, из них 7 являются субъективными и 7 объективными. Влияние ЭТ на другие показатели КЖН этих сфер жизне-

деятельности возможно, но в значительно меньшей степени. Обоснование влияния электронной коммерции на выделенные субъективные показатели КЖН представлено в *табл. 2*.

Таблица 1. Результаты экспертной оценки влияния ЭТ на сферы жизнедеятельности и показатели КЖН

Оценка сфер жизнедеятельности		Оценка показателей качества жизни населения в модели рейтинга АСИ	
сфера жизни	количество выборов, %	показатель КЖН из модели рейтинга АСИ	количество выборов, %
Потребление и досуг	100	Удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса	100
		Удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования	100
		Оценка уровня своего дохода	92
		Оценка удовлетворенности качеством и выбором объектов общественного питания	100
		Оценка доступности товаров длительного потребления	100
		Доля населения, в пределах 15-минутной пешей доступности от продуктового магазина	83
		Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте	83
		Реальные среднедушевые денежные доходы населения	83
		Оценка возможности обеспечить ребенка	25
		Обеспеченность населения торговой площадью	17
Возможности для работы и своего дела	83	Оценка людьми наличия возможностей для открытия бизнеса в регионе	92
		Доля предпринимателей, имеющих/готовящихся открыть свой бизнес, в общем количестве респондентов	83
		Уровень занятости населения	92
		Средняя продолжительность поиска работы безработными	92
		Отношение средней численности работников малых и средних предприятий (включая ИП и самозанятых) к числу занятых	92
Инклюзивность и равенство	92	Доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе обязательного страхования	92
		Уровень благожелательности общества по отношению к людям с ОВЗ	25
Жилье и инфраструктура	33	Удовлетворенность дорогой из дома на работу/учебу	33
Безопасность	25	Оценка обеспокоенности жителей возможностью стать объектом ограбления (в т. ч. кража)	25
Чистота и экология	17	Качество окружающей среды	17
		Удовлетворенность качеством воздуха	17

Составлено по: опрос экспертов.

Таблица 2. Влияние электронной торговли на субъективные показатели КЖН

Сфера жизни	Показатель КЖН	Влияние электронной торговли
Потребление и досуг	Удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса	Бесплатная доставка, широкий выбор товаров, возможность сравнения цен в разных магазинах, экономия на покупке (Углов, 2024)
	Удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования	Только одежду онлайн покупают 18,2% граждан ¹⁾ , а покупку бытовой техники онлайн выбирают 52,7% потребителей ²⁾
	Оценка уровня своего дохода	За 2023 год количество вакансий в онлайн-ритейле выросло на 56%, а заработные платы увеличились на 18% ³⁾
	Оценка удовлетворенности качеством и выбором объектов общественного питания	Около 30% всех продаж ресторанов занимает доставка готовой еды ⁴⁾ ; «70% респондентов пользуются доставкой готовой еды» – выборка респондентов на базе Единой панели данных Ромир с участием только верифицированных россиян городов России с численностью более 10 тыс. чел. ⁵⁾
	Оценка доступности товаров длительного потребления	В РФ открыто более 70 тыс. пунктов выдачи заказов с маркетплейсов ⁶⁾
Возможности для работы и своего дела	Оценка людьми наличия возможностей для открытия бизнеса в регионе	Количество предпринимателей, которые продают товары на маркетплейсах составляет 700 тыс. ⁷⁾ Еще, около 50 тыс. ПВЗ открыты по франшизе ⁸⁾
	Доля предпринимателей, имеющих/готовящихся открыть свой бизнес, в общем количестве респондентов	По данным ВЦИОМ, доля предпринимателей выросла с 4% в 2009 году до 13% в 2024 году ⁹⁾ . Доля предпринимателей, занятых в сфере электронной торговли и маркетплейсах, среди всех клиентов банка выросла на 76% к 2023 году ¹⁰⁾

¹⁾ Сколько россиян совершают покупки одежды и обуви только в режиме онлайн. URL: <https://ksonline.ru/527821/skolko-rossiyan-sovershayut-pokupki-odezhdy-i-obuvi-tolko-v-rezhime-onlajn/?ysclid=lvnm1m4vwb577251443> (дата обращения 12.06.2024).

²⁾ Больше половины бытовой техники и электроники продается через online-каналы. URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/bolshe-poloviny-bytovoy-tekhniki-i-elektroniki-prodaetsya-cherez-online-kanaly-poschitali-eksperty-i> (дата обращения 13.06.2024).

³⁾ Рынок труда в ритейле: кадровый голод, рост зарплат и бюджетов на подбор. URL: <https://www.retail.ru/articles/rynok-truda-v-riteyle-2023-kadrovyy-golod-rost-zarplat-i-byudzheto-na-podbor/?ysclid=lvnm30y21x5666965522> (дата обращения 17.06.2024).

⁴⁾ Отчет об исследовании: доставка готовой еды из ресторанов. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Restaurant_Delivery_2023.pdf?ysclid=lvnm3m34s9b375103006 (дата обращения 18.06.2024).

⁵⁾ Россияне чаще заказывают еду напрямую у ресторана, чем через агрегатор. URL: <https://romir.ru/studies/romir-rossiyane-chashche-zakazyvayut-edu-napryamyu-u-restorana-chem-cherez-agregator> (дата обращения 18.06.2024).

⁶⁾ Пункты передачи партнеров. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6014898> (дата обращения 19.06.2024).

⁷⁾ Количество продавцов на Wildberries и Ozon к концу года вырастет в полтора раза. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/508059-kolicestvo-prodavcov-na-wildberries-i-ozon-k-koncu-goda-vyrastet-v-poltora-raza> (дата обращения 19.06.2024).

⁸⁾ Сколько ПВЗ у Wildberries, Ozon и Яндекс.Маркета. URL: <https://ecomhub.ru/how-many-pvz-do-wildberries-ozon-and-yandex-market-have/?ysclid=lvnm7lwsz76101189008> (дата обращения 19.06.2024).

⁹⁾ Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring> (дата обращения 06.02.2025).

¹⁰⁾ Сколько ПВЗ у Wildberries, Ozon и Яндекс.Маркета. URL: <https://ecomhub.ru/how-many-pvz-do-wildberries-ozon-and-yandex-market-have/?ysclid=lvnm7lwsz76101189008> (дата обращения 19.06.2024).

Для проверки результатов анализа статистических данных о влиянии ЭК на субъективные показатели КЖН было проведено эмпирическое исследование с помощью разработанной авторами методики в виде онлайн-опросника с вопросами закрытой формы и вариантами ответов по пятиуровневой шкале Лайкерта.

Онлайн-опрос проведен в одном из жилых комплексов г. Екатеринбурга, жители которого представляют разные слои населения, с помощью сервиса Google в сентябре – октябре 2024 года. В опросе приняли участие 700 чел., разброс количества ответов на разные вопросы – от 694 до 700, расчет % по каждому вопросу производился от числа ответивших. Средний возраст опрошенных составляет 39,5 года; доля женщин – 57%, мужчин – 43%. Для полученной случайной выборки опрошенных статистическая ошибка составляет менее 4%.

Анализ результатов опроса свидетельствует, что наиболее сильное влияние ЭТ оказывает на сферу жизни «Потребление и досуг», которая выражается в полученных показателях «удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса»

(рис. 2) и «удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования» (рис. 3).

Развитие ЭТ, маркетплейсов предоставило потребителям широчайший выбор товаров длительного пользования, которые можно покупать не выходя из дома. Российский рынок онлайн-покупок за 2024 год вырос на 41% и достиг 9 трлн руб. По объемам продаж в интернете в 2024 году впервые на первом месте оказалась доставка продуктов из магазинов и готовой еды из общепита, их доля составила 16,9% от всех онлайн-покупок. Таким образом, доля онлайн-продаж от оборота розничной торговли в России в 2024 году равнялась 20,6%⁸. Этот факт демонстрирует внушительное положительное влияние ЭТ на оценку доступности товаров для потребителей, а также повышает удовлетворенность опытом покупки. Однако необходимо отметить, что, несмотря на быстрое развитие и экспансию электронных сервисов и маркетплейсов в регионы, данный вывод нельзя перенести на небольшие населенные пункты, удаленные от крупнейших городов региона, потому что жители многих из них имеют огра-

Как повлияло появление и развитие электронной торговли на вашу удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса? (700 ответов)



Рис. 2. Влияние электронной коммерции на удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса, % от числа ответивших

Составлено по: результаты опроса.

⁸ Российский рынок онлайн-шопинга в 2024 году вырос почти вдвое и достиг 9 трлн руб. URL: <https://www.dk.ru/news/237217814> (дата обращения 18.10.2024).

Как повлияло появление и развитие электронной торговли на вашу удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования? (700 ответов)

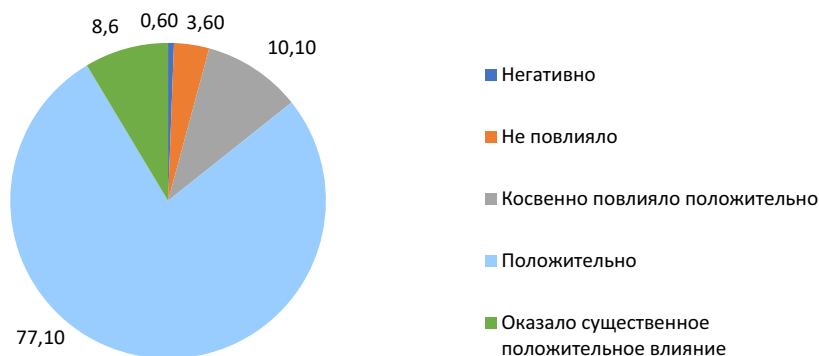


Рис. 3. Влияние электронной коммерции на удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования, % от числа ответивших

Составлено по: результаты опроса.

нические возможности пользования ЭТ из-за плохой доступности интернета (Советова, 2021), низкой рыночной привлекательности малых населенных пунктов и недостаточного уровня цифровых навыков (Асеева, 2023).

Покупка онлайн дает потребителю возможность сравнить цены, выбрать товары из гораздо более широкого их ассортимента, чем офлайн; не тратить время на поездки по магазинам, получить подробную информацию о товаре и ознакомиться с отзывами, пользоваться бесплатной доставкой. Все это повышает удовлетворенность опытом покупки повседневных товаров и товаров длительного пользования.

Еще одним показателем КЖН, на который ЭТ оказывает существенное положительное влияние, является удовлетворенность качеством и выбором объектов общественного питания (рис. 4).

ЭТ предоставила потребителям большой выбор объектов общественного питания для заказа готовой еды, который был не доступен в офлайн-формате. Данный факт положительно сказывается на оценке удовлетворенности качеством и выбором объектов общественного питания. Только с 2019 по 2021 год количество интернет-покупателей выросло с 50,1 до 64,8 млн чел., что способствовало росту популярности онлайн-

Оцените влияние сервисов электронной торговли на вашу удовлетворенность выбором объектов общественного питания (698 ответов)

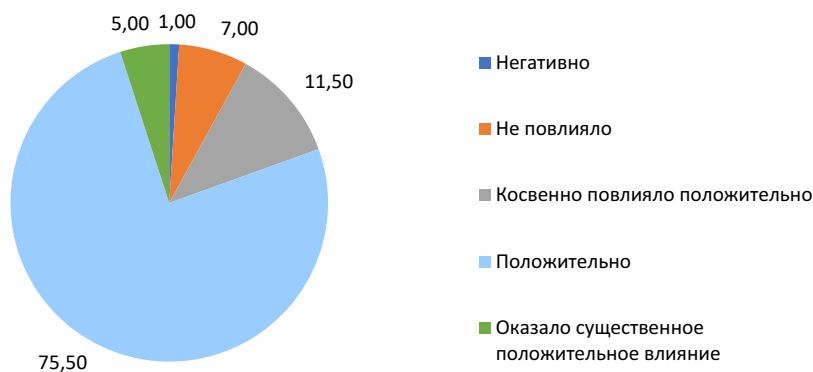


Рис. 4. Влияние электронной коммерции на удовлетворенность качеством и выбором объектов общественного питания, % от числа ответивших

Составлено по: результаты опроса.

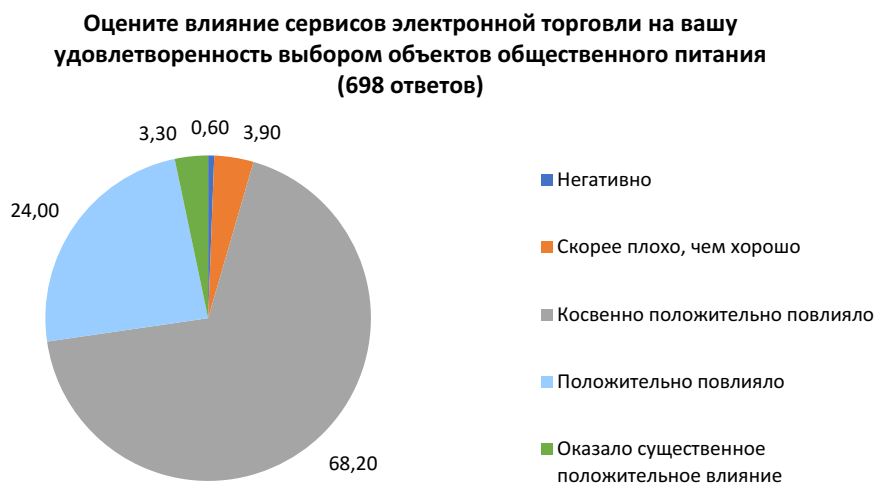


Рис. 5. Влияние электронной коммерции на возможности для открытия бизнеса в регионе, % от числа ответивших

Составлено по: результаты опроса.

заказа готовой еды. Удобство оформления заказа, быстрая доставка и широкий выбор объектов общественного питания (кафе и ресторанов) сделали услугу онлайн-заказа готовой еды доступной, а автоматизация процессов за счет сервисов ЭК повысила качество оказываемой услуги (Скоробогатов, Минченко, 2023). Однако существуют риски и ограничения, связанные с использованием сервисов ЭК. Важнейшими из них являются кибермошенничество и утечка личных данных.

В меньшей мере относительно вышеперечисленных показателей, но все же положительным образом, согласно результатам опроса, ЭТ влияет на сферу жизни «Возможности для работы и своего дела», в частности на показатель КЖН «возможность для открытия бизнеса в регионе» (рис. 5).

Положительное влияние ЭК на возможность открытия бизнеса в регионе обусловлено легким и быстрым стартом, небольшими инвестициями в открытие бизнеса, а также широким охватом клиентской аудитории и возможностями масштабирования.

Популярность маркетплейсов, которые занимают четверть объема рынка ЭК в России (Бессонова, 2022), стала еще более весомым фактором для открытия бизнеса, поскольку такие электронные площадки дают возможность малому бизнесу конкурировать с крупными игроками и получать доступ к широкой аудитории. Маркетплейсы и цифровые площадки становятся одним из ключевых инструментов в решении государственных задач по развитию малого и среднего бизнеса в регионах, так как позволяют снизить нагрузку на производителей по реализации продукции и обеспечивают права и безопасность потребителей⁹.

Например, в Свердловской области созданы благоприятные условия для открытия электронного бизнеса. Область вошла в тройку лидеров по развитию ИТ-отрасли в России¹⁰, заняла 6 место в рейтинге цифровой трансформации регионов РФ¹¹. Не случайно, по результатам опроса, положительное влияние ЭТ на возможность открытия бизнеса в регионе отметили большинство респондентов (см. рис. 5).

⁹ Маркетплейсы станут инструментом развития малого и среднего бизнеса. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5be648587a8aa936b7799375> (дата обращения 19.09.2024).

¹⁰ Свердловская область вошла в тройку лидеров по развитию ИТ-отрасли в России. URL: <https://tagilcity.ru/news/2023-07-25/sverdlovskaya-oblast-voshla-v-troyku-liderov-po-razvitiyu-it-otrasli-v-rossii-2990692> (дата обращения 21.12.2024).

¹¹ Свердловская область заняла 6-е место из 88 в рейтинге цифровой трансформации регионов РФ. URL: <https://www.dk.ru/news/237216991> (дата обращения 21.12.2024).

Таблица 3. Влияние электронной торговли на объективные показатели КЖН

Сфера жизни	Показатель КЖН	Влияние электронной торговли
Потребление и досуг	Доля населения, находящегося в пределах 15-минутной пешей доступности от продуктового магазина	В РФ работает более 1000 даркстортов ¹⁾ , которые покрывают экспресс-доставкой около 70% территорий городов ²⁾ . По данным ежемесячного бюллетеня e-grocery Data Insight, в июле 2024 года сервисы доставки продуктов выполнили 61,8 млн заказов, что на 31% больше, чем в июле 2023 ³⁾
	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте	По данным Госстата, в 2022 и 2023 гг. этот показатель составлял 9 и 8,3% соответственно ⁴⁾ . В апреле 2022 года 14,7% населения в возрасте от 18 до 72 лет имели опыт работы в онлайн-сервисах и маркетплейсах (Синявская и др., 2022)
	Реальные среднедушевые денежные доходы населения	По данным Госстата, в 2022 и 2023 гг. среднедушевые доходы населения РФ составили 36185 и 40120 руб. соответственно ⁵⁾ . Конкуренция между стейкхолдерами рынка онлайн-ритейла усиливается, в погоне за долей рынка его участники осуществляют демпинг ценовых предложений, что сказывается на индексе потребительских цен (Углов, 2024)
Инклюзивность и равенство	Доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе обязательного страхования	По данным Госстата, в 2022 и 2023 гг. доля работающих инвалидов составила 13,8 и 14,5% соответственно ⁶⁾ . Четверть инвалидов трудоспособного возраста трудоустроены, большая часть из них имеет платформенную занятость ⁷⁾
Возможности для работы и своего дела	Уровень занятости населения	По данным Госстата, в 2022 и 2023 гг. уровень занятости населения РФ составляет 65,2 и 66,3% соответственно ⁸⁾ . 33,1% трудоспособного населения оказывают услуги с помощью цифровых платформ и онлайн-сервисов (Синявская и др., 2022)
	Средняя продолжительность поиска работы безработными	По данным Госстата, в 2022 и 2023 гг. средняя продолжительность поиска работы безработными женщинами составила 6,3 мес., мужчинами – 6,1 мес. ⁹⁾ К 2030 году дефицит кадров в электронной торговле достигнет 4 млн чел. ¹⁰⁾
	Отношение средней численности работников малых и средних предприятий (включая ИП и самозанятых) к числу занятых	По данным ФНС, по состоянию на 10.01.2024 количество работников малых и средних предприятий – 15,08 млн чел. ¹¹⁾ , что составляет 20,5% от числа всех занятых ¹²⁾ . Развитие онлайн-торговли привело к появлению 9 млн самозанятых граждан (Синявская и др., 2022). Количество продавцов (ООО, ИП) на маркетплейсах оценивается в 700 тыс. чел. ¹³⁾

¹⁾ Партнеров зовут на темную сторону. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453066> (дата обращения 19.06.2024).
²⁾ «Самокат» обогнал западных партнеров по числу даркстортов. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/437911-samokat-operedil-zapadnyh-konkurentov-po-chislu-darkstorov?ysclid=lvn4gn37lq752676851> (дата обращения 19.06.2024).
³⁾ Как привлечь поставщиков на рынке e-grocery. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2024/12/06/1079510-privlech-postavschikov> (дата обращения 20.02.2025).
⁴⁾ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения 06.02.2025).
⁵⁾ Там же.
⁶⁾ Там же.
⁷⁾ Названы отрасли, лидирующие по занятости граждан с инвалидностью. URL: <https://rg.ru/2023/06/15/nazvany-otrasli-lidiruiushchie-po-zaniatosti-grazhdan-s-invalidnostiu.html?ysclid=lvn70zkd7c913135805> (дата обращения 19.06.2024).
⁸⁾ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения 06.02.2025).
⁹⁾ Там же.
¹⁰⁾ Как маркетплейсы меняют бизнес и рынок труда. URL: <https://marketmedia.ru/media-content/kak-marketpleysy-menyayut-biznes-i-rynok-truda/?ysclid=lxuj7dukh8989215756> (дата обращения 19.06.2024).
¹¹⁾ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения 06.02.2025).
¹²⁾ Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?ysclid=m6t2etga4h951670587> (дата обращения 06.02.2025).
¹³⁾ Количество продавцов на Wildberries и Ozon к концу года вырастет в полтора раза. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/508059-kolicestvo-prodavcov-na-wildberries-i-ozon-k-koncu-goda-vyrastet-v-poltora-raza> (дата обращения 19.06.2024).

Таким образом, исследование влияния ЭТ на КЖН с помощью оценки нескольких субъективных показателей позволило получить данные о существенном положительном ее влиянии на сферу жизни «Потребление и досуг», а также возрастающем влиянии на сферу жизни «Возможности для работы и своего дела».

Обоснование влияния ЭК на объективные показатели КЖН, выделенные экспертами, представлено в *табл. 3*.

Результаты анализа объективных показателей КЖН (см. *табл. 3*) свидетельствуют, что ЭТ наиболее заметно влияет на сферу жизни «Потребление и досуг». Показатель доли населения, находящегося в 15-минутной доступности до продуктового магазина, учитывает количество офлайн-магазинов посредством геоаналитики. Но появление сервисов экспресс доставки, таких как «Самокат», «Яндекс.Лавка», «Вкусвилл» и др., которые доставляют продукты за 15 минут, существенно изменяет этот показатель. Данные о количестве заказов на экспресс-доставку продуктов и динамике их роста (см. *табл. 3*) свидетельствуют об увеличении доли населения, которая может приобрести продукты быстрее, чем из магазина в пределах 15-минутной пешей доступности. Такая ситуация характерна для многих регионов. По данным 2ГИС, в Екатеринбурге на два крупнейших сервиса экспресс-доставки «Самокат» и «Яндекс.Лавка» открыт 71 даркстор¹². Согласно исследованию резидента Сколково «Даркстор у дома», проведенному на основе опроса в январе – апреле 2024 года, доставка продуктов и готовой еды была востребована у 74% респондентов¹³.

Данные о том, что еще в апреле 2022 года 14,7% населения в возрасте от 18 до 72 лет имели опыт работы в онлайн-сервисах и маркетплейсах (Синявская и др., 2022), являются хотя и опосредствованным, но убедительным показателем того, что ЭТ, безусловно, способствует снижению доли

населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, т. к. развитие онлайн-сервисов, служб доставки и маркетплейсов в регионе повышает доступность трудоустройства. При этом важно учитывать, что заработные платы на работах в онлайн-сервисах и маркетплейсах регулярно повышаются, что оказывает положительное влияние на оценку гражданами уровня своего дохода (Синявская и др., 2022).

Взрывной рост ЭТ, обострившаяся конкуренция спровоцировали дефицит кадров и увеличение заработных плат до уровня выше среднерыночной. Наиболее дефицитные кадры – это курьеры, комплектовщики, грузчики и IT-специалисты. Повышение доходов у этих сотрудников положительно влияет на показатель уровня дохода населения в целом. Конкуренция между стейкхолдерами рынка онлайн-ритейла усиливается, в погоне за долей рынка его участники осуществляют демпинг ценовых предложений, что сказывается на индексе потребительских цен (Углов, 2024). Этим обусловлено положительное влияние ЭТ на покупательскую способность населения, а также на показатели реальных денежных доходов.

Благодаря росту вакансий платформенной занятости и ЭТ наблюдается положительная динамика показателей занятости инвалидов трудоспособного возраста. Например, уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста повысился с 15,9% в 2015 году до 19,8% в 2023 году; уровень безработицы снизился с 22,3% в 2015 году до 18,7% в 2023 году. Среди работающих инвалидов по состоянию на 01.01.2024 преобладает доля занятых в сфере оптовой и розничной торговли, в том числе ЭТ – 11,1%. Появление онлайн-сервисов и развитие ЭТ способствовали трудоустройству людей с ограниченными физическими возможностями, допуская работу из дома. Кроме того, ЭТ играет решающую роль в повышении доступности сферы услуг и товаров первой

¹² Количество дарксторов Самокат и Яндекс.Лавка в Екатеринбурге. URL: <https://2gis.ru/ekaterinburg/branches/70000001048213554?m=60.61642%2C56.839882%2F10.7> (дата обращения 19.02.2025).

¹³ Траты россиян на онлайн-заказ готовой еды и продуктов выросли на 25% с начала года. URL: <https://www.sostav.ru/publication/opros-darkstor-u-doma-67661.html?ysclid=m7d2hyq02940217968> (дата обращения 20.02.2025).

необходимости для инвалидов и маломобильных людей, что крайне важно для оценки их качества жизни. Этот показатель пока не учитывается в рейтинге АСИ при расчете КЖН в сфере «Инклюзивность и равенство». В целом развитие ЭТ положительно влияет на показатель КЖН «Доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе обязательного страхования»¹⁴.

Данные исследования Института социальной политики НИУ ВШЭ, проведенного в 2022 году, показали, что около трети (33,1%) трудоспособного населения оказывает услуги с помощью цифровых платформ и онлайн-сервисов (Синявская и др., 2022). Платформенная занятость открывает большое количество вакансий для населения. Учитывая, что занятость в цифровой экономике¹⁵, в том числе на онлайн-платформах¹⁶, является быстрорастущей формой занятости¹⁷ разных категорий населения¹⁸, можно уверенно утверждать, что ЭТ оказывает существенное положительное влияние на показатель уровня занятости населения городов с высоким уровнем проникновения сервисов ЭТ.

Прямые данные о влиянии ЭК на показатель «средняя продолжительность поиска

работы безработными» отсутствуют. Однако опосредствованные данные об открытых и заполненных вакансиях в сфере ЭТ и прогнозные расчеты о том, что к 2030 году дефицит кадров в ЭТ достигнет 4 млн чел.¹⁹, позволяют предполагать, что этот показатель также улучшается благодаря процессам цифровизации в сфере «Возможности для работы и своего дела».

По данным информационного агентства ТАСС, как минимум 50% предпринимателей заняты в сфере электронной коммерции²⁰. Популярность ЭТ привела к бурному росту количества самозанятых (именно такой формат трудовых взаимоотношений между онлайн-сервисами и линейным персоналом превалирует в платформенной занятости), а число продавцов на маркетплейсах измеряется сотнями тысяч. По данным ФНС, по состоянию на 10.01.2024 в малых и средних предприятиях работало 15,08 млн чел.²¹, т. е. 20,5% от числа всех занятых²². Значительная часть из них (около 9 млн самозанятых граждан) появилась благодаря развитию онлайн-торговли (Синявская и др., 2022). Кроме того, количество продавцов (ООО, ИП) на маркетплейсах оценивалось в 700 тыс. чел.²³ Эти статистические данные убедительно говорят о том, что значение

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 2401-р. URL: <http://government.ru/docs/all/155143/?page=2> (дата обращения 17.03.2025).

¹⁵ Партнеров зовут на темную сторону. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453066> (дата обращения 19.06.2024).

¹⁶ «Самокат» обогнал западных партнеров по числу дарксторгов. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/437911-samokat-operedil-zapadnyh-konkurentov-po-chislu-darkstorov?ysclid=lvma4gn37lq752676851> (дата обращения 19.06.2024).

¹⁷ Названы отрасли, лидирующие по занятости граждан с инвалидностью. URL: <https://rg.ru/2023/06/15/nazvany-otrasli-lidiruiushchie-po-zaniatosti-grazhdan-s-invalidnostiu.html?ysclid=lvma70zkd7c913135805> (дата обращения 19.06.2024).

¹⁸ Как привлечь поставщиков на рынке e-grocery. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2024/12/06/1079510-privlech-postavschikov> (дата обращения 20.02.2025).

¹⁹ Как маркетплейсы меняют бизнес и рынок труда. URL: <https://marketmedia.ru/media-content/kak-marketpleysy-menyayut-biznes-i-rynok-truda/?ysclid=lxuj7dux8989215756> (дата обращения 19.06.2024).

²⁰ Доля занятых онлайн-торговлей бизнесменов в РФ выросла до 50%. URL: <https://tass.ru/msp/8302043?ysclid=lvma43unx0512324660> (дата обращения 20.06.2024).

²¹ Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?ysclid=m6t2etga4h951670587> (дата обращения 06.02.2025).

²² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения 06.02.2025).

²³ Количество продавцов на Wildberries и Ozon к концу года вырастет в полтора раза. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/508059-kolicestvo-prodavcov-na-wildberries-i-ozon-k-koncu-goda-vyrastet-v-poltora-raza> (дата обращения 19.06.2024).

показателя «отношение средней численности работников малых и средних предприятий (включая ИП и самозанятых) к числу занятых» в последние годы увеличилось в основном благодаря ЭК.

Несмотря на то, что Уральский федеральный округ является промышленным, с крупными предприятиями, на которых трудоустроена большая часть жителей региона, за последние годы наблюдается устойчивая тенденция к росту малого и среднего бизнеса. Так, за период с 10.01.2022 по 10.01.2025 количество малых и средних предприятий увеличилось на 46,6 тыс. По состоянию на 10.01.2025, по данным ФНС, в УрФО числится 541,3 тыс. малых и средних предприятий (ИП и ЮЛ), на которых трудоустроено 1,27 млн чел.²⁴ Такая тенденция к росту малого и среднего бизнеса в регионе связана с развитием ЭК.

Основные выводы

В целом результаты исследования показывают, что ЭК становится значимым фактором повышения КЖН в трех сферах жизни: потребление и досуг; инклюзивность и равенство; возможности для работы и своего дела. При этом ее положительное влияние с каждым годом возрастает и непосредственно отражается в следующих субъективных показателях КЖН, используемых в рейтинге АСИ:

- удовлетворенность опытом покупки товаров повседневного спроса;
- удовлетворенность опытом покупки товаров длительного пользования;
- оценка удовлетворенности качеством и выбором объектов общественного питания;
- оценка доступности товаров длительного потребления;
- оценка уровня своего дохода;
- доля предпринимателей, имеющих/готовящихся открыть свой бизнес, в общем количестве респондентов;
- оценка людьми наличия возможностей для открытия бизнеса в регионе.

Вместе с тем установлено опосредствованное влияние ЭТ на ряд объективных показателей из модели АСИ:

- доля населения в пределах 15-минутной пешей доступности от продуктового магазина;
- доля населения с денежными доходами ниже установленной величины прожиточного минимума;
- реальные среднедушевые денежные доходы населения;
- уровень занятости населения;
- доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе обязательного страхования;
- средняя продолжительность поиска работы безработными;
- отношение среднесписочной численности работников малых и средних предприятий (включая ИП и самозанятых) к числу занятых.

Для оценки влияния ЭТ на указанные объективные показатели необходимо использовать анализ дополнительных характеристик качества жизни людей, таких как «доступность трудоустройства», «востребованность новых видов трудовой деятельности», «география новых видов трудовой деятельности», «динамика роста востребованности новых видов трудовой деятельности», «рост заработных плат в новых видах трудовой деятельности», «покупательская способность населения», «индекс потребительских цен», «доступность сферы услуг и товаров первой необходимости для инвалидов и маломобильных людей» и некоторые другие, пока не используемые в показателях рейтинга КЖН. Из этого следует, что в модели АСИ недостаточно показателей для того, чтобы в полной мере учитывать влияние такого быстроразвивающегося фактора, как ЭТ, на качество жизни людей. Контент-анализ показателей КЖН в других моделях (РИА Рейтинг, Национальные кредитные рейтинги, ОЭСР, Индекс условий цифрового благополучия) позволяет сделать аналогичный вывод о том, что их недостаточно для

²⁴ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://ofd.nalog.ru/?ysclid=mb01f6r122971588802> (дата обращения 16.02.2025).

мониторинга влияния данного цифрового фактора на качество жизни населения.

Очевидно, что ЭК в последние годы стала ведущим фактором по динамике роста влияния на КЖН крупнейших городов, поэтому актуализируется задача расширения и оптимизации его показателей. Это необходимо, чтобы полнее и точнее учитывать влияние цифровых технологий на разные сферы жизни населения, а также регулировать и расширять их возможности, используя данные об экономических, социальных, культурных и других особенностях разных регионов страны.

Заключение

Таким образом, выявлено, что процесс цифровизации активно влияет на все сферы жизнедеятельности людей и с каждым годом становится все более значимым фактором повышения качества жизни населения. Результаты проведенного исследования на репрезентативной выборке жителей г. Екатеринбурга подтвердили гипотезу о влиянии ЭК на три из десяти сфер жизни людей, по 14 показателям, которые используются в модели АСИ. Полученные эмпирические данные субъективных показателей и результаты анализа объективных показателей убедительно свидетельствуют о положительном влиянии ЭТ на КЖН крупнейшего города Уральского региона в следующих сферах жизнедеятельности: потребление и досуг; инклюзивность и равенство; возможности для работы и своего дела, которые применяются при интегральной оценке качества жизни населения. Можно предположить, что полученные результаты исследования могут относиться и к другим крупнейшим городам и агломерационным зонам, где развиты маркетплейсы, услуги доставки и платформенная занятость населения. Результаты проведенного исследования

расширяют информационную базу о влиянии ЭТ на КЖН за счет полученных данных опроса жителей Екатеринбурга.

В исследовании выделены субъективные показатели, которые позволяют прямо оценивать влияние ЭТ на КЖН, и объективные показатели, влияние которых обосновано через анализ дополнительных показателей. Необходимость использовать дополнительные показатели для оценки влияния ЭТ на КЖН свидетельствует о том, что наиболее распространенная система его изучения (рейтинг АСИ) не учитывает процессы цифровизации как активного фактора уровня жизни людей в крупнейших городах и агломерационных зонах.

Анализ показателей КЖН в других моделях рейтинговых агентств также говорит о том, что они не учитывают влияние ЭТ, и поэтому не могут в полной мере отразить диапазон и степень влияния ЭК на все сферы жизнедеятельности человека. В связи с этим необходимы дополнительные исследования ее прямого и опосредствованного влияния на КЖН, которые позволят найти и обосновать новые показатели.

Обобщающий анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что, учитывая установленную степень влияния ЭТ на целый ряд показателей, можно предположить, что получаемые агентствами результаты оценки КЖН оказываются в той или иной мере искаженными. Для более полной и точной оценки КЖН необходимы новые дополнительные показатели, которые непосредственно отражают влияние ЭК на три сферы жизни людей, названные выше. Кроме того, развитие ЭК может расширить ее влияние на другие сферы жизнедеятельности, что также необходимо отслеживать. Для определения новых дополнительных показателей и конкретизации их формулировок необходимы специальные исследования, которые входят в планы авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеева И.А. (2023). Цифровое благополучие общества: междисциплинарный подход // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 71. С. 138–148. DOI: 10.17223/1998863X/71/14
- Бессонова Е.И. (2022). Интернет-торговля как фактор развития бизнеса // Молодой ученый. № 37 (432). С. 31–35.

- Дамдинова О.Г. (2024). Исследование факторов, влияющих на качество жизни населения в регионах России // Молодой ученый. № 24 (523). С. 242–245.
- Димитрова О.П. (2020). К вопросу о понятии и сущности электронной торговли // Шаг в науку. № 3. С. 81–83.
- Ибрагимова Л.А., Хусаинова А.Н. (2015). Влияние розничной торговли на качество жизни покупателей // Вестник ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова. Т. 18. № 4 (68). С. 24–26.
- Камалова П.М. (2015). Факторы формирования системы качества жизни населения в регионе // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. № 24. С. 77–84.
- Капкаев Ю.Ш., Добровольский И.П. (2015). Влияние факторов социально-экономической среды на уровень жизни населения // Вестник Челябинского гос. ун-та. Экономика. Вып. 49. № 11 (366). С. 56–63.
- Круглов Д.В., Амельченко Е.Н. (2023). Взаимосвязь цифровизации и качество жизни населения // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 11 (3). С. 427–431.
- Ляховенко О.И. (2022). Национальный рейтинг качества жизни в России: проблемы концептуализации и методики формирования (политологический анализ) // Теории и проблемы политических исследований. Т. 1. № 1А. С. 77–91.
- Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. (2023). Развитие исследований качества жизни населения Северо-Запада на основе применения методологии экономики качества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2 (73). С. 81–89.
- Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. (2023). Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // Вопросы управления. Т. 17. № 3. С. 5–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-3-5-18
- Пыстогова Е.А. (2016). Факторы качества жизни населения регионов России: социальное картирование // Уровень жизни населения регионов России. № 3 (201). С. 137–146.
- Саламатов А.А. (2022). Экосистемный базис методического инструментария оценки качества жизни населения региона // Вестник Челябинского гос. ун-та. № 6 (464). С. 42–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10605
- Синявская О.С., Бирюкова С.С., Горват Е.С. [и др.] (2022). Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия. URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf?ysclid=lxug6uglpj746836723 (дата обращения 02.06.2024).
- Скоробогатов М.В., Минченко Л.В. (2023). Внедрение инструментов цифровизации в сфере общественного питания // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. № 1. С. 108–116. DOI: 10.17586/2310-1172-2023-16-1-108-116
- Советова Н.П. (2021). Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7
- Теске Г.П., Радиловская Т.Ю. (2020). Особенности методов исследования качества жизни населения региона // Вестник Челябинского гос. ун-та. Экономические науки. Вып. 68. № 2 (436). С. 145–152. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10214
- Углов Д.А. (2024). Взаимное влияние трансформации потребительского поведения и развития онлайн-ритейла // Креативная экономика. Т. 18. № 1. С. 245–266. DOI: 10.18334/ce.18.1.120223
- Уянаева Х.Б. (2020). Концептуальный анализ факторов формирующих архитектуру качества жизни населения региона // Естественно-гуманитарные исследования. № 29 (3). С. 363–368.
- Холодкова К.С. (2013). Анализ рынка электронной коммерции в России // Современные научные исследования и инновации. № 10. С. 2.
- Amichai-Hamburger Y., Furnham A. (2007). The positive net. *Computers in Human Behavior*, 23 (2), 1033–1045. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.08.008> (accessed 18.12.2024).

- Anselin L. (2002). Mapping and analysis for spatial social science. *Center for Spatially Integrated Social Science*. Available at: [anselin_aaa.pdf](#) (accessed 23.12.2024).
- Biagia B., Ladub M.G., Meleddub M. (2018). Urban quality of life and capabilities: An experimental study. *Ecological Economics*, 150, 137–152. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.011> (accessed 25.11.2024).
- Boyer J. (2020). Toward an evolutionary and sustainability perspective of the innovation ecosystem: Revisiting the panarchy model. *Sustainability*, 12 (8), 3232.
- Büchi M. (2021). Digital well-being theory and research. *New Media & Society*, 26, 172–189. Available at: <https://doi.org/10.1177/14614448211056851> (accessed 25.11.2024).
- Chen Jian (2012). Exploring online retailing strategies: Case studies of leading firms in the US and China. *Massachusetts Institute of Technology*. Available at: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/72867> (accessed 06.05.2025).
- Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., Streimikis J. (2020). Interdependence of quality of life and happiness of the population in Southeast European Countries. *Montenegrin Journal of Economics*, 26 (4), 7–15. Available at: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1> (accessed 18.12.2024).
- Rymarczyk J. (2021). The impact of industrial revolution 4.0 on international trade. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 9 (1), 105–117. DOI: <https://doi.org/10.15678/EBER.2021.090107> (accessed 20.12.2024).
- Zubarevich N.V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000–2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3 (1), 63–74. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376> (accessed 26.12.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Петрович Исаев – доктор экономических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: ap_isaev@mail.ru)

Дмитрий Алексеевич Углов – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: ygllov@mail.ru)

Isaev A.P., Uglov D.A.

E-COMMERCE IMPACT ON THE QUALITY OF LIFE OF THE LARGEST CITY IN THE URALS REGION

The relevance of the study is explained by the need to assess the impact of rapidly developing processes of the economy digitalization on the quality of life to understand its positive and restrictive sides. The purpose of the work is to assess the impact of e-commerce on the quality of life of the largest city and to determine the indicators of this impact. We obtained the main results by analyzing the data of Rosstat, scientific publications, population survey, and expert interviews. The article considers the concept of quality of life as an economic category and analyzes the existing practices of its assessment in Russia. The results of the empirical study allowed determining how e-commerce affects the quality of life. The paper justified and confirmed the hypothesis that the development of e-commerce has a positive impact on the quality of life in certain spheres of life based on the obtained data. We formulate the main conclusions and give a qualitative assessment of the impact of e-commerce development on the quality of life of a city with millions of inhabitants, which may be of interest to the scientific community, government and regional management structures, as well as

participants of the e-commerce market. The scientific novelty of the article lies in the identification of specific indicators that reflect the impact of e-commerce on the quality of life and the limitations of the existing list of indicators that do not allow fully assessing this impact. The empirical results of the research conducted in Yekaterinburg contribute to the expansion of the information base on the impact of e-commerce on the quality of life.

Quality of life, e-commerce, digital economy, sphere of life, e-commerce, indicators of the quality of life.

REFERENCES

- Amichai-Hamburger Y., Furnham A. (2007). The positive net. *Computers in Human Behavior*, 23(2), 1033–1045. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.08.008> (accessed: 18.12.24).
- Anselin L. (2002). Mapping and analysis for spatial social science. *Center for Spatially Integrated Social Science*. Available at: [anselin_aaa.pdf](#) (accessed: 23.12.24)
- Aseeva I. A. (2023). Digital public well-being: An interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 71, 138–148. DOI: 10.17223/1998863X/71/14 (in Russian).
- Bessonova E.I. (2022). Internet commerce as a factor of business development. *Molodoi uchenyi*, 37(432), 31–35 (in Russian).
- Biagia B., Ladub M. G., Meleddub M. (2018). Urban quality of life and capabilities: An experimental study. *Ecological Economics*, 150, 137–152. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.011> (accessed: 25.11.24)
- Boyer J. (2020). Toward an evolutionary and sustainability perspective of the innovation ecosystem: Revisiting the panarchy model. *Sustainability*, 12(8), 3232.
- Büchi M. (2021). Digital well-being theory and research. *New Media & Society*, 26, 172–189. Available at: <https://doi.org/10.1177/14614448211056851> (accessed: 25.11.24)
- Chen Jian (2012). Exploring online retailing strategies: Case studies of leading firms in the US and China. *Massachusetts Institute of Technology*. Available at: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/72867> (accessed 06.05.25)
- Damdinova O.G. (2024). Study of factors affecting the quality of life of the population in Russian regions. *Molodoi uchenyi*, 24(523), 242–245 (in Russian).
- Dimitrova O.P. (2020). On the concept and essence of electronic commerce. *Shag v nauku*, 3, 81–83 (in Russian).
- Ibragimova L.A., Khusainova A.N. (2015). The impact of retailing on the quality of life of customers. *Vestnik IZhGTU imeni M.T. Kalashnikova*, 18, 4(68), 24–26 (in Russian).
- Kamalova P.M. (2015). Factors of formation of the system of the quality of life of the population in the region. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya*, 24, 77–84 (in Russian).
- Kapkaev Yu.Sh., Dobvol'skii I.P. (2015). Influence of socio-economic environment factors on the living standards of the population. *Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 49, 11(366), 56–63 (in Russian).
- Kholodkova K.S. (2013). Analysis of the e-commerce market in Russia. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, 10, 2 (in Russian).
- Kruglov D.V., Amel'chenko E.N. (2023). The relationship between digitalization and the quality of life of the population. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 11–3, 427–431 (in Russian).
- Lyakhovenko O.I. (2022). National rating of the quality of life in Russia: Problems of conceptualization and methods of formation (political science analysis). *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 1(1A), 77–91 (in Russian).

- Okrepilov V.V., Gagulina N.L. (2023). Development of research on the quality of life of the population of the North-West based on the application of quality economics methodology. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 2(73), 81–89 (in Russian).
- Pastukhova E.Ya., Bel'chik T.A., Kochneva O.P. (2023). Monetary incomes, poverty and consumer expenditures in the regions: Long-term trends and impact factors. *Voprosy upravleniya*, 17(3), 5–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-3-5-18 (in Russian).
- Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., Streimikis J. (2020). Interdependence of quality of life and happiness of the population in southeast European countries. *Montenegrin Journal of Economics*, 26(4), 7–15. Available at: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1> (accessed: 18.12.24)
- Pystogova E.A. (2016). Life quality factors of Russia's regions population: Social mapping. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 3(201), 137–146 (in Russian).
- Rymarczyk J. (2021). The impact of industrial revolution 4.0 on international trade. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 9(1), 105–117. DOI: <https://doi.org/10.15678/EBER.2021.090107> (accessed: 20.12.24)
- Salamatov A.A. (2022). Ecosystem basis of methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region. *Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(464), 42–51. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10605 (in Russian).
- Sinyavskaya O.S., Biryukova S.S., Gorvat E.S., Kareva D.E., Stuzhuk D.A., Chertenkov K.O. (2022). Platform employment in Russia: Scale, motives and barriers to participation. Available at: https://www.hse.ru/data/2022/07/26/1616950951/NCMU_Platform_Employment_Report_2022.pdf?ysclid=lxug6uglpj746836723 (accessed: 02.06.2024; in Russian).
- Skorobogatov M.V., Minchenko L.V. (2023). Introduction of digitalization tools in the field of public catering. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i Ekologicheskii menedzhment"*, 1, 108–116. DOI: 10.17586/2310-1172-2023-16-1-108-116 (in Russian).
- Sovetova N.P. (2021). Rural territories' digitalization: From theory to practice. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7 (in Russian).
- Teske G.P., Radilovskaya T.Yu. (2020). Qualitative methods in research of quality of life of the population of the region. *Vestnik chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki=Bulletin of Chelyabinsk State University. Economic Sciences*, 68, 2(436), 145–152. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10214 (in Russian).
- Uglov D.A. (2024). The mutual impact of changing consumer behavior transformation and the development of online retail. *Kreativnaya ekonomika=Creative Economy*, 18(1), 245–266. DOI: 10.18334/ce.18.1.120223 (in Russian).
- Uyanaeva Kh.B. (2020). Conceptual analysis of factors shaping the architecture of the quality of life of the population of the region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 29(3), 363–368 (in Russian).
- Zubarevich N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000–2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376> (accessed: 26.12.24).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr P. Isaev – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: ap_isaev@mail.ru)

Dmitrii A. Uglov – Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: yglov@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.7

УДК 366.1 | ББК 51

© Калашников К.Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ГРУПП В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД



КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: [0000-0001-9558-3584](https://orcid.org/0000-0001-9558-3584); ResearcherID: [I-9519-2016](https://orcid.org/I-9519-2016)

Цель исследования – анализ динамики потребления населением России важнейших продовольственных групп в постсоветский период. В статье используются как данные официальной статистики, отражающие объемы потребления основных видов продуктов питания за анализируемые годы, так и результаты социологического опроса населения одного из регионов Северо-Западного федерального округа – Вологодской области, что позволяет выявить ключевые практики питания. Установлено, что в течение периода с середины 1990-х гг. до нашего времени, несмотря на значительные трансформации в политической, социальной и хозяйственной сферах, не отмечается существенных изменений в калорийности питания жителей страны, тогда как питательная ценность потребляемых продуктов, прежде всего выражающаяся в содержании белка, демонстрирует заметный рост. Это свидетельствует о том, что в сложных экономических условиях 1990-х гг. стремление сохранить должный уровень энергетической ценности питания сопровождалось нарушением его структуры в пользу потребления продуктов с высоким содержанием углеводов. В ходе дальнейшего и более подробного анализа потребления были выявлены позитивные изменения ситуации в стране, связанные с ростом потребления мясо- и рыбопродуктов, а также фруктов и овощей, снижением потребления сахара. Вместе с тем актуальность сохраняет отставание уровня потребления важнейших продуктов питания от рекомендуемых Минздравом РФ норм. Это не позволяет оценить структуру потребления продуктов питания в России как сбалансированную, требует дополнительного внимания к

Для цитирования: Калашников К.Н. (2025). Трансформация потребления базовых продовольственных групп в России в постсоветский период // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 113–130. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.7

For citation: Kalashnikov K.N. (2025). Transformation of consumption of basic food groups in Russia in the post-Soviet period. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 113–130. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.7

этим вопросам со стороны органов власти всех уровней. Практическая значимость полученных результатов состоит в выявлении важных изменений в структуре потребления жителей России в аспекте региональных особенностей и различий, что представляет прикладную ценность и может быть использовано в совершенствовании региональной политики в ряде сфер, включая продовольственную безопасность и охрану общественного здоровья.

Структура питания, продукты питания, рациональные нормы потребления, субъекты РФ, Вологодская область.

Введение

Экономическое развитие тесно связано с качеством продовольственного снабжения: рост общественного благосостояния, как правило, приводит к улучшению рациона питания населения, к положительным изменениям в производстве, переработке, распределении и маркетинге продуктов питания. Однако в отдельных аспектах эта связь не всегда столь однозначна. Например, роль урбанизации в изменении характера и структуры питания чрезвычайно противоречива. Для страны обеспечение достаточного уровня и качества потребления продуктов питания имеет большое социально-экономическое значение. Во-первых, это затрагивает ряд стратегических проблем, прежде всего продовольственной безопасности и конкурентоспособности страны на международной арене. Продовольственная безопасность предполагает продовольственную независимость государства посредством гарантирования физической и экономической доступности для каждого гражданина пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни. Во-вторых, пища, ее продуктовый состав, режим и характер потребления представляют важнейший фактор индивидуального и общественного здоровья и культуры, отражающий социокультурный облик жителей стран и регионов¹. На современном этапе цивилизационного развития изучение структуры и культуры потребления представляет особый интерес в силу противоречивого влияния

на них двух факторов – традиционности и, напротив, глобализации и культурной экспансии, что порождает принципиально новые, гибридные формы потребления. Одним из наиболее ярких примеров подобной динамики выступает распространение практик быстрого питания в странах, для населения которых оно в силу национально-культурных особенностей было нехарактерно. Современные закусовые в странах Азии и Восточной Европы успешно адаптировались, вобрав в себя черты местного пищевого поведения. Таким образом, очевидно, что формирование той или иной структуры потребления в конкретном регионе нельзя рассматривать дискретно, это сложный и часто непредсказуемый процесс. Изучение характера питания жителей страны и ее регионов, его изменений под влиянием социально-экономических, политических и других внешних факторов представляет собой важную исследовательскую проблему. Например, отмечается, что текущие доходы не позволяют удовлетворить даже базовые потребности значительной части граждан РФ (Бабич, Батыков, 2022). В частности, экспериментально установлено негативное влияние неполноценного или некачественного питания на здоровье населения.

В рамках статьи поднимается вопрос о типе питания, характерном для жителей современной России. Цель работы – анализ динамики потребления населением России важнейших продовольственных групп в постсоветский период. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: во-первых, оценивается современный

¹ Food Prices for Nutrition DataHub: Global statistics on the Cost and Affordability of Healthy Diets. World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/icp/brief/foodpricesfornutrition#D_top

уровень, а также направления и масштабы динамики потребления населением России основных продовольственных групп (мясо и мясопродукты, рыбопродукты, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, сахар) в течение периода с 1990 по 2022 год; во-вторых, на основе данных социологического опроса анализируются повседневные практики потребления продовольственных товаров домашними хозяйствами Вологодской области. Таким образом, для обеспечения объективной картины анализ данных официальной статистики, позволяющий оценить масштабы потребления основных, жизненно важных продуктов питания населением страны, дополняется и уточняется данными социологического опроса, проведенного на территории Вологодской области за ряд лет.

Теоретические основы потребления как социального феномена

Теоретические основы исследования строятся с помощью двух методологических и методических подходов и принципов.

1. *Акцент на потреблении продуктов питания как факторе макроэкономической стабильности, уровня и качества жизни населения, социального неравенства*

Потребление как экономическая категория представляет собой заключительную фазу общественного воспроизводства (Решетникова, 2017). В экономической теории и хозяйственной практике потребление вообще и потребление продуктов питания в частности выступает ключевым компонентом более широких показателей общественного благосостояния и социальной политики, в том числе продовольственной безопасности страны (Айзинова, 2015; Куликов, Минаков, 2023), охраны здоровья населения, борьбы с бедностью и неравенством (Zezza et al., 2017). Теория потребительской культуры стремится получить фундаментальные знания о первичных основах и факторах потребления и поведения экономических агентов на рынке. Особое значение в подобных исследованиях отводится поиску взаимосвязей между индивидуальными векторами потребительского

выбора и более общими параметрами культурных процессов и структур (Телюк, 2014; Терновая, 2021). С этих позиций понимание структуры и динамики потребления требует их анализа в более широком, институциональном и культурном контекстах. Таким образом, потребление рассматривается как исторически сложившийся способ социокультурной практики, который возникает в рамках структур и идеологических императивов динамично развивающихся рынков (Arnould, Thompson, 2005).

Растущая урбанизация, глобализация производства обработанных пищевых продуктов и изменение образа жизни привели в последние десятилетия к изменению рациона питания населения во многих странах мира (Borlizzi et al., 2017). Изменения в рационе включают сокращение потребления продуктов, богатых клетчаткой (таких как бобовые, фрукты, овощи, цельные зерна), и увеличение потребления обработанных пищевых продуктов, обуславливают риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, увеличение веса (Лескова и др., 2019). Приведенные факты подтверждают важность учета в оценке уровня и структуры текущих глобальных и внутристрановых тенденций актуальной эпидемиологической ситуации.

Эти аспекты обуславливают необходимость учета нюансов сбора статистической информации для ее адекватной интерпретации. Авторы отводят важное место в своих исследованиях проблеме сбора и адекватной интерпретации данных о продовольственном обеспечении и структуре питания населения для реализации мониторинга благосостояния населения (Лапин, 2012). Например, изучается искажение представлений о потреблении продуктов питания с опорой на данные о потреблении на уровне домохозяйств без учета питания в образовательных учреждениях (Borlizzi et al., 2017). Сформулированные в этих работах ограничения позволили более гибко и в то же время объективно подойти к трактовке состояния и динамики подушевого потребления продуктов питания в России.

2. *Особая роль социокультурного контекста, исторических предпосылок в формировании стандартов потребления продуктов питания. Важность анализа повседневных практик потребления*

Глубокое понимание характера потребления продуктов питания требует привлечения информации о потребительских предпочтениях граждан, стереотипах пищевого поведения. Известно, что в обществах с высоким уровнем национального благосостояния потребители придают все большее значение составлению сбалансированного и разнообразного повседневного рациона питания. Значительный вклад в продвижение идей правильного питания и здорового образа жизни в целом сегодня вносят СМИ, особенно электронные, транслирующие образцы благополучия и индивидуального успеха (Кравченко, 2015). Индивид выбирает свою модель потребительского поведения, как правило, в пределах двух полюсов потребительских практик: рационального потребления в соответствии с имеющимися личными ресурсами, жизненными стандартами и базирующимися на них потребительскими запросами по удовлетворению актуальных потребностей (Ткаченко, 2012).

Для выполнения этого методологического требования в работе использованы данные социологического опроса жителей Вологодской области, позволяющие проанализировать привычки и мотивы в выборе и потреблении продуктов питания.

Наконец, важный нюанс в исследовании уровня потребления продуктов питания, который актуализируется на макро- и микроуровне в равной степени, касается выявления территориальной специфики и странственных различий. Он позволяет в равной мере выделить общие для населения такой крупной территориальной единицы, какой является субъект РФ, базовые параметры потребления продуктов и сформировать собирательный образ жителя региона как участника потребительского рынка.

В региональной экономике исследовательский интерес вызывают проблемы территориальных различий и неравенства населения в потреблении продуктов питания (Жилина, Ханова, 2023). Основное внимание авторы уделяют оценке соответствия объемов потребления продуктов питания рекомендуемым стандартам (Айзинова, 2014) и сложившемуся уровню жизни (Сергиенко, 2023). При всей ограниченности данного подхода он имеет очевидные положительные качества (Рогачева, 2022). Особенно важным пунктом подобного формата оценок выступает анализ потребления продуктов питания в рамках единой структуры, что позволяет выявлять примеры и факторы их замещения (Бирман, 1983; Мамяченков и др., 2021).

Материалы и методы

Данные о потреблении продуктов питания, полученные в результате обследований домашних хозяйств, фактически являются единственным наиболее важным источником информации о бедности, продовольственной безопасности и результатах в сфере питания на национальном, субнациональном уровнях и на уровне домашних хозяйств, а также составными элементами глобальных усилий по мониторингу прогресса в достижении основных целей социально-экономического развития страны и ее регионов.

Информационная база исследования объединяет данные Росстата о масштабах потребления основных продуктов питания, в том числе в сопоставлении с нормативами, утвержденными Минздравом РФ², и о калорийности потребляемой членами российских домохозяйств пищи. Данные о калорийности получены в результате выборочного обследования бюджетов домохозяйств (социологические опросы), о масштабах потребления – по итогам оценки потребления продуктов питания, включая и произведенные в стране, и импортированные, незави-

² Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 (с изм. от 30.12.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878>

симо от вида потребления и способа продажи продуктов населению. При расчетах потребления продуктов на душу населения используются данные о фонде личного потребления и среднегодовой численности населения в соответствующем году. Для выявления практик потребления основных продуктов питания учтены данные социологического опроса жителей Вологодской области, позволяющие оценить особенности пищевого поведения, а также дополнить или уточнить общие результаты, полученные по стране. Опрос проводился в формате раздаточного анкетирования респондентов (выборка – 1500 человек, сбалансирована по половозрастным критериям населения; ошибка выборки составляет 4%) на территории региона в 2018, 2020, 2022 и 2024 гг. Ввиду нерегулярности статистической отчетности по обсуждаемой проблеме использовались различные ряды для оценки динамики показателей. В конечном итоге предпринята попытка проанализировать изменения в структуре потребления продуктов питания жителями России и ее регионов в постсоветский период отечественной истории на фоне важных социально-экономических и политических перемен.

Результаты

Калорийность потребляемой пищи – показатель не только и не столько качества, сколько достаточности питания, поэтому его стоит рассматривать как базовый параметр в оценке характера потребления продуктов. Расширение доступности продовольствия в развитых и развивающихся странах параллельно с ростом калорийности пищи и снижением содержания в ней полезных веществ, что заставляет людей потреблять еще больше пищи, приводит к проблеме ожирения. Согласно рекомендациям Роспотребнадзора, физиологические потребности в энергии для взрослого муж-

чины в России составляют от 2150 до 3800 ккал/сутки, для женщины – от 1700 до 3000 ккал/сутки³. Нормы калорийности пищи, потребляемой человеком в течение суток, всегда относительны, особенно когда речь идет о популяции в целом, однако при анализе ситуации на региональном уровне допустимо использовать общие усредненные показатели. В международных сопоставлениях в качестве рекомендуемой среднесуточной нормы принимается 2000 ккал/сутки, что позволяет сделать предварительный вывод об избыточном потреблении калорий с пищей в большинстве стран мира. Например, в России общее суточное потребление килокалорий на душу населения достигает 3433 (оценка ООН, 2022 год), превышая среднемировой показатель 2957 ккал на 16%⁴.

Есть основания считать, что мировые данные по калорийности пищи значительно искажают реальную ситуацию в сторону увеличения, поскольку они рассчитываются на основе экономических данных о конечном потреблении, поэтому не учитывают неполное потребление произведенного продовольствия (потребительские отходы).

Действительно, данные о калорийности питания, полученные по итогам выборочного обследования бюджетов российских домохозяйств (Росстат), свидетельствуют об умеренной калорийности питания. Суточное количество килокалорий, полученных с продуктами питания, в среднем на члена домохозяйства составляет в России 2600 (оценки 2023 года). Заметим, что этот показатель только на 13% выше уровня 1997 года, за который имеются доступные данные. Наблюдается территориальная дифференциация в калорийности пищи, потребляемой членами российских домохозяйств в сутки. В 2023 году значения показателя по регионам располагались в диапазоне от 1947,3 ккал в Чукотском АО до 3452,2 ккал в Кабардино-Балкарской Республике (табл. 1).

³ Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения РФ: метод. рекомендации МР 2.3.1.0253-21: утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 22 июля 2021 г. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18979&ysclid=mb7ho8iryq313865236

⁴ Данные ресурса «Our World in Data» со ссылкой на Food and Agriculture Organization of the United Nations (2024). URL: <https://ourworldindata.org>

Таблица 1. Калорийность потребленных продуктов питания в РФ и субъектах РФ, в среднем на члена домохозяйства в сутки, ккал

Субъекты РФ, в которых фиксируются наибольшие в РФ значения показателя		Субъекты РФ, в которых фиксируются наименьшие значения показателя	
субъект РФ	значение	субъект РФ	значение
Кабардино-Балкарская Республика	3452,2	Город Санкт-Петербург	2266,5
Республика Мордовия	3295,7	Пермский край	2248,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	3293,1	Челябинская область	2199,8
Забайкальский край	3269,8	Ненецкий автономный округ	2145,4
Курганская область	3224,5	Республика Калмыкия	2106,0
Курская область	3081,6	Республика Алтай	2052,8
Чеченская Республика	3059,2	Самарская область	2036,3
Нижегородская область	3020	Томская область	2025,5
Республика Ингушетия	2997,7	Хабаровский край	1989,9
Белгородская область	2955,3	Чукотский автономный округ	1947,3
В среднем по РФ: 2569,3; Xmax = 3452,2; Xmin = 1947,3; Rx = 622,0; Cv = 12%. Источник: данные Росстата.			

Учитывая, что среднее арифметическое значение калорийности потребляемой пищи демонстрирует минимальные различия в течение всего анализируемого периода, информативным может оказаться расчет коэффициента вариации: в 1997 году он составил 14% по совокупности территориальных единиц, в 2023 году – 12%. Таким образом, в аспекте калорийности питания наблюдается относительное равенство субъектов РФ, причем как в пространственном, так и во временном измерении.

Сделать более конкретные выводы, опираясь на общие данные по калорийности, затруднительно. Прежде всего в силу того, что потребление энергии должно быть сбалансировано с ее расходом, который существенно различается в зависимости от характера труда, образа жизни людей и, что наиболее важно в межтерриториальных сопоставлениях, культурно-исторического контекста и природно-климатических условий.

Потребление белка как показатель полноты состава потребляемой пищи демонстрирует более выраженную, чем в случае калорийности, положительную динамику. С 1997 по 2023 год прирост показателя составил 31%. Территориальная дифференциация присутствует, но сохраняется в рамках средних параметров. Так, в 2023

году весь диапазон оцениваемой величины располагался между минимальным, 58,8 г на душу населения (Республика Алтай), и максимальным, 110 г на душу населения (Кабардино-Балкарская Республика), значениями. Размах вариации признака (51,2) приближается к минимальному значению, однако отмечается его умеренная вариативность в выборочной совокупности (как в 1997, так и в 2023 году Cv = 12%).

В течение постсоветского периода в показателях подушевого потребления основных категорий продуктов питания произошли изменения, которые представляют исследовательский и практический интерес. Незначительно (на 4%) увеличилось количество мяса и мясопродуктов, потребляемых населением страны (приводятся показатели в расчете на численность населения), тогда как в отношении потребления молочных продуктов и рыбопродуктов зафиксировано снижение (на 17 и 6% соответственно). В отношении продуктов растительного происхождения выявлен рост подушевого потребления овощей и бахчевых (на 17%), растительного масла (на 35%) и особенно фруктов и ягод (в 2,2 раза). Потребление сахара и сахаросодержащих продуктов, картофеля и хлебопродуктов, напротив, в анализируемом промежутке времени снижалось (табл. 2).

Таблица 2. Потребление основных продуктов питания в постсоветской России, в расчете на душу населения, кг

Продукты питания	Год									Изменение, 2022/1990 гг., %
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	
Продукты животного происхождения										
Рыбопродукты	20,4	9,7	10,4	12,6	н. д.	22,3	19,9	21	19,2	-6
Мясо и мясопродукты	75	55	45	55	69	73	76	77	78	4
Молоко и молочная продукция	47	32	35	38	39	39	39	38	39	-17
Продукты растительного происхождения										
Сахар	47	32	35	38	39	39	39	38	39	-17
Картофель	106	124	109	109	95	91	86	83	84	-21
Овощи и бахчевые	89	76	79	87	98	102	106	103	104	17
Фрукты и ягоды	–	29	32	46	57	59	61	62	63	2,2 р.
Хлебные продукты	120	122	117	121	120	117	114	113	113	-6
Масло растительное	10,2	7,5	9,9	12,1	13,4	13,6	13,8	13,5	13,8	35

Источник: данные Росстата.

Несмотря на то, что рост потребления полезных для здоровья продуктов, прежде всего овощей и фруктов, следует оценить как однозначно позитивное, а сокращение потребления рыбопродуктов – как остро негативное явление, в контексте исторического опыта требуется более детальный анализ текущей ситуации.

В качестве критерия оценки достаточности потребления жителями страны тех или иных категорий продуктов разумно использовать рациональные нормы потребления, которые разрабатываются Минздравом РФ и предлагаются не столько как нормативные, сколько ориентировочные. Эти показатели могут пересматриваться в зависимости от текущих социально-экономических и эпидемиологических условий. На основе данных за 2022 год выявлены масштабы отклонений фактических показателей душевого потребления продуктов питания от рекомендованных. Превышение рациональных норм потребления хлебных продуктов, сахара и растительного масла и, напротив, низкий уровень потребления рыбопродуктов, овощей и фруктов свидетельствуют, что структура питания населения России недостаточно сбалансирована, функциональные продукты питания замещаются в рационе более калорийными и доступными для приобретения (рис. 1).

Мясо и мясопродукты являются важнейшими компонентами рациона питания. На их потребление влияют различные факторы, которые формируются в данных социально-экономических условиях и в конкретной социокультурной среде. В странах мира с высоким уровнем жизни населения на первое место в выборе мясопродуктов для повседневного рациона выходят характеристики продукта (вкусовые и питательные свойства, безопасность, цена, удобство приобретения и приготовления и т. д.), а также потребительские и экологические нюансы (психологические, медицинские, семейные или образовательные аспекты, общая экономическая ситуация, климат, законодательство и т. д.). В современном западном обществе одним из моментов, в наибольшей степени влияющих на «имидж» и, следовательно, на потребление мяса, является то, воспринимается ли оно как полезное (распространен термин «функциональный продукт», суть которого состоит в положительном влиянии на здоровье, а не просто удовлетворении чувства голода). В этих условиях возникают альтернативные теории и практики потребления, часть из них носит экстремальный характер (например, полный отказ от мяса или животных продуктов как таковых). В этом смысле интерес представляет динамика потребления мяса в со-

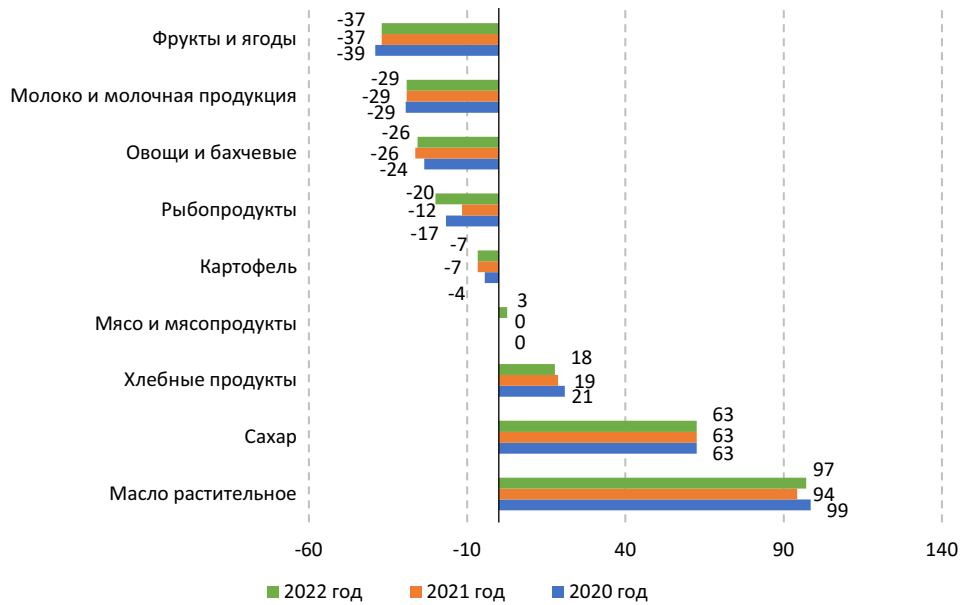


Рис. 1. Отклонение фактических объемов потребления основных продуктов питания населением России от рациональной нормы Минздрава РФ, %

Рассчитано по: данные Росстата, Минздрава РФ.

временном российском обществе, особенно учитывая сложный исторический и социальный контекст. В России еще сохраняется в коллективной памяти проблема дефицита продуктов. Уровень жизни пока еще далек от уровня в развитых странах мира, поэтому мясопродукты по-прежнему воспринимаются как продукт «высокого» потребления, как ценность сама по себе, часто вне контекста наличия полезных свойств и качества. Данные об общем потреблении мяса и мясопродуктов населением страны говорят о критическом снижении подушевого потребления в течение 1990-х гг. после относительно благополучной картины советского периода (при всех сопутствующих негативных моментах, включая низкое качество мяса и мясопродуктов), когда показатели потребления соответствовали рекомендуемым нормам (рис. 2).

Особенно драматичным стало снижение производства базовых категорий продуктов питания, как и других товаров народного потребления, в 1991 году. Промышленная выработка мяса и мясопродуктов первой категории уменьшилась на 13%, колбасных изделий – на 10%, консервов мясных – на 13%. Это было вызвано разрывом хозяйственных связей по поставкам сырья, мате-

риалов и комплектующих изделий и дефицитом валютных средств на их закупку по импорту (Гайдар, 2006).

С относительным ростом благосостояния населения и развитием сельского хозяйства в России в 2000-е гг., а также увеличением импорта мясопродуктов в этот период отмечается поступательный рост объемов подушевого потребления мяса и мясопродуктов (Гражданкин, Кара-Мурза, 2015). Его уровень максимально приблизился к отметке рекомендуемого потребления (76 кг в год) в 2012 году, составив 74 кг на душу населения в год. В 2017 году была достигнута планка потребления 1990 года, а в 2022 году зафиксировано превышение рекомендуемого уровня. Данные социологических опросов в Вологодской области говорят о том, что ежедневное потребление мяса, красного и белого, действительно является привычным для значительной части, а именно для 38% в 2024 году, населения региона. Чуть более половины респондентов (52%) отметили, что на их столе мясо присутствует не так часто, но все же не реже 2–3 раз в неделю. В 2022 году, по которому имеются общие показатели потребления в целом по стране, ситуация сходная (почти треть, 29%, употребляют в пищу мясо еже-

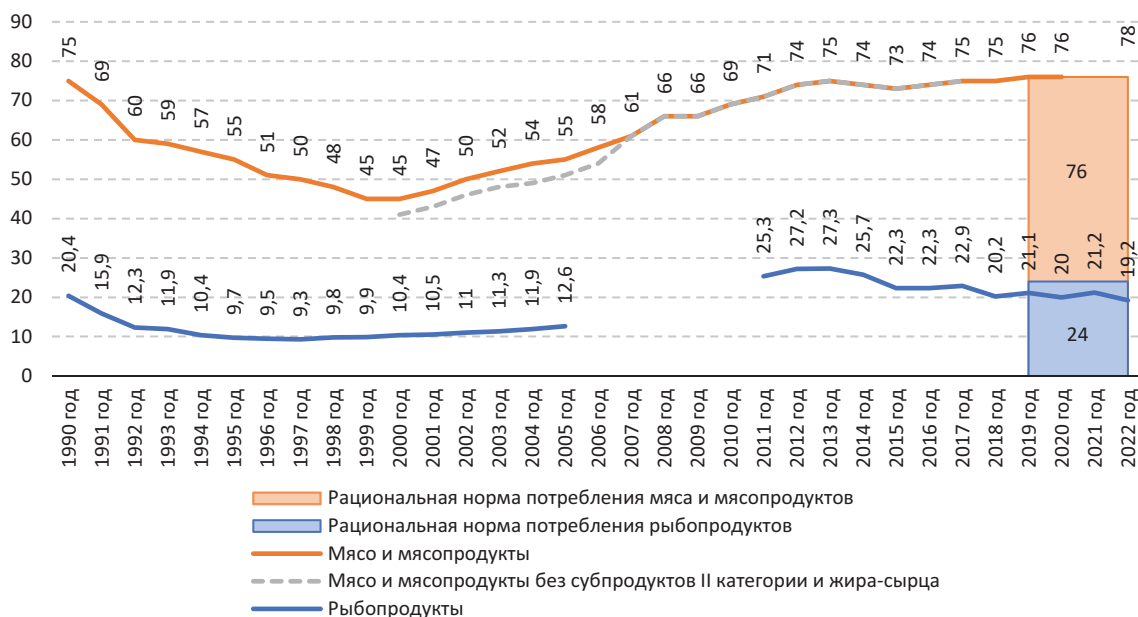


Рис. 2. Потребление мясopодуlков и рыбopодуlков населением России относительно рациональной нормы Минздрава РФ, кг на душу населения в год

Рассчитано по: данные Росстата, Минздрава РФ.

дневно, 53% – несколько раз в неделю), но есть некоторые ограничения для сопоставления данных за 2024 год (в формулировке вопроса не было сделано уточнение о том, что при ответе следует принимать во внимание потребление мяса птицы).

Рыбopодуlки, являясь важной частью здорового питания человека, присутствуют в рационе россиян значительно реже, о чем свидетельствуют и данные по объемам подuшевого потребления, и сведения, полученные в ходе опросов домохозяйств. Как и в случае с мясом, потребление рыбopодуlков демонстрировало значимый спад в течение 1990-гг., но уже в 1998 году наметилось минимальное улучшение ситуации (см. рис. 3). Поступательный рост в период 2000-х гг. и в последующие годы обеспечил превышение рекомендуемой Минздравом РФ нормы (24 кг на человека в год) уже в 2011 году (25 кг). Однако в 2015 году наметилась негативная тенденция, которая, несмотря на промежуточные колебания, уводила уровень потребления от границы рекомендуемого.

Только 8% жителей Вологодской области потребляют рыбу и морепродукты ежедневно (для сравнения, напомним, мясные продукты употребляются в пищу каждый день

значительно большей долей респондентов (38%). 44% жителей области едят рыбу и морепродукты 2-3 раза в неделю, 38% – один раз в неделю и реже. 11% практически не едят рыбу, тогда как полное исключение из рациона мяса для жителей региона совсем не свойственно (их доля меньше значения статистической погрешности). В целом объяснить подобное избегание рыбы как продукта ежедневного рациона позволяет знание ряда социально-экономических и даже исторических реалий. Во-первых, традиционный режим питания населения России не подразумевал регулярное потребление рыбы. Ряд традиционных рыбных блюд (например, уха) готовились в российских и советских семьях нерегулярно. Введение рыбы в рацион на постоянной основе произошло в СССР. Тогда в ответ на дефицит мяса, возникший вследствие расширения его потребления без возможностей обеспечения растущего спроса, руководством страны было принято решение расширить рыбный промысел и в конечном итоге восполнить ограничение белковой пищи рыбными продуктами. Так, в учреждениях общественного питания были введены «рыбные дни», когда вместо привычных для граждан мясных

блюды в меню присутствовали блюда из рыбы. Это вызывало недовольство посетителей заведений, однако со временем словосочетание «рыбные дни» стало использоваться и в более широком значении, в частности для иронического комментария к присутствию рыбы в домашнем рационе (приведенные данные социологического опроса дают повод посмотреть на структуру потребления и в этом ключе). Такое противоречивое отношение населения страны к рыбе как продукту питания не позволяет описать сокращение потребления рыбы в последние годы исключительно как негативное явление, поскольку оно может быть результатом осознанного выбора, особенно в условиях расширения доступности мясных продуктов и статистически фиксируемого расширения его потребления. Вместе с тем имеющиеся данные не позволяют установить, какую роль в ограничении потребления рыбы сыграли ценовой фактор (мясо может стоить дешевле рыбы) и фактор качества. Наконец, средние по стране значения скрывают региональные различия, обусловленные целым рядом факторов, среди которых видное место занимает пространственная удаленность от места промысла.

Потребление овощей и бахчевых населением страны увеличивалось поступательно, пусть и малыми темпами, в течение последних 30 лет (рис. 3). По сравнению с 1990 годом прирост составил 17%. Достигнутый уровень потребления все еще недостаточен, он остается ниже рекомендованного норматива (140 кг/чел. в год) на 26%.

В известной степени эти данные подкрепляются результатами регионального социологического исследования, предоставляющего информацию о характере потребления овощей населением в повседневной жизни. Только у 39% жителей Вологодской области свежие овощи включены в ежедневный рацион питания, 43% признаются, что на их столе овощи присутствуют 2-3 раза в неделю. Сельские жители употребляют в пищу свежие овощи значительно реже, чем городские (23 против 34%). Поскольку речь идет только о свежих овощах, неблагоприятная ситуация, отмечающаяся в сельской местности, не выглядит парадоксально в силу климатических условий Европейского Севера. Короткий вегетационный период позволяет питаться овощами, выращенными на приусадебных участках, не более трех месяцев в году, в остальные 9 месяцев потребление

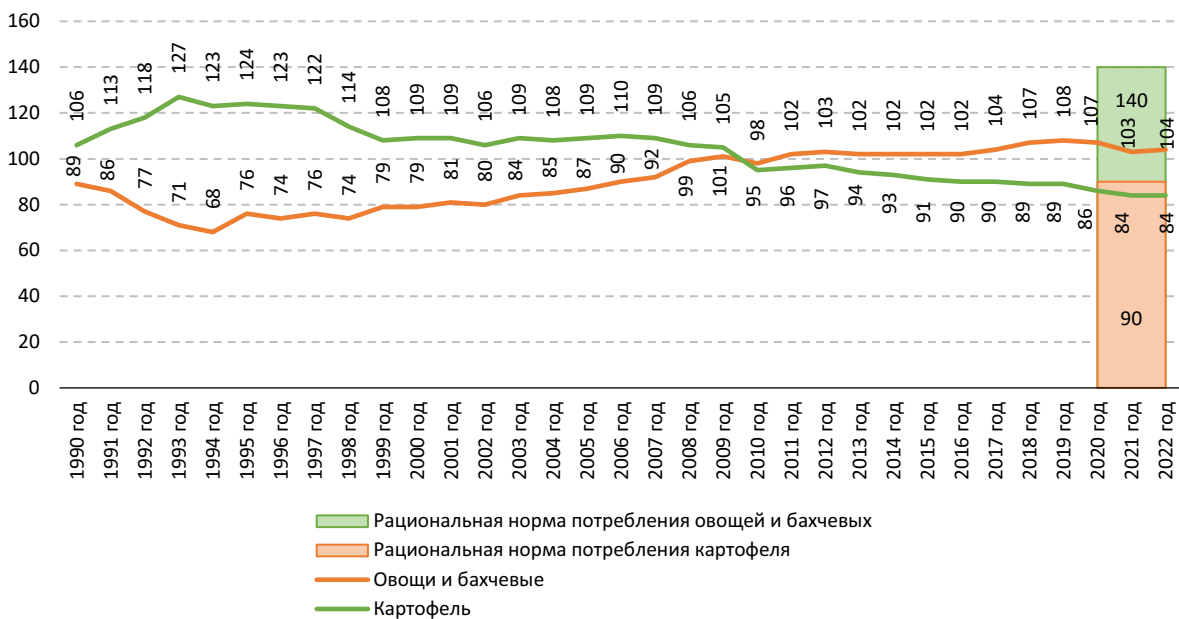


Рис. 3. Потребление овощей, бахчевых и картофеля населением России относительно рациональной нормы Минздрава РФ, кг на душу населения в год

Источник: данные Росстата, Минздрава РФ.

овощей ограничено в силу низкой доступности торговых точек и недостаточного ассортимента продукции. Для горожан торговые сети обеспечивают доступ к свежим овощам практически круглогодично.

Картофель стал традиционным для русской кухни продуктом, однако его избыточное потребление является скорее признаком несбалансированности рациона питания. Наибольшее распространение как продукт в России картофель получил в середине 1990-х гг., в период глубокого экономического кризиса и обеднения населения страны. В 1993 году показатель потребления картофеля достиг максимума за последние 30 лет и составил 127 кг/чел. в год. В 2000-е гг. с улучшением экономической ситуации в стране и ростом благосостояния населения отмечается заметный спад объемов потребления картофеля, в 2010-е гг. прорисовывается еще одна ступень снижения его потребления. Третья волна спада потребления картофеля привела к тому, что в 2016 году его уровень впервые достиг планки рациональной нормы потребления (100 кг/чел. в год), а в 2018 году – опустился ниже ее.

Остается открытым вопрос о качестве и доступности овощей для жителей страны, особенно северных регионов, где в силу климатических особенностей выращивание овощных культур в товарных объемах собственными силами ограничено. Исследования, посвященные качеству овощей, присутствующих на прилавках российских магазинов, крайне скудны. Имеются данные по экспертным оценкам Роскачества, проведенным в ряде регионов страны. Результаты обследования позволяют охарактеризовать ситуацию как благоприятную: потребителям сегодня доступны безопасные тепличные овощи без нитратов, пестицидов и их следов. Лишь в одном продукте из всей выборки обнаружено количество нитратов, существенно превышающее предельно допустимый уровень⁵. Однако нельзя не отметить и ограничения подобных оценок. Несмотря на то, что содержа-

ние нитратов, а также нескольких пестицидов нормируется техническим регламентом «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011), он не охватывает весь спектр применяемых гербицидов, инсектицидов и др. Таким образом, на сегодня нет ни одного нормативного документа, содержащего максимально полный перечень всех применяемых в сельском хозяйстве химических препаратов с обозначением предельно допустимых концентраций.

Потребление свежих фруктов и ягод в течение последних трех десятилетий в России возрастало, выйдя в 2013 году на максимальный уровень, после чего оставаясь в близком ему диапазоне значений (рис. 4). В целом же с середины 1990-х гг. до настоящего времени объем потребления фруктов и ягод увеличился практически в два раза. Это свидетельствует об улучшении типа питания россиян. В то же время достигнутый уровень потребления значительно, на 37%, уступает рациональной норме потребления, установленной Минздравом РФ (100 кг/чел. в год). В целях уточнения характерных для России общих тенденций и сложившейся ситуации обратимся к данным социологического опроса населения. Они выявляют ограниченность потребления свежих фруктов населением региона. Только 27% жителей Вологодской области ежедневно потребляют свежие фрукты и ягоды, 42% делают это 2-3 раза в неделю. Но доля тех, из чьего рациона свежие фрукты и ягоды полностью исключены, составляют всего 5%.

Дефицит в рационе свежих фруктов, содержащих естественные сахара, сопровождается избыточным потреблением сахара, как кристаллического, так и в составе кондитерских изделий. Потребление сахара в России превышает уровень рациональной нормы (24 кг/чел. в год) на 38%. Снижение показателя потребления продукта по сравнению с 1990 годом трудно интерпретировать однозначно. С одной стороны, это демонстрирует глубину кризисных процессов в экономике тех лет: спад произ-

⁵ Правда ли, что в овощах содержатся пестициды и нитраты? // Роскачество. URL: <https://rskrf.ru/tips/spetsproekty/issledovanie-ovoshchey-na-nitraty-i-pestitsidy>

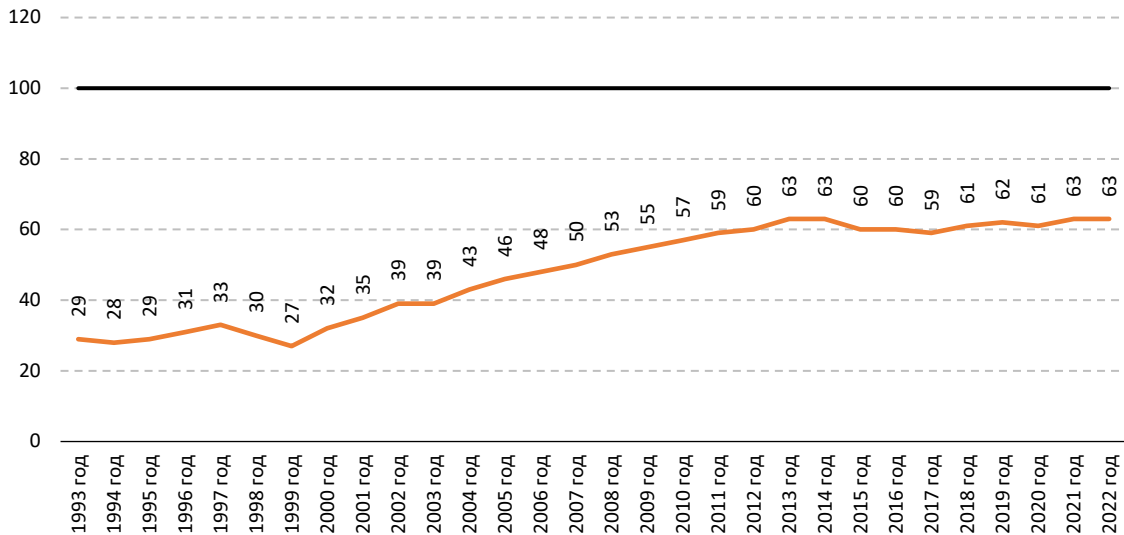


Рис. 4. Потребление фруктов и ягод населением России относительно рациональной нормы Минздрава РФ, кг на душу населения в год

Источник: данные Росстата, Минздрава РФ.

водства коснулся всех отраслей промышленности и, соответственно, производства всех категорий пищевых продуктов. Кроме того, дефицит сахара усугубился на фоне антиалкогольной кампании. В результате в конце 1990-х гг. граждане получали сахар только по талонам. С другой стороны, избыточное потребление сахара, как и хлеба, а также картофеля, в советские годы позволяло обеспечить необходимый уровень калорийности питания, компенсируя недостаток в рационе прочих продуктов. Таким образом, произошедшие изменения могут, хотя и с рядом допущений и оговорок, свидетельствовать о некотором улучшении типа питания населения, пусть и при сохраняющейся остроте проблемы избыточного потребления сахара (рис. 5).

Из перечня действий, которые позволяют нормализовать питание, только 19% жителей Вологодской области отмечают вариант «Стараюсь следить за количеством потребляемого сахара». Между тем треть опрошенных, понимая негативное влияние сахара на здоровье, в течение года исследования предпринимали серьезные попытки снизить количество потребляемого сахара, но удалось этого добиться только 7% из них.

Потребление продуктов питания в субъективных оценках: анализ практик и предпочтений (на материалах Вологодской области)

Оценки частоты потребления продуктов питания жителями Вологодской области позволяют составить общее представление о том, какая пища входит в их рацион. Количественно частоту потребления того или иного продукта помогает определить расчет индекса, отражающего разрыв между ответами, фиксирующими частое и, напротив, редкое употребление продукта в течение недели (рис. 6). Особенно часто население Вологодской области употребляет в пищу молочные продукты (индекс частоты употребления в 2024 году составил 184), мясопродукты, включая белое мясо (179), хлебобулочные изделия (175). Свежие овощи по частоте употребления опережают картофель и макаронные изделия, что нельзя не оценить как позитивный момент. С положительной стороны рацион населения области характеризует достаточно умеренное потребление вредных для здоровья продуктов, таких как сладкие газированные напитки (46), фастфуд (31) и даже полуфабрикаты (94). В то же время рыба и морепродукты присутствуют в рационе жителей области в крайне ограниченном объеме (104).

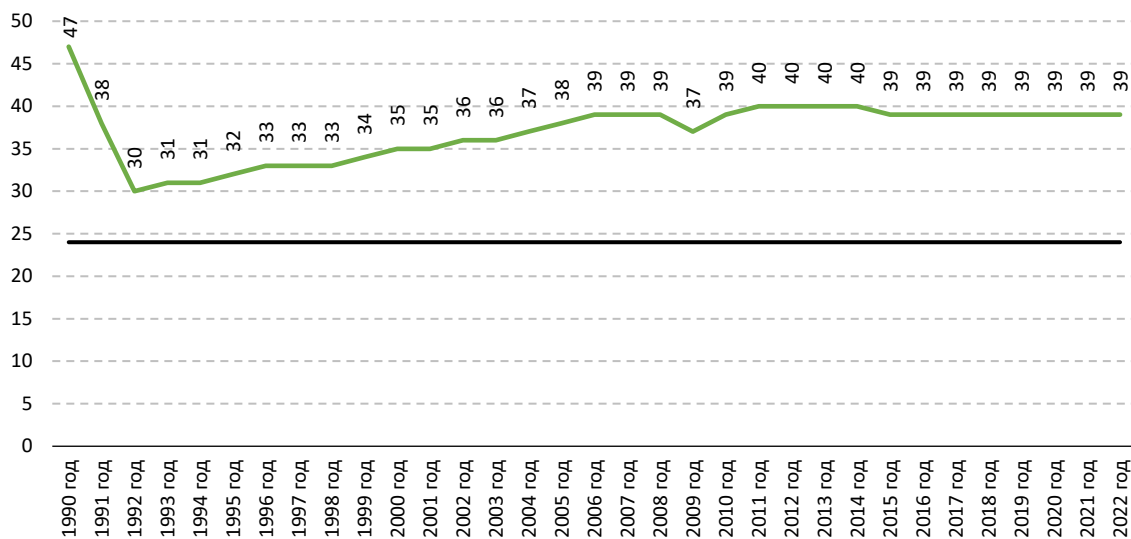


Рис. 5. Потребление сахара населением России относительно рациональной нормы Минздрава РФ, кг на душу населения в год
 Источник: данные Росстата, Минздрава РФ.

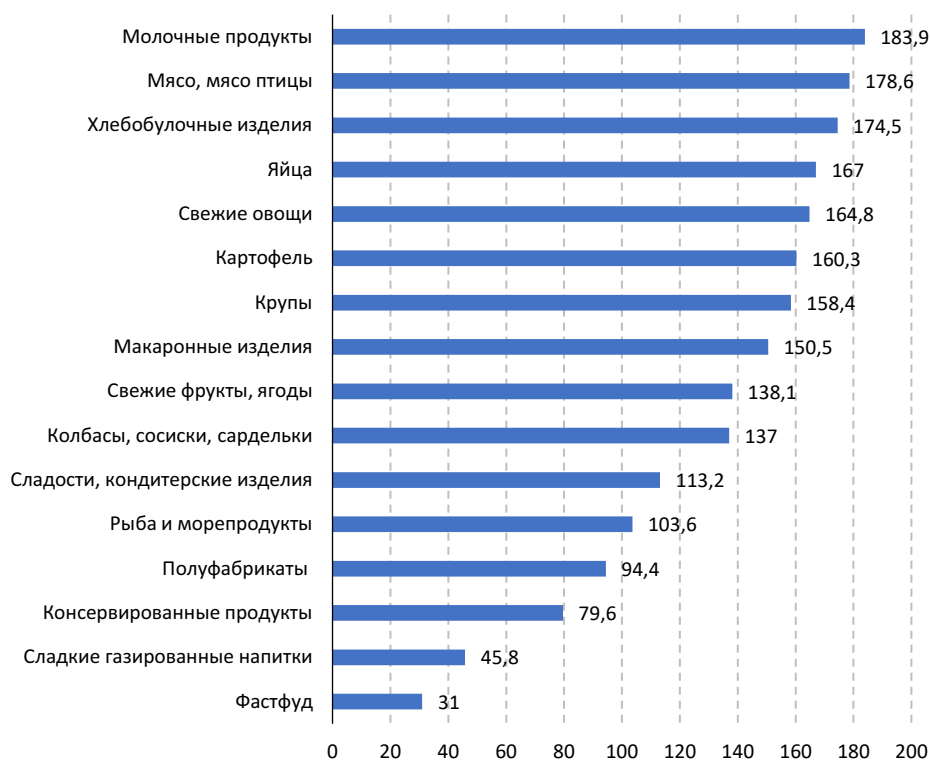


Рис. 6. Частота потребления* основных продуктов питания населением Вологодской области по данным социологического опроса, 2024 год

* Индекс показывает разницу между удельными весами групп респондентов, с одной стороны, употребляющих продукты данной категории всегда и часто (2-3 раза в неделю), с другой стороны – редко (один раз в неделю) и никогда. Итог суммируется со слагаемым 100 для исключения отрицательных значений индекса. Шкала значений ограничена отрезком [0, 200].

Рассчитано по: данные социологических опросов ФГБУН ВолНЦ РАН.

Таблица 3. Привычки жителей региона в оценке критериев качества пищевых продуктов: расчетный индекс*

Критерий оценки товара	2018 год	2020 год	2022 год	2024 год
Срок годности, дата производства	145,8	152,2	158,4	164,4
Наличие вредных добавок	83,2	92,2	92,0	91,9
Надежность, репутация производителя	79,8	82,4	83,7	83,1
Калорийность	67,3	61,4	62,2	69,0

* Индекс отражает разницу между удельными весами респондентов, часто и редко практикующих учет критерия при выборе товара, в выборке. Чем выше значение индекса, тем та или иная практика более глубоко укоренена в поведении индивидов. Итог суммируется со слагаемым 100 для исключения отрицательных значений индекса. Шкала значений ограничена отрезком [0, 200].
 Источник: данные ФГБУН ВолНЦ РАН (респондентам задавался вопрос «Часто ли Вы при покупке продуктов питания обращаете внимание на следующие категории их качества?»).

У 24% жителей региона блюда из картофеля присутствуют на столе ежедневно, у 57% – 2-3 раза в неделю. 18% респондентов питаются картофелем нечасто – раз в неделю и реже.

Внимание к качеству приобретаемых продуктов питания играет важную роль в культуре потребления и питания людей. Калорийность как критерий выбора продуктов важен для значительно меньшей доли населения, чем прочие: 49% респондентов признались, что никогда не обращают на него внимания (табл. 3). Однако и те, кто обращает внимание на калорийность продуктов питания, составляют значительную долю населения – 35%.

Анализ качественной составляющей питания выходит за рамки формальных характеристик, требует более точного и полного освещения, в том числе в контексте региональных, культурных и национальных различий.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Структура питания обусловлена рядом факторов, в том числе экономических, природно-климатических, исторических и пр. Период распада СССР, для которого были свойственны дефицит и узкий ассортимент товаров, обернулся еще более драматичным для населения страны ограничением потребления всех базовых категорий продуктов питания.

Однако в 2000-е гг. наметились позитивные тенденции, которые привели к тому, что потребление современных россиян достигло базового уровня 1990 года, а в некоторых случаях – существенно его превысило. При этом актуальность сохраняет проблема недостаточного потребления таких важных для здоровья продуктов, как овощи и фрукты. Превышение рациональных норм потребления хлебных продуктов, сахара и растительного масла и, напротив, низкий уровень потребления рыбопродуктов, овощей и фруктов, несмотря на положительную динамику подушевого потребления, зафиксированную в последнее десятилетие, является свидетельством того, что структура питания населения России недостаточно сбалансирована. Органы власти предпринимают попытки изменить характер потребления ряда пищевых товаров, например рыбы, но реализация таких мер ограничивается территориальными различиями, необходимостью дополнительных затрат на транспортировку продукции.

Данные социологических опросов населения Вологодской области демонстрируют низкий уровень потребления потенциально вредных для здоровья продуктов (сладкие газированные напитки, полуфабрикаты), а также малую приверженность жителей области практикам быстрого питания (фастфуд). Среди негативных моментов фиксируется недостаточная представленность в структуре повседневного питания рыбопродуктов.

Таким образом, для выполнения социальных обязательств государства в части обеспечения здорового образа жизни, сохранения работоспособности населения необходимо поддерживать платежеспособный спрос малообеспеченных семей. Обеспечение сбалансированного питания для основной группы населения невозможно без сокращения социально-экономического неравенства.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзинова И.М. (2014). Потребление продуктов питания в регионах России // Проблемы прогнозирования. № 6 (147). С. 44–59.
- Айзинова И.М. (2015). Проблемы продовольственной безопасности в сфере потребления: региональный аспект // Проблемы прогнозирования. № 6 (153). С. 124–135.
- Бабич Н.С., Батыков И.В. (2022). Общество потребления и социальное развитие: моделирование статистических взаимосвязей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.10
- Бирман И. (1983). Экономика недостатч. New York: Chalidze Publications. 471 с.
- Гайдар Е. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. Москва: РОССПЭН. 440 с.
- Гражданкин А.И., Кара-Мурза С.Г. (2015). Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы: 1950–2013. Москва: Научный эксперт. 728 с.
- Жилина Е.В., Ханова И.М. (2023). Кластеризация регионов России по потреблению основных продуктов питания // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). № 2 (59). С. 9–15. DOI: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15
- Кравченко С.А. (2015). Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. № 1. С. 85–94.
- Куликов И.М., Минаков И.А. (2023). Продовольственная безопасность в сфере потребления овощей и плодов бахчевых культур // Экономика сельского хозяйства России. № 10. С. 59–66. DOI: 10.32651/2310-59
- Лапин О.Е. (2012). Потребление продуктов питания в регионе и его финансовое обеспечение // Проблемы развития территории. № 1 (57). URL: http://pdt.vssc.ac.ru/article/919/full?_lang=ru
- Лескова И.В., Ершова Е.В., Никитина Е.А. [и др.] (2019). Ожирение в России: современный взгляд под углом социальных проблем // Ожирение и метаболизм. Т. 16. № 1. С. 20–26. URL: <https://doi.org/10.14341/omet9988>
- Мамяченков В.Н., Куликова Е.С., Львова М.И. (2021). Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986–1990 годы) // Научный диалог. № 10. С. 412–424. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424
- Решетникова Е.Г. (2017). Институциональные аспекты формирования сферы потребления продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 1. С. 4.
- Рогачева О.А. (2022). Динамика потребления основных продуктов питания в Иркутской области // System Analysis and Mathematical Modeling. Т. 4. № 2. С. 152–160. DOI: 10.17150/2713-1734.2022.4(2).152-160
- Сергиенко А.М. (2023). Потребление продуктов питания населением Алтайского края на разных этапах экономического развития // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 90–100. DOI: 10.14258/erb202310
- Телюк М.С. (2014). Доходы населения в соотношении с производством и потреблением региона // Вестник Российского экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. № 3–4 (10). С. 19–23.
- Терновая Л.О. (2021). Культура потребления в ракурсе истории потребительской кооперации // Культура мира. Т. 9. № S4. С. 24–36.

- Ткаченко О.В. (2012). Факторы формирования потребительского поведения на региональном фармацевтическом рынке России: опыт социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2.
- Arnould E.J., Thompson C.J. (2005). Consumer culture theory (CCT): Twenty years of research. *Journal of Consumer Research*, 31 (4), 868–882. Available at: <https://doi.org/10.1086/426626>
- Borlizzi A., Delgrossi M.E., Cafiero C. (2017). National food security assessment through the analysis of food consumption data from household consumption and expenditure surveys: The case of Brazil's Pesquisa de Orçamento Familiares 2008/09. *Food Policy*, 72, 20–26. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2017.08.009>
- Zezaa A., Carletto C., Fiedler J.L., Gennarib P., Dean J. (2017). Food counts. Measuring food consumption and expenditures in household consumption and expenditure surveys (HCES). Introduction to the special issue. *Food Policy*, 72, 1–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

TRANSFORMATION OF CONSUMPTION OF BASIC FOOD GROUPS IN RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

The aim of the research is to analyze the dynamics of consumption of the most important food groups by the Russian population in the post-Soviet period. The article uses both official statistics data reflecting the volume of consumption of the main types of food products for the analyzed years and the results of a sociological survey of one of the regions of the Northwestern Federal District – the Vologda Region, which allows identifying key nutrition practices. We established that during the period from the mid-1990s to our time, despite significant transformations in the political, social and economic spheres, there are no significant changes in the caloric content of the diet of the country's residents, while the nutritional value of consumed products, primarily expressed in the protein content, shows a noticeable increase. This indicates that in the difficult economic conditions of the 1990s, the desire to maintain a proper level of energy value of the diet was accompanied by a violation of its structure in favor of the consumption of foods with a high content of carbohydrates. Further and more detailed analysis of consumption revealed positive changes in the situation in the country, associated with an increase in the consumption of meat and fish products, as well as fruits and vegetables, and a decrease in sugar consumption. At the same time, the level of consumption of the most important foodstuffs still lags behind the norms recommended by the Ministry of Health of the Russian Federation. This does not allow assessing the structure of food consumption in Russia as balanced, and requires additional attention to these issues on the part of authorities at all levels. The practical significance of the obtained results consists in the identification of important changes in the consumption structure of Russian residents in the aspect of regional peculiarities and differences, which is of applied value and can be used in improving regional policy in a number of areas, including food security and protection of public health.

Nutrition structure, food products, rational consumption norms, constituent entities of the Russian Federation, Vologda Region.

REFERENCES

- Aizinova I.M. (2014). Food consumption in Russian regions. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6(147), 44–59 (in Russian).
- Aizinova I.M. (2015). Problems of food security in the sphere of consumption: Regional aspect. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6(153), 124–135 (in Russian).
- Arnould E.J., Thompson C.J. (2005). Consumer culture theory (CCT): Twenty years of research. *Journal of Consumer Research*, 31(4), 868–882. Available at: <https://doi.org/10.1086/426626>
- Babich N.S., Batykov I.V. (2022). Consumer society and social development: Modeling statistical relationships. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 189–202. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.10 (in Russian).
- Bierman I. (1983). *Ekonomika nedostach* [The Economics of Shortages]. New York: Chalidze Publications.
- Borlizzi A., Delgrossi M.E., Cafiero C. (2017). National food security assessment through the analysis of food consumption data from household consumption and expenditure surveys: The case of Brazil's Pesquisa de Orçamento Familiares 2008/09. *Food Policy*, 72, 20–26. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2017.08.009>
- Gaidar E. (2006). *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii* [The Demise of the Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Grazhdankin A.I., Kara-Murza S.G. (2015). *Belaya kniga Rossii. Stroitel'stvo, perestroika i reformy: 1950–2013* [White Book of Russia. Construction, Perestroika and Reforms: 1950–2013]. Moscow: Nauchnyi ekspert.
- Kravchenko S.A. (2015). The social and cultural dynamics of food: Acquisitions and vulnerabilities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 85–94 (in Russian).
- Kulikov I.M., Minakov I.A. (2023). Food security in the field of consumption of vegetables and fruits of melons. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 10, 59–66. DOI: 10.32651/2310-59 (in Russian).
- Lapin O.E. (2012). Food consumption in the region and its financial support. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 1(57). Available at: http://pdt.vsc.ac.ru/article/919/full?_lang=ru (in Russian).
- Leskova I.V., Ershova E.V., Nikitina E.A. et al. (2019). Obesity in Russia: Modern view in the light of a social problems. *Ozhirenie i metabolizm*, 16(1), 20–26. Available at: <https://doi.org/10.14341/omet9988> (in Russian).
- Mamyachenkov V.N., Kulikova E.S., L'vova M.I. (2021). Level of food consumption by population of Sverdlovsk Region (budget surveys in 1986–1990). *Nauchnyi dialog*, 10, 412–424. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424 (in Russian).
- Reshetnikova E.G. (2017). Institutional aspects of formation of the sphere of food consumption. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya*, 1, 4 (in Russian).
- Rogacheva O.A. (2022). Dynamics of consumption of basic foodstuffs in the Irkutsk Oblast. *System Analysis and Mathematical Modeling*, 4(2), 152–160. DOI: 10.17150/2713-1734.2022.4(2).152-160 (in Russian).
- Sergienko A.M. (2023). Changes in food consumption by the population of the Altai Territory across different stages of economic development; A methodological analysis. *Ekonomika. Professiya. Biznes=Economics Profession Business*, 1, 90–100. DOI: 10.14258/epb202310 (in Russian).
- Telyuk M.S. (2014). Personal income in relation to production and consumption of the region. *Vestnik Rossiiskogo ekon. un-ta im. G.V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku*, 3–4(10), 19–23 (in Russian).
- Ternovaya L.O. (2021). Consumer culture from the perspective of the history of consumer cooperation. *Kul'tura mira*, 9(S4), 24–36 (in Russian).
- Tkachenko O.V. (2012). Factors of consumer behavior formation on the regional pharmaceutical market of Russia: Experience of sociological research. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2 (in Russian).

- Zezza A., Carletto C., Fiedler J.L., Gennarib P., Dean J. (2017). Food counts. Measuring food consumption and expenditures in household consumption and expenditure surveys (HCES). Introduction to the special issue. *Food Policy*, 72, 1–6.
- Zhilina E.V., Khanova I.M. (2023). Clustering of Russian regions by consumption of basic foodstuffs. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii)=Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*, 2(59), 9–15. DOI: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.8

УДК 332.05 | ББК 65.04

© Самарина В.П., Скуфьина Т.П.

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ



ВЕРА ПЕТРОВНА САМАРИНА

Мурманский филиал РАНХиГС

Мурманск, Российская Федерация

ORCID: [0000-0002-8901-5844](https://orcid.org/0000-0002-8901-5844); ResearcherID: [M-7140-2019](https://orcid.org/M-7140-2019)

e-mail: samarina_vp@mail.ru



ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА СКУФЬИНА

Мурманский филиал РАНХиГС

Мурманск, Российская Федерация

ORCID: [0000-0001-7382-3110](https://orcid.org/0000-0001-7382-3110); ResearcherID: [W-9356-2019](https://orcid.org/W-9356-2019)

e-mail: skufina@gmail.com

В статье на основе анализа статистических данных Архангельской области за период 2017–2023 гг. и оценки сложившейся ситуации рассмотрена динамика заработной платы – основного источника дохода населения региона; выявлен устойчивый рост среднемесячной начисленной заработной платы с ускорением темпов в последние годы. Проведенный анализ определил существенную отраслевую дифференциацию в оплате труда; выявлены отстающие и опережающие отрасли по этому показателю. Проведено сравнительное исследование динамики прироста заработной платы, региональной инфляции, валового регионального продукта и производительности труда в Архангельской области; определена согласованность показателей региона с общероссийскими значениями. На основе комплекса авторских относительных показателей раскрыты в динамике экономические характеристики Архангельской области по отношению к среднему уровню по стране. Выявлены ключевые факторы, определяющие динамику, тенденции и перспективы изменения заработной платы в Архангельской области. Среди

Для цитирования: Самарина В.П., Скуфьина Т.П. (2025). Динамика и факторы изменения заработной платы в Архангельской области: тенденции и перспективы. Т. 29. № 3. С. 131–145. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.8

For citation: Samarina V.P., Skufina T.P. (2025). Dynamics and factors concerning wage changes in the Arkhangelsk Region: Trends and prospects. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 131–145. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.8

факторов роста оплаты труда основное место занимают активизация промышленности, отмеченная в последнее время, сопровождающаяся ростом ВРП, а также дефицит кадров, особенно высококвалифицированных. Неудовлетворенный и все возрастающий спрос на труд стал причиной повышения инфляции, тормозящей экономический рост в регионе и ухудшающей качество жизни его населения. С учетом выявленных тенденций и факторов сформулированы предложения по обеспечению устойчивого роста оплаты труда в регионе. К исследованию были привлечены официальные материалы сайта Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области (все расчеты проведены без учета данных Ненецкого автономного округа) и по Российской Федерации.

Заработная плата, оплата труда, инфляция, производительность труда, Архангельская область, отраслевая дифференциация, факторы роста.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование включает результаты, полученные при финансовой поддержке госзадания Мурманского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации № 7.3-2025-1 «Системные и новейшие риски, возможности, перспективы развития Арктической зоны Российской Федерации с учетом государственной политики, глобальных и национальных вызовов».

Введение

Нарастающее санкционное давление на Россию привело к появлению и усилению новых вызовов, в том числе сказывающихся на рынке труда и оплате трудовых ресурсов в регионах. Эксперты отмечают, что перестройка хозяйственных связей и ориентация прежде всего на внутренний рынок позволили российской экономике в 2023 году выйти на этап роста, который продолжился и в дальнейшем, в 2024–2025 гг. (Алексейчева и др., 2024; Порфирьев и др., 2024; Широков и др., 2024). Однако, несмотря на то, что российская экономика успешно адаптируется к изменившимся внешним и внутренним условиям, дисбалансы на рынке труда только усиливаются.

Следует предположить, что риск существенного и резкого роста безработицы в ближайшее время минимален – очевидно, значимый выброс трудовых ресурсов на рынок труда, который может породить циклическую безработицу, произойдет только в случае резкой деградации экономики, закрытия производств и снижения покупательной способности населения. Реальный и усиливающийся риск заключается в нехват-

ке трудовых ресурсов для экономики страны и ее регионов (Балацкий, Екимов, 2024; Системные и современные проблемы..., 2024). На фоне усложнения производственных процессов, цифровизации экономики особенно резко выросла потребность в квалифицированных кадрах. В этих условиях, стремясь привлечь и сохранить персонал, работодатели вынужденно повышают оплату труда.

Архангельская область, будучи одним из промышленно развитых регионов России, демонстрирует интересную, во многом противоречивую картину изменения заработной платы, которая заслуживает пристального внимания и анализа. Представляется важным определить, как тенденции изменения заработной платы в Архангельской области связаны с тенденциями изменения инфляции, валового регионального продукта и производительности труда. Выявление этих закономерностей позволит по-новому взглянуть на проблемы развития территории с позиций согласованности изменений важнейших показателей, отражающих в динамике конкретную экономическую ситуацию.

Цель исследования заключается в проведении анализа динамики заработной платы в Архангельской области в сравнении с динамикой инфляции, валового регионального продукта и производительности труда, выявлении ключевых факторов, влияющих на ее изменение, и определении перспектив развития ситуации в среднесрочной перспективе.

Цель и методология исследования обосновывают его научную новизну. Для достижения цели разработана и апробирована авторская методика, позволяющая на основе комплекса относительных показателей раскрыть экономические характеристики региона в динамике по отношению к среднему уровню по стране. Теоретическая и методологическая значимость исследования заключается в выявлении региональных особенностей изменения заработной платы в Архангельской области.

Краткий литературный обзор

Заработная плата выступает ключевым индикатором экономического благополучия и социальной стабильности региона. Ее динамика отражает не только состояние рынка труда, но и общие тенденции экономического развития территории. Такого мнения придерживаются российские исследователи (Социально-экономическая динамика ..., 2021; Насырова, 2023; Попович, 2024), китайские специалисты, изучившие влияние заработной платы на развитие различных округов Китая (Fang et al., 2021), ученые из Сербии, оценившие взаимосвязь заработной платы и экономический рост различных областей за двадцатилетний период (Radović-Stojanović et al., 2022), и другие исследователи. В связи с этим представляет интерес рассмотрение взаимосвязи заработной платы и других экономических показателей в одном из регионов России – Архангельской области.

Существуют исследования влияния уровня заработной платы на эффективность деятельности различных секторов экономики: от государственного управления (Ganiyev, 2023) и ресторанного бизнеса (Ashenfelter, Jurajda, 2022) до промышленности (Ускова и др., 2022; Прокопьев, 2023; Clark et al., 2024). Выявлено, что от разрывов в заработной плате в различных отраслях экономики зависит не только общее благосостояние территории, но и социальное равновесие общества. Это, в частности, подтверждают исследования М.П. Чилини и Л. Бородкина, оценивших влияние заработной платы на социальное неравенство различных регионов мира за период с 1960-х гг. по настоящее время (Chélini, Borodkin, 2024). Рассмотрение динамики среднемесячной заработной платы в Архангельской области по отраслям позволит ответить на вопрос, в каких из них оплата труда наиболее высокая, а в каких – низкая, а также оценить дифференциацию в уровне оплаты труда.

Проблема изучения заработной платы заключается в том, что на динамику этого показателя действует множество различных факторов. Одновременно с заработной платой изменяются и другие экономические характеристики, в том числе инфляция, валовой региональный продукт и производительность труда. Российские и зарубежные исследователи отмечают, что согласованность и тенденции изменений экономических показателей не всегда совпадают (Проскурина и др., 2023; Попович, 2024; Hamzah et al., 2021; Wulansari, 2021). Тем интереснее изучить тенденции изменений и взаимовлияние заработной платы, инфляции, валового регионального продукта и производительности труда в Архангельской области, в т. ч. по отношению к среднему уровню по стране.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использовались инструменты общенаучных методов: анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, сравнение, анализ и систематизация полученных информационных данных.

Объектом исследования стала Архангельская область – субъект Российской Федерации на европейском севере страны, индустриальный регион, основу промышленности которого составляют лесная и рыбная промышленность, судостроение. В структуре производственного сектора экономики 2/3 занимают обрабатывающие производства; продукция в основном ориентирована на местный и национальный рынки (Самарина, 2022; Ускова и др., 2022).

Динамика заработной платы оценивалась за 2017–2024 гг. – период, в котором Архангельская область, как и другие регионы России, столкнулась с наибольшими вызовами. Оценка отраслевой дифференциации заработной платы проведена по видам экономической деятельности, классифицированным согласно ОКВЭД 2. Для сравнения заработной платы с региональной инфляцией, валовым региональным продуктом (ВРП) и индексом производительности труда (рассчитывается как частное от деления индексов физического объема ВРП и изменения совокупных затрат) были рассчитаны темпы ежегодного прироста соответствующих показателей на основе цепного метода.

Для выявления региональных особенностей Архангельской области предложен комплекс авторских показателей: относительная заработная плата (ОЗП), относительная инфляция (ОИ) и относительный индекс производительности труда (ОИПТ), которые рассчитываются как отношение соответствующего регионального показателя к среднероссийскому. Показатели рассчитаны по каждому году (i) периода исследования:

$$ОЗП = \frac{ЗП_{Арх\ i}}{ЗП_{РФ\ i}}, \quad (1)$$

где:

$ЗП_{Арх\ i}$ – номинальная начисленная заработная плата в Архангельской области в i -й год;

$ЗП_{РФ\ i}$ – номинальная начисленная заработная плата в Российской Федерации в i -й год.

$$ОИ = \frac{И_{Арх\ i}}{И_{РФ\ i}}, \quad (2)$$

где:

$И_{Арх\ i}$ – инфляция в Архангельской области в i -й год;

$И_{РФ\ i}$ – инфляция в Российской Федерации в i -й год.

$$ОИПТ = \frac{ИПТ_{Арх\ i}}{ИПТ_{РФ\ i}}, \quad (3)$$

где:

$ИПТ_{Арх\ i}$ – индекс производительности труда Архангельской области в i -й год;

$ИПТ_{РФ\ i}$ – индекс производительности труда Российской Федерации в i -й год.

Предложенные показатели раскрывают экономические характеристики Архангельской области в динамике по отношению к среднему уровню по стране.

Для выявления схожести или отличия тенденций изменения рассчитаны соответствующие коэффициенты корреляции между региональными и национальными показателями: для заработной платы и инфляции $k_{зп}$; для инфляции $k_{и}$; для индекса производительности труда $k_{ипт}$.

К исследованию были привлечены официальные материалы сайта Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области (все расчеты проведены без учета данных Ненецкого автономного округа) и по Российской Федерации.

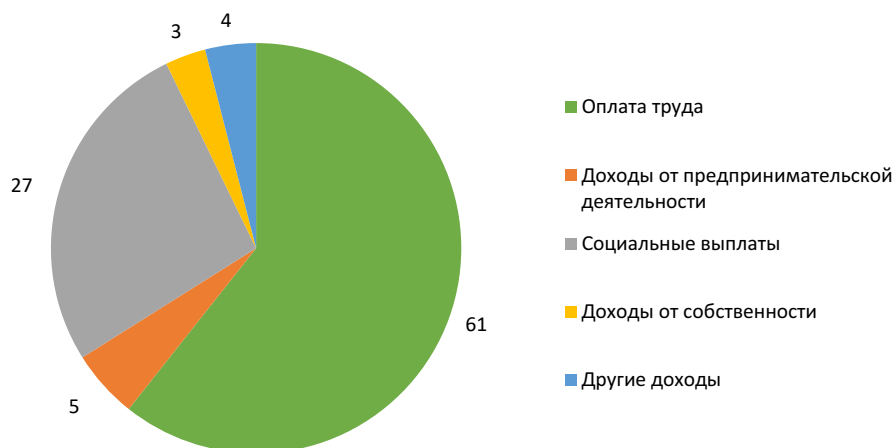


Рис. 1. Структура денежных доходов населения Архангельской области в 2023 году, %

Источник: Среднедушевые денежные доходы населения // Росстат. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/employment111>

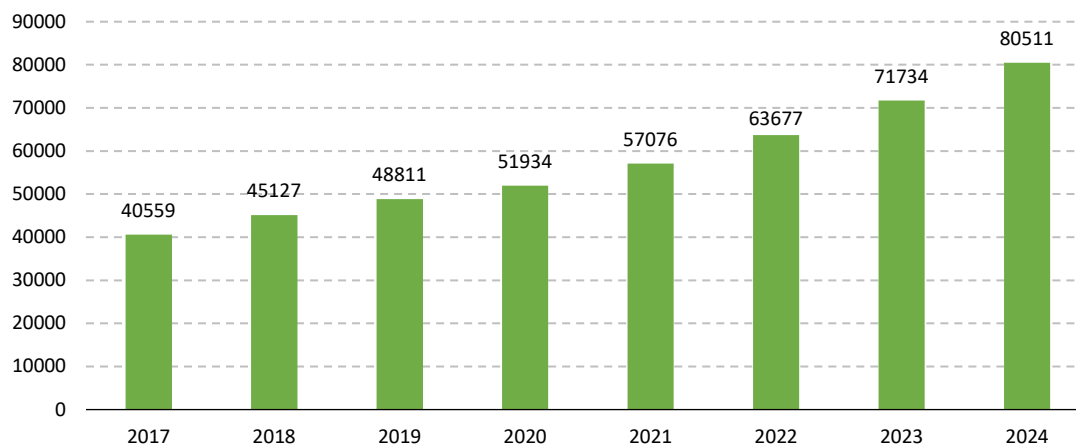


Рис. 2. Среднемесячная заработная плата на одного работника в Архангельской области за 2017–2024 гг., руб.

Источник: Рынок труда и занятость населения Архангельской области: основные показатели // Росстат. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/employment111>

Результаты исследования

Оценка динамики изменения заработной платы в Архангельской области с выявлением отраслевой дифференциации

Оплата труда составляет 61% всех денежных доходов населения Архангельской области, значительно опережая остальные статьи доходов. Это подчеркивает важность анализа динамики заработной платы для рассмотрения общего социально-экономического уровня в регионе и благосостояния его населения (рис. 1).

В Архангельской области наблюдается устойчивый рост среднемесячной начисленной заработной платы с ускоре-

нием темпов в последние годы (рис. 2). Средняя номинальная начисленная заработная плата в регионе увеличилась с 40559 руб. в 2017 году до 80511 руб. в 2024 году, продемонстрировав рост практически в два раза за период исследования. Такая динамика может быть обусловлена рядом факторов, включая инфляционные процессы, а также меры государственной поддержки.

Анализ заработной платы по видам экономической деятельности в Архангельской области выявляет значительную отраслевую дифференциацию по этому показателю (табл. 1).

Таблица 1. Динамика среднемесячной заработной платы в Архангельской области по отраслям за 2017–2024 гг.

Отрасль	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.								Откл. от средней в 2024 году, %	Прирост 2017–2024 гг., тыс. руб.
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024		
Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	44,7	50,7	54,0	58,0	67,5	76,8	82,3	92,9	15,4	48,2
Добыча полезных ископаемых	77,3	74,9	78,2	88,8	99,7	116,5	123,7	131,5	41,6	54,2
Обрабатывающие производства	53,6	55,5	60,7	62,5	68,9	75,4	82,9	91,4	-30,5	37,9
Строительство	38,9	40,4	44,8	52,0	62,5	63,0	72,0	75,1	31,4	36,3
Торговля	24,8	29,0	31,5	34,1	39,2	44,9	51,5	60,5	-19,5	35,7
Транспортировка и хранение	46,2	52,3	56,9	59,2	65,8	76,3	85,7	99,8	65,0	53,6
Деятельность гостиниц	23,7	22,5	25,2	26,3	31,0	36,4	42,4	45,4	-54,5	21,7
Деятельность финансовая	64,0	70,8	60,0	60,2	65,6	75,7	91,0	106,3	25,8	42,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	35,4	47,4	50,2	54,0	68,3	77,8	86,6	92,3	68,4	56,8
Государственное управление	48,2	55,2	57,1	60,5	65,1	70,1	84,0	94,6	72,5	46,3
Образование	28,5	32,8	35,8	38,7	42,7	47,2	52,6	59,3	-37,3	30,9
Здравоохранение	31,9	40,1	44,0	51,4	50,8	57,3	63,2	71,1	19,8	39,2
Культура, спорт	33,3	39,7	42,1	44,1	47,7	52,2	59,7	64,7	-9,0	31,4
Средняя	40,6	45,1	48,8	51,9	57,1	63,7	71,7	80,5	0	40,0

Рассчитано по: данные Росстата по Архангельской области.

Данные таблицы 1 демонстрируют, что наиболее высокооплачиваемой в регионе является деятельность, не связанная с получением вещественного, материального продукта: государственное управление (в 2024 году заработная плата по этому виду деятельности на 72,5% превышала среднюю зарплату; за семь лет увеличилась на 46,3 тыс. руб.); деятельность профессиональная, научная и техническая (превышение средней заработной платы в 2024 году составило 68,4%; рост за семь лет 56,8 тыс. руб. – наибольший в Архангельской области). Стабильно высокая заработная плата в секторе государственного управления отмечается также в других регионах России и в некоторых странах на постсоветском пространстве (Прокопьев, 2023; Ganiyev, 2023).

Среди отраслей реального сектора экономики лучшие показатели демонстриру-

ют транспортировка и хранение (превышение средней заработной платы в 2024 году составило 65,0%; рост за семь лет 53,6 тыс. руб.); добыча полезных ископаемых (в 2024 году заработная плата в отрасли на 41,6% превышала среднюю зарплату; рост за семь лет 54,2 тыс. руб.); строительство (превышение средней заработной платы в 2024 году составило 31,4%; рост за семь лет 36,3 тыс. руб.).

Среди отраслей с наименьшей оплатой труда находится обрабатывающее производство (отставание от средней заработной платы в 2024 году составило 30,5%; рост за семь лет 37,9 тыс. руб.), образование (отставание от средней заработной платы в 2024 году составило 37,3%; рост за семь лет 30,9 тыс. руб.), культура и спорт (отставание от средней заработной платы в 2024 году составило 9,0%; рост за семь лет 31,4 тыс. руб.).

Худшая ситуация с оплатой труда отмечается в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность которых наиболее пострадала от кризиса, вызванного пандемией коронавируса (отставание от средней заработной платы в 2024 году составило 54,5%; рост за семь лет 21,7 тыс. руб. – наименьший в Архангельской области).

Таким образом, новые вызовы деятельности регионального трудового рынка, связанные с возрастанием неудовлетворенного спроса на труд, особенно высококвалифицированный, в разрезе конкретных отраслей проявляются по-разному. Как видно, разрыв между наиболее и наименее оплачиваемыми видами деятельности весьма существенен. Для реальных секторов экономики это может быть обусловлено высокой добавленной стоимостью продукции и услуг в высокооплачиваемых отраслях; общей причиной выступает способность или неспособность работодателей оплачивать труд высококвалифицированных специалистов, потребность в которых встала особенно остро в последние годы.

Помимо выявленной отраслевой дифференциации оплаты труда в различных секторах экономики Архангельской области, эксперты отмечают неравенство средней заработной платы по муниципальным образованиям региона на протяжении длительного периода (Прокопьев, 2023).

Сравнительная динамика изменения заработной платы, инфляции, валового регионального продукта и производительности труда в Архангельской области

Представляет интерес сравнение темпов прироста заработной платы, инфляции, валового регионального продукта и производительности труда (табл. 2).

Анализ данных табл. 2 позволяет сделать вывод о постепенном ускорении как темпов прироста заработной платы, так и темпов прироста инфляции в регионе. При этом заработная плата, как правило, растет более быстрыми темпами, чем инфляция. Особенно заметно опережение темпов прироста заработной платы по сравнению с темпами прироста инфляции в 2017 (в 5,5 раза), 2018 (в 2,85 раза), 2019 (в 2,61 раза) годах. Рост заработной платы в эти периоды был вызван не только необходимостью корректировки наименьшей за весь период исследования инфляции, но и успехами развития региональной экономики. Начиная с 2020 года превышение темпов прироста заработной платы составляло менее полутора раз. В 2022 году, когда экономика Архангельской области столкнулась с наибольшими вызовами, темп прироста средней заработной платы практически сравнялся и даже немного отстал от темпов прироста инфляции. Индекс производительности труда в Архангельской области за период 2017–2021 гг. колебался от 106,0% (в 2017

Таблица 2. Динамика темпов прироста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, инфляции, валового регионального продукта и производительности труда в Архангельской области, 2017–2024 гг., %

Год	Заработная плата	Региональная инфляция	ВРП на душу населения	Производительность труда
2017	8,41	1,53	11,21	5,89
2018	11,26	3,95	12,56	-0,47
2019	8,16	3,13	4,27	-1,14
2020	6,40	4,73	0,28	-3,74
2021	9,90	9,57	24,19	1,59
2022	11,56	11,87	6,04	-5,88
2023	12,65	8,96	9,82	н/д
2024	12,24	8,04	8,61	н/д

Н/д – нет данных.

Рассчитано по: данные Росстата по Архангельской области.

году) до 100,4% (в 2020 году), в 2022 году опустившись до 96,0%. Темп прироста заработной платы превышал темп прироста производительности труда в 2017 году (в 1,43 раза) и в 2021 году (в 6,21 раза). При этом уровень безработицы, согласно данным РИА Рейтинг, в регионе ниже, чем в среднем по стране: в IV квартале 2024 года 1,9% в Архангельской области по сравнению с 2,3% в Российской Федерации; на поиск работы жители региона в среднем тратят 7,8 месяца¹.

Показатели ВРП на душу населения в Архангельской области демонстрируют постоянную положительную динамику. Темп прироста заработной платы превышал темп прироста ВРП на душу населения в наиболее критичные годы, когда экономика региона сталкивалась с наиболее сильными проблемами. Так, на 2019–2022 гг. пришелся кризис, вызванный пандемией коронавируса – темп прироста заработной платы превысил темп прироста ВРП на душу населения в 1,91 и 22,89 раза соответственно. На 2022–2024 гг. пришелся кризис, вызванный санкциями против Российской Федерации – темп прироста заработной платы превысил темп прироста ВРП на душу населения

в 1,91 раза в 2022 году, в 1,92 раза – в 2023 году и в 1,42 раза – в 2024 году. Существует мнение, что рост заработной платы положительно сказывается на экономических показателях, повышая покупательную способность населения, а значит и спрос, что увеличивает ВВП и снижает инфляцию (Проскурина и др., 2023). Однако это не так. Более высокий прирост заработной платы по сравнению с приростом валового регионального продукта образует избыточный спрос, который способствует росту цен на продукцию, услуги, работы, выполняемые в регионе.

Региональные особенности динамики заработной платы

Для выявления региональных особенностей динамики заработной платы в Архангельской области был предложен комплекс авторских показателей, рассчитанных по формулам (1)–(3), позволяющих раскрыть экономические характеристики региона в динамике по отношению к среднему уровню по стране: относительная заработная плата (ОЗП), относительная инфляция (ОИ) и относительный индекс производительности труда (ОИПТ; табл. 3).

Таблица 3. Относительные показатели Архангельской области, 2017–2024 гг.

Год	ОЗП	ОИ	ОИПТ
2017	1,04	0,61	1,04
2018	1,03	1,11	1,02
2019	1,02	0,83	1,02
2020	1,01	1,19	1,01
2021	1,00	1,18	0,98
2022	0,97	0,94	0,99
2023	0,96	1,34	н/д
2024	0,92	0,94	н/д
Коэффициент корреляции между региональными и национальными показателями	0,998	0,946	0,826
Н/д – нет данных. Рассчитано по: данные Росстата по Архангельской области и Российской Федерации.			

¹ Рейтинг российских регионов по безработице // Центр экономических исследований «РИА Рейтинг». URL: <https://ria.ru/20250310/rejting-2002847363.html>; уровень безработицы определен по данным Росстата как отношение численности безработных (по данным МОТ) к численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше.

Исследования относительных показателей выявили, что среднемесячная начисленная заработная плата в Архангельской области в 2017–2020 гг. была выше, чем в среднем по России, в 2021 году с ней сравнялась, а с 2022 года стала отставать, сильнее с каждым годом. Тенденции изменений среднемесячной оплаты труда в Архангельской области и в Российской Федерации практически совпадают: коэффициент корреляции $k_{зп} = 0,9998$. Интересно, что региональный индекс производительности труда демонстрировал схожие тенденции: превышал российские показатели в 2017–2020 гг., а затем отставал от них. Коэффициент корреляции между региональными и национальными показателями индекса производительности труда меньше, чем прочие, но достаточно высок: $k_{ипт} = 0,826$. Таким образом, тенденции, отмеченные в Архангельской области, в целом совпадают с общероссийскими тенденциями.

Ситуация с инфляционными процессами иная. Региональная инфляция то опережала, то отставала от российской: наибольшее отставание отмечено в 2023 году ($ОИ_{2023} = 1,34$), наибольшее превышение – в 2017 году ($ОИ_{2017} = 0,61$). Связь относительной инфляции с другими относительными показателями не выявлена. Коэффициент

корреляции между региональными и национальными показателями инфляции высок: $k_{и} = 0,946$.

Факторы, влияющие на изменение заработной платы

На изменение заработной платы в Архангельской области оказывает влияние комплекс факторов, которые можно разделить на экономические, социальные и институциональные.

Экономические факторы включают структуру экономики региона, производительность труда, инвестиционную активность и инфляционные процессы. Архангельская область характеризуется развитой промышленностью, что создает основу для формирования высокооплачиваемых рабочих мест. После спада, вызванного пандемией коронавируса, промышленное производство в регионе в 2021 году начало восстанавливаться, особенно добыча полезных ископаемых – прирост промышленного производства в отрасли составил 23,9%. Снижение активности промышленного производства в 2022–2023 гг., вызванное геополитическими причинами, постепенно преодолевается – в 2024 году прирост промышленного производства составил 7,2%, прирост в отрасли «Обрабатывающие производства» – 9,5%, «Добыча полезных ископаемых» – 1,8% (рис. 3).

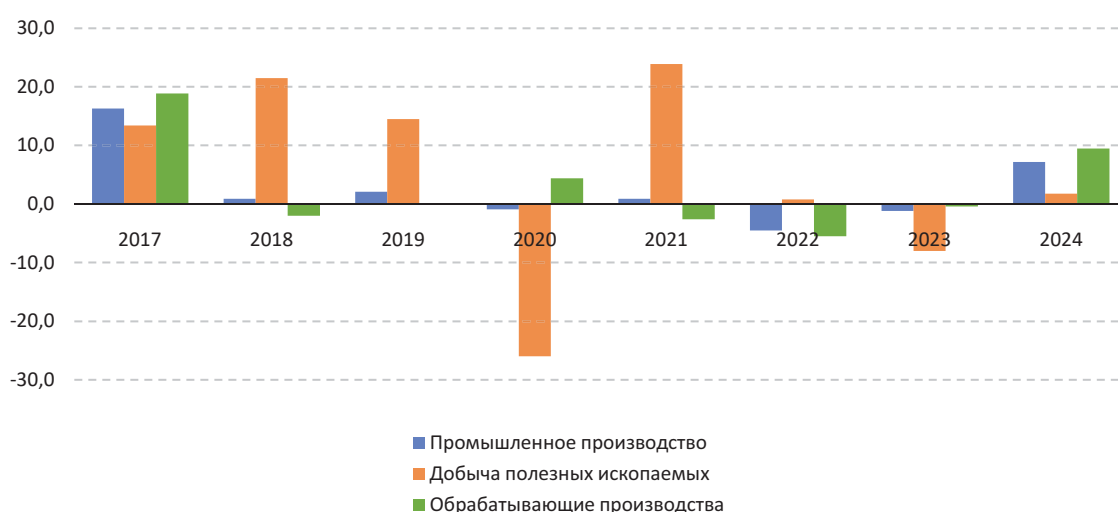


Рис. 3. Прирост индексов промышленного производства в Архангельской области за 2017–2024 гг., %

Источник: Промышленное производство // Росстат. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/production11001>

Выявленная в 2024 году активизация промышленности, сопровождающаяся ростом ВРП (см. табл. 2), создает предпосылки для повышения заработной платы. При этом активизация промышленности накладывается на сокращение рабочей силы и численности занятых (рис. 4). В результате наблюдается дефицит кадров, особенно высококвалифицированных: в 2024 году количество вакансий ежемесячно в среднем увеличивалось на 18,25% по сравнению с предыдущим годом; при этом в сфере информационных технологий – на 13,08%, медицины и фармацевтики – на 18,73%². Необходимость привлечения и закрепления персонала неизбежно и ожидаемо приводит работодателей к необходимости повышения заработной платы.

Социальные факторы включают уровень образования и квалификации работников, демографическую ситуацию и миграционные процессы. Повышение образовательного уровня населения и рост числа высококвалифицированных специалистов создают предпосылки для роста заработной платы.

Институциональные факторы охватывают государственную политику в сфере оплаты труда, развитие социального партнерства и нормативно-правовую базу. Меры по повышению минимального размера оплаты труда (МРОТ) и заработной платы бюджетников оказывают существенное влияние на общий уровень оплаты труда в регионе. Подтверждением тому являются высокие заработные платы, существенно превышающие средние по региону, в государственном управлении и деятельности профессиональной, научной, технической (см. табл. 1).

Положительным фактором для населения, но сдерживающим для роста заработной платы является невысокая и постоянно снижающаяся безработица: в IV квартале 2024 года в Архангельской области ее уровень составил 2,3%, снизившись на 3,3% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года; в Российской Федерации уровень безработицы в IV квартале 2024 года составил 2,3%, снизившись на 0,6% по сравнению с IV кварталом 2023 года³.

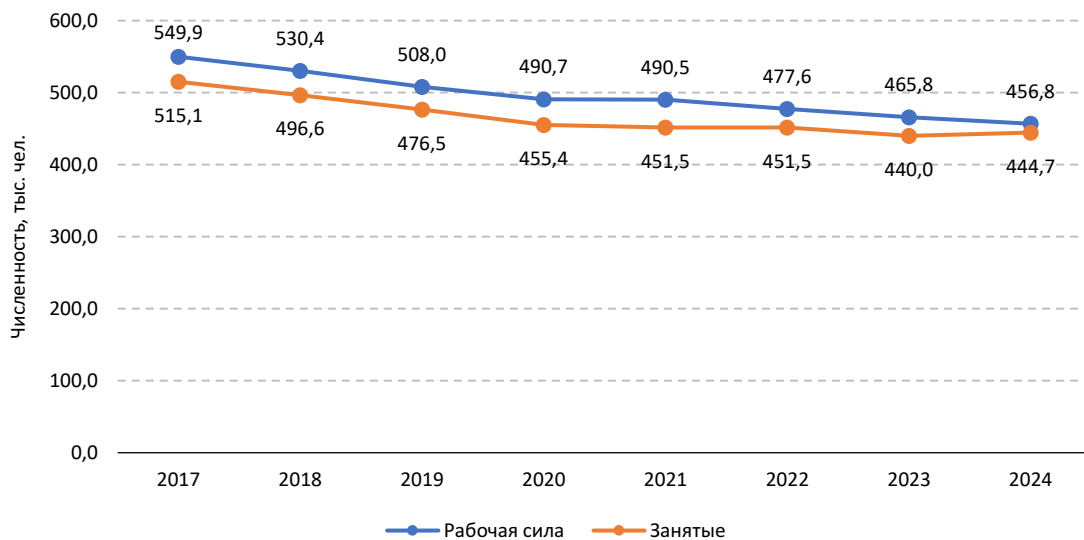


Рис. 4. Динамика рабочей силы и занятых в Архангельской области за 2017–2024 гг., тыс. чел.

Источник: Рынок труда и занятость населения // Росстат. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/employment11001>

² Рассчитано по данным аналитической службы «hh-статистика». URL: https://stats.hh.ru/arkhangelsk_oblast?vacanciesProfArea=medicine

³ Рейтинг российских регионов по безработице // Центр экономических исследований «РИА Рейтинг». URL: <https://ria.ru/20250310/reuting-2002847363.html>; уровень безработицы определен по данным Росстата как отношение численности безработных (по данным МОТ) к численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше.

Анализ текущих тенденций и факторов, влияющих на динамику заработной платы в Архангельской области, позволяет сформулировать ряд прогнозов относительно перспектив ее изменения в среднесрочной перспективе.

1. Продолжение роста номинальной заработной платы. По оценкам аналитиков Банка России, ежегодный рост заработной платы в РФ может составить 2,5–3% в ближайшие 3 года⁴; наши исследования показали практически 100% схожесть тенденций изменения заработной платы в Архангельской области и в стране, подтвержденную коэффициентом корреляции $k = 0,998$.

2. Усиление дифференциации по отраслям. Вероятно сохранение и возможное усиление разрыва в оплате труда между высокотехнологичными и традиционными отраслями экономики; в случае соответствующих программ поддержки заработной платы в государственном управлении и деятельности профессиональной, научной, технической будут превышать заработную плату в секторе реальной экономики.

3. Повышение заработной платы в социальной сфере. Ожидается реализация целенаправленных мер по повышению оплаты труда в образовании, здравоохранении и других социально значимых отраслях.

4. Влияние цифровизации. Развитие цифровых технологий может привести к росту заработных плат в IT-секторе и смежных областях.

Заключение

Значимость заработной платы для экономики региона и благосостояния его населения объясняется тем, что в структуре денежных доходов жителей Архангельской области в 2023 году ее доля составляла 61%. Проведенный анализ динамики и факторов изменения заработной платы в Архангельской области выявил устойчивую

тенденцию роста номинальной заработной платы при сохранении значительной дифференциации между различными секторами экономики. Эта ситуация отражает как общероссийские тренды, так и специфику экономического развития региона.

Основными факторами роста заработной платы выступают активизация промышленности, сопровождающаяся ростом ВРП на душу населения, а также сокращение рабочей силы и численности занятых, дефицит кадров, особенно высококвалифицированных. Неудовлетворенный и все возрастающий спрос на труд стал причиной роста инфляции, тормозящей экономический рост в регионе и ухудшающей качество жизни населения. Негативное влияние этого фактора на социально-экономическое развитие Архангельской области как минимум в среднесрочной перспективе сохранится. Отметим, что такая ситуация наблюдается в условиях, когда безработица в регионе очень низкая и предложение труда остается стабильным.

Крайне негативным моментом является отставание оплаты труда в обрабатывающем производстве. По оценкам Банка России, именно в обрабатывающей промышленности сейчас происходит рост занятости⁵; таким образом, если предприятия будут не в силах повышать оплату труда, Архангельская область может выпасть из общероссийского тренда. Помимо этого, низкие зарплаты в секторе гостеприимства и, соответственно, отток персонала могут сдерживать развитие туризма, которое активно продвигается руководством Архангельской области.

Для обеспечения устойчивого роста реальных доходов населения и снижения неравенства представляется целесообразным реализовать комплекс мер, включающий стимулирование развития высокотехнологичных отраслей экономики, совершенство-

⁴ Макроэкономический опрос Банка России.

⁵ О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. Банк России. № 4 (71). 2024. Май. URL: https://cbr.ru/ec_research/mb/bulletin_24-04

вание системы профессионального образования, развитие механизмов социального партнерства и реализацию целевых программ по повышению заработной платы в социально значимых отраслях.

Реализация этих мер позволит не только обеспечить рост заработной платы, но и создаст условия для устойчивого социально-экономического развития Архангельской области в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексейчева Е.Ю., Магомедов М.Д., Сидоренко С.В. (2024). Анализ и диагностика изменений прогноза развития РФ и регионов на 2024–2026 годы // Экономические системы. Т. 17. № 1. С. 95–105. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-95-105
- Ахапкин Н.Ю. (2024). Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. С. 7–23. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_7_23
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2024). Инвестиционные приоритеты для технологического прорыва на основе эффекта масштаба // Мир новой экономики. № 18 (3). С. 17–32. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-17-32
- Насырова Г.Ф. (2023). Заработная плата, ее функции и факторы, влияющие на формирование заработной платы // Инновационная наука. № 6-1. С. 92–94.
- Попович В.Е. (2024). Факторный анализ уровня заработной платы по регионам РФ в 2022 году // Вестник молодых ученых Самарского гос. экон. ун-та. № 2 (50). С. 76–79.
- Порфирьев Б.Н., Широков А.А., Гусев М.С. (2024). Ключевые сюжеты долгосрочного социально-экономического прогноза развития российской экономики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1. С. 12–20. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-12-20
- Прокопьев Е.А. (2023). Средняя заработная плата в Северо-Западном федеральном округе: оценка территориальных диспропорций на поселенческом уровне // Регионоведение. Т. 31. № 2. С. 335–356. URL: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356>
- Проскурина Н.В., Давидян Ю.И., Верколаб А.А. (2023). Территориальная дифференциация уровня заработной платы в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. № 4 (153). С. 302–306. DOI: 10.34925/EIP.2023.153.4.057
- Самарина В.П. (2022). Региональная экономика: Северо-арктические территории России. Курск: Университетская книга. 141 с. DOI: 10.47581/2021/03.Samarina.002
- Системные и современные проблемы, риски, возможности экономического развития российской Арктики (2024): монография. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. 222 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.508.9
- Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов (2021): монография. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. 209 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7
- Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. (2022). Производственный сектор экономики северо-запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
- Широв А.А., Гусев М.С., Клепач А.Н. (2024). Эволюция стратегического целеполагания в 2008–2023 гг. и требования к макроэкономической политике в текущих условиях функционирования российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 20–33. DOI: 10.47711/0868-6351-206-20-33
- Ashenfelter O., Jurajda Š. (2022). Minimum wages, wages, and price pass-through: The case of McDonald's restaurants. *Journal of Labor Economics*, 40, S1, S179–S201. DOI: 10.1086/718190
- Chélini M.P., Borodkin L. (2024). Wages and inequalities in the global development since the 1960s. *Revue Française D'histoire Économique*, 19 (1), 10–31. DOI: 10.3917/rfhe.019.0010

- Clark A.E., Cotofan M., Layard R. (2024). Do wages underestimate the inequality in workers' rewards? The joint distribution of job quality and wages across occupations. *Economica*, 91 (362), 497–546. DOI: 10.1111/ecca.12516
- Fang T., Gunderson M., Lin C. (2021). The impact of minimum wages on wages, wage spillovers, and employment in China: Evidence from longitudinal individual-level data. *Review of Development Economics*, 25 (2), 854–877. DOI: 10.1111/rode.12741
- Ganiyev B.Z. (2023). The extent to which nominal wage determines employment in public sector: In Uzbekistan's case. *Economy and Entrepreneurship*, 12 (161), 414–417. DOI: 10.34925/EIP.2023.161.12.083
- Hamzah I.N., Firmansyah F., Parewangi A.M.A. (2021). Minimum wages, relative wages, and productivity: An empirical analysis on Indonesia food and beverage industry. *Universal Journal of Accounting and Finance*, 9 (1), 33–43. DOI: 10.13189/ujaf.2021.090104
- Radović-Stojanović J., Đerić J., Ljubojević R. (2022). Nominal and real wages in the republic of Serbia 2001–2020. *Економика*, 68 (3), 71–89. DOI: 10.5937/ekonomika2203071r
- Wulansari A.D. (2021). Indonesia's cheap wages regime: The political economy of minimum wages policy under Jokowi presidency. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14 (3), 417–444. DOI: 10.1007/s40647-021-00324-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Петровна Самарина – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Мурманский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 183038, г. Мурманск, ул. Володарского, д. 3; e-mail: samarina_vp@mail.ru)

Татьяна Петровна Скуфьина – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Мурманский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 183038, г. Мурманск, ул. Володарского, д. 3; e-mail: skufina@gmail.com)

Samarina V.P., Skufina T.P.

DYNAMICS AND FACTORS CONCERNING WAGE CHANGES IN THE ARKHANGELSK REGION: TRENDS AND PROSPECTS

The article analyzes the statistical data of the Arkhangelsk Region for the period 2017–2023 and assesses the current situation to determine the dynamics of wages – the main source of income of the region's population; it reveals the steady growth of average monthly accrued wages with accelerating rates in recent years. The analysis has identified a significant sectoral differentiation in labor remuneration; we define lagging and outperforming industries. We carry out the comparative study of the dynamics of wage growth, regional inflation, gross regional product and labor productivity in the Arkhangelsk Region, and determine the consistency of the region's indicators with the national values. We reveal the economic characteristics of the Arkhangelsk Region in dynamics in relation to the average level in the country on the basis of a set of our relative indicators. The paper identifies the key factors determining the dynamics, trends and prospects of changes in wages in the Arkhangelsk Region, among the wage growth factors, the main place is occupied by the recent industrial activation, accompanied by the growth of GRP, as well as the shortage of personnel, especially highly qualified. Unsatisfied and ever-increasing demand for labor became the cause of inflation growth, which hinders economic growth in the region and worsens the quality of life of its population. Taking into account

the identified trends and factors, we formulate proposals to ensure sustainable growth of labor remuneration in the region. The study involved official materials of the website of the Department of the Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region (all calculations were made without taking into account the data of the Nenets Autonomous Area) and for the Russian Federation.

Wages, labor remuneration, inflation, labor productivity, Arkhangelsk Region, sectoral differentiation, growth factors.

REFERENCES

- Akhapkin N.Yu. (2024). Structural dynamics of the Russian labor market: Effects of sanctions restrictions. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 6, 7–23. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_7_23 (in Russian).
- Alekseicheva E.Yu., Magomedov M.D., Sidorenko S.V. (2024). Analysis and diagnostics of changes in the forecast of the development of the Russian Federation and regions for 2024–2026. *Ekonomicheskie sistemy=Economic Systems*, 17(1), 95–105. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-95-105 (in Russian).
- Ashenfelter O., Jurajda Š. (2022). Minimum wages, wages, and price pass-through: the case of Mcdonald's restaurants. *Journal of Labor Economics*, 40(S1), S179–S201. DOI: 10.1086/718190
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2024). Investment priorities for technological breakthroughs based on scale effect. *Mir novoi ekonomiki*, 18(3), 17–32. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-3-17-32 (in Russian).
- Chélini M.P., Borodkin L. (2024). Wages and inequalities in the global development since the 1960s. *Revue Française D'histoire Économique*, 19(1), 10–31. DOI: 10.3917/rfhe.019.0010
- Clark A.E., Cotofan M., Layard R. (2024). Do wages underestimate the inequality in workers' rewards? The joint distribution of job quality and wages across occupations. *Economica*, 91(362), 497–546. DOI: 10.1111/ecca.12516
- Fang T., Gunderson M., Lin C. (2021). The impact of minimum wages on wages, wage spillovers, and employment in China: Evidence from longitudinal individual-level data. *Review of Development Economics*, 25(2), 854–877. DOI: 10.1111/rode.12741
- Ganiyev B.Z. (2023). The extent to which nominal wage determines employment in public sector: In Uzbekistan's case. *Economy and Entrepreneurship*, 12(161), 414–417. DOI: 10.34925/EIP.2023.161.12.083
- Hamzah I.N., Firmansyah F., Parewangi A.M.A. (2021). Minimum wages, relative wages, and productivity: An empirical analysis on Indonesia food and beverage industry. *Universal Journal of Accounting and Finance*, 9(1), 33–43. DOI: 10.13189/ujaf.2021.090104
- Nasyrova G.F. (2023). Wages, their functions and factors affecting the formation of wages. *Innovatsionnaya nauka*, 6-1, 92–94 (in Russian).
- Popovich V.E. (2024). Factor analysis of salary level by Russian regions in 2022. *Vestnik molodykh uchenykh Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2(50), 76–79 (in Russian).
- Porfir'ev B.N., Shirov A.A., Gusev M.S. (2024). Key subjects of the long-term socio-economic forecast for the development of the Russian economy. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 1, 12–20. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-12-20 (in Russian).
- Prokop'ev E.A. (2023). Average wages in the North-West Federal District: An assessment of territorial disparities on a settlement level. *Regionologiya*, 31(2), 335–356. Available at: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356> (in Russian).
- Proskurina N.V., Davidyan Yu.I., Verkolab A.A. (2023). Territorial differentiation of wage levels in the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 4(153), 302–306. DOI: 10.34925/EIP.2023.153.4.057 (in Russian).

- Radović-Stojanović J., Đerić J., Ljubojević R. (2022). Nominal and real wages in the republic of Serbia 2001–2020. *Ekonomika*, 68(3), 71–89. DOI: 10.5937/ekonomika2203071r
- Samarina V.P. (2022). *Regional'naya ekonomika: Severo-arkticheskie territorii Rossii* [Regional Economics: North Arctic Territories of Russia]. Kursk: Universitetskaya kniga. DOI: 10.47581/2021/03.Samarina.002 (in Russian).
- Shirov A.A., Gusev M.S., Klepach A.N. (2024). Evolution of strategic goal setting in 2008–2023 and requirements for macroeconomic policy in the current operating conditions of the Russian economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 20–33. DOI: 10.47711/0868-6351-206-20-33 (in Russian).
- Sistemnye i sovremennye problemy, riski, vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiya rossiiskoi Arktiki: Monografiya* [Systemic and Contemporary Problems, Risks, and Opportunities of Economic Development of the Russian Arctic: Monograph]. (2024). Apatity: Izdatel'stvo KNTs RAN. DOI: 10.37614/978.5.91137.508.9 (in Russian).
- Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiiskoi Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'evykh faktorov: Monografiya* [Socio-Economic Dynamics and Development Prospects of the Russian Arctic Taking into Account Geopolitical, Macroeconomic, Environmental and Mineral Resource Factors: Monographs]. (2021). Apatity: Izdatel'stvo KNTs RAN. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7 (in Russian).
- Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. (2022). The manufacturing sector of the economy of Northwest Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(6), 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1 (in Russian).
- Wulansari A.D. (2021). Indonesia's cheap wages regime: The political economy of minimum wages policy under Jokowi presidency. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14(3), 417–444. DOI: 10.1007/s40647-021-00324-8

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vera P. Samarina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Murmansk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (3, Volodarsky Street, Murmansk, 183038, Russian Federation; e-mail: samarina_vp@mail.ru)

Tatiana P. Skufina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Murmansk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (3, Volodarsky Street, Murmansk, 183038, Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАРТ 2025 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Согласно предварительным данным Минэкономразвития России, российская экономика в I квартале 2025 года продемонстрировала увеличение ВВП на 1,7% после прироста в I квартале 2024 года на 5,4% (рис. 1).

Динамика индекса деловой активности в промышленности страны отражает ухудшение ожиданий бизнеса: в апреле 2025 года индекс предпринимательской уверенности в обрабатывающей и добывающей промышленности составил 1,9 и 0,4 соответственно (годом ранее – 6,8 и 4,2 соответственно; рис. 2). Предпринимательские оценки ожидаемого изменения выпуска в ближайшие 3 месяца также продемонстрировали снижение относительно уровня апреля 2024 года.

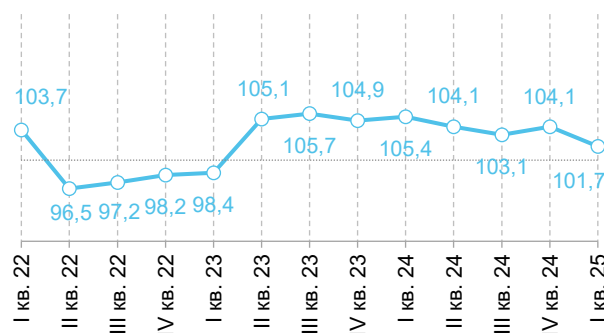


Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Для цитирования: Сидоров М.А., Лукин Е.В. (2025). Мониторинг экономики: март 2025 года // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 146–159. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.9

For citation: Sidorov M.A., Lukin E.V. (2025). Monitoring of the economy: March of 2025. *Problems of Territory's Development*, 29 (3), 146–159. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.9

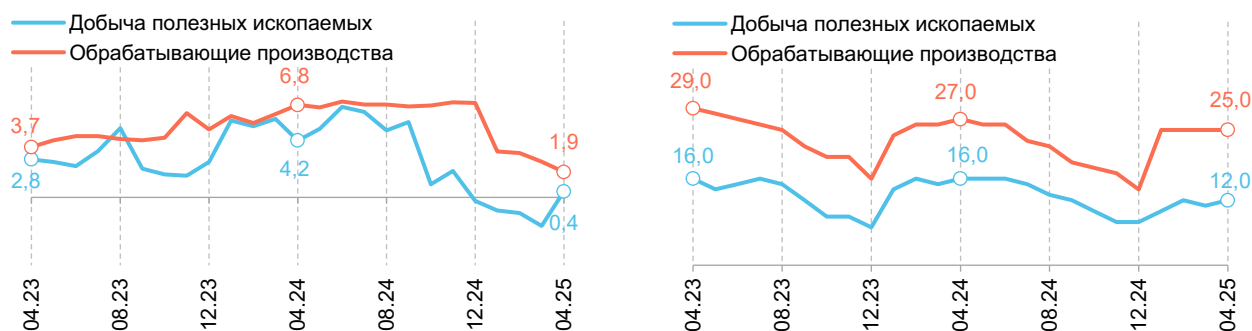


Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности (слева) и оценка ожидаемого в ближайшие 3 месяца изменения спроса на продукцию организаций (справа), %



Рис. 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – марте 2025 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – марту 2024 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входит растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – марте 2024 года, % к январю – марту 2023 года.

1. Производство валового продукта

В январе – марте 2025 года¹ прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности отмечен в половине федеральных округов, СЗФО продемонстрировал увеличение выпуска на 3,2% (рис. 3). Динамика выпуска товаров и услуг была позитивной в большинстве регионов СЗФО, за исключением Ненецкого автономного округа, Мурманской и Архангельской областей, в которых значение индикатора снизилось на 13,9; 12,8 и 2,4% соответственно.

📈 **Промышленность** РФ увеличила выпуск продукции на 1,1%, в СЗФО прирост был на уровне 0,5% (табл. 1). Рост объясняется преимущественно влиянием динамики обрабатывающей индустрии, увеличение

производства продукции которой в целом по стране и в СЗФО составило 4,7 и 3,4% соответственно. Локомотивами динамики по федеральному округу в этой отрасли стали Псковская область и Санкт-Петербург – прирост производства продукции обрабатывающей промышленности в них достиг 9,4%.

📉 В то же время в ряде регионов выпуск промышленной продукции снизился, в наибольшей степени – в Ненецком автономном округе, Мурманской и Архангельской областях (на 10,9; 8 и 5,5% соответственно).

📉 Добыча полезных ископаемых в целом по стране сократилась на 3,7%, в СЗФО – на 7,1% (что стало худшим результатом среди остальных федеральных округов). Значимое влияние на динамику показателя по макро-

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – март 2025 года сопоставляется с январем – мартом 2024 года.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	99,5	105,4	101,1	-
Северо-Западный ФО	98,2	107,4	100,5	4
Псковская область	103,8	113,2	107,5	12
Санкт-Петербург	101,5	112,3	106,7	15
Новгородская область	95,3	108,9	105,8	18
Вологодская область	96,7	106,8	102,1	34
Ленинградская область	103,2	109,3	100,2	42
Калининградская область	80,2	106,3	99,2	49
Республика Карелия	98,2	99,1	97,1	59
Республика Коми	98,7	102,9	96,5	67
Архангельская область	99,9	109,8	94,5	76
Мурманская область	87,7	100,4	92,0	79
Ненецкий авт. округ	95,8	97,8	89,1	81
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	101,6	109,0	104,7	-
Северо-Западный ФО	98,7	109,3	103,4	3
Ненецкий авт. округ	92,7	87,5	114,9	5
Псковская область	105,7	109,8	109,4	13
Санкт-Петербург	102,1	113,6	109,4	13
Новгородская область	93,4	108,9	106,2	25
Республика Коми	94,1	104,3	102,1	35
Вологодская область	95,8	108,0	102,0	37
Ленинградская область	106,7	108,0	100,4	43
Калининградская область	79,1	107,2	98,7	54
Архангельская область	102,0	108,9	97,1	63
Республика Карелия	96,9	97,6	92,6	78
Мурманская область	81,0	97,3	86,8	82
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	96,9	100,6	96,3	-
Северо-Западный ФО	97,3	101,4	92,9	8
Ленинградская область	99,2	101,4	108,5	16
Псковская область	84,5	92,0	106,3	20
Республика Карелия	100,0	98,6	102,2	31
Вологодская область	88,0	96,5	99,3	38
Мурманская область	96,1	105,6	97,9	43
Республика Коми	100,0	102,8	95,1	52
Ненецкий авт. округ	95,7	97,8	88,9	68
Калининградская область	96,1	100,7	87,6	71
Новгородская область	91,7	101,4	79,3	78
Архангельская область	85,7	124,7	78,1	79
Санкт-Петербург	69,6	106,7	74,8	81

* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – марте 2025 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

региону оказало снижение выпуска добывающей промышленности в Ненецком автономном округе и Республике Коми на 11,1 и 4,9% соответственно (вклад этих субъектов в общий объем добычи полезных ископаемых по СЗФО в 2024 году составлял 74%).

В то же время отмечено увеличение добычи полезных ископаемых предприятиями Ленинградской и Псковской областей, а также Республики Карелии (на 8,5; 6,3 и 2,2% соответственно).

Отсутствие данных по добыче нефти и газа² усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что их производство существенно сократилось. Добыча угля увеличилась на 3,8% после спада на 7,8% годом ранее (рис. 4). В то же время отмечено сокращение добычи металлических руд на 4,8%.

Обрабатывающая промышленность СЗФО замедлила рост производства продукции.

Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса** СЗФО продемонстрировали негативную динамику выпуска. Так, в сфере лекарственных средств и материалов производство продукции сократилось на 3,2%, в металлургии – на 3%, в химической индустрии – на 0,3%. Значимым фактором снижения производства металлопродукции стало уменьшение ее потребления в стране.

Потребление металла в России в I квартале 2025 года сократилось на 13% из-за снижения активности в строительстве и машиностроении, сообщил гендиректор «Северстали» Александр Шевелев. Меры по охлаждению экономики, и в особенности высокая ключевая ставка, продолжали оказывать давление на всех основных потребителей металлопроката³.

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения 19.11.2024).

³ Потребление металла в РФ в I квартале упало на 13%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23744973> (дата обращения 17.05.2025).



Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – марте 2025 года, % к январю – марту 2024 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – марте 2024 года, % к январю – марту 2023 года.

▲ В то же время значение показателя в деревообрабатывающей индустрии увеличилось на 5,5%.

▲ Ряд отраслей **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса** СЗФО показал увеличение выпуска после глубокого снижения в предыдущем году. В частности, выросло производство кожи и изделий из кожи (на 35,3%), прочих готовых изделий и мебели (на 43,4 и 6,4% соответственно).

▼ В то же время в РФ и СЗФО сократилось производство одежды и напитков – на 14,1 и 11,8% соответственно.

▲ В большинстве отраслей **сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса** СЗФО выросло производство продукции. Позитивным явлением стала активизация выпуска компьютеров, электронных и оптических изделий; машин и оборудования и транспортных средств и оборудования – на 22,1; 19,0 и 6,6% соответственно.

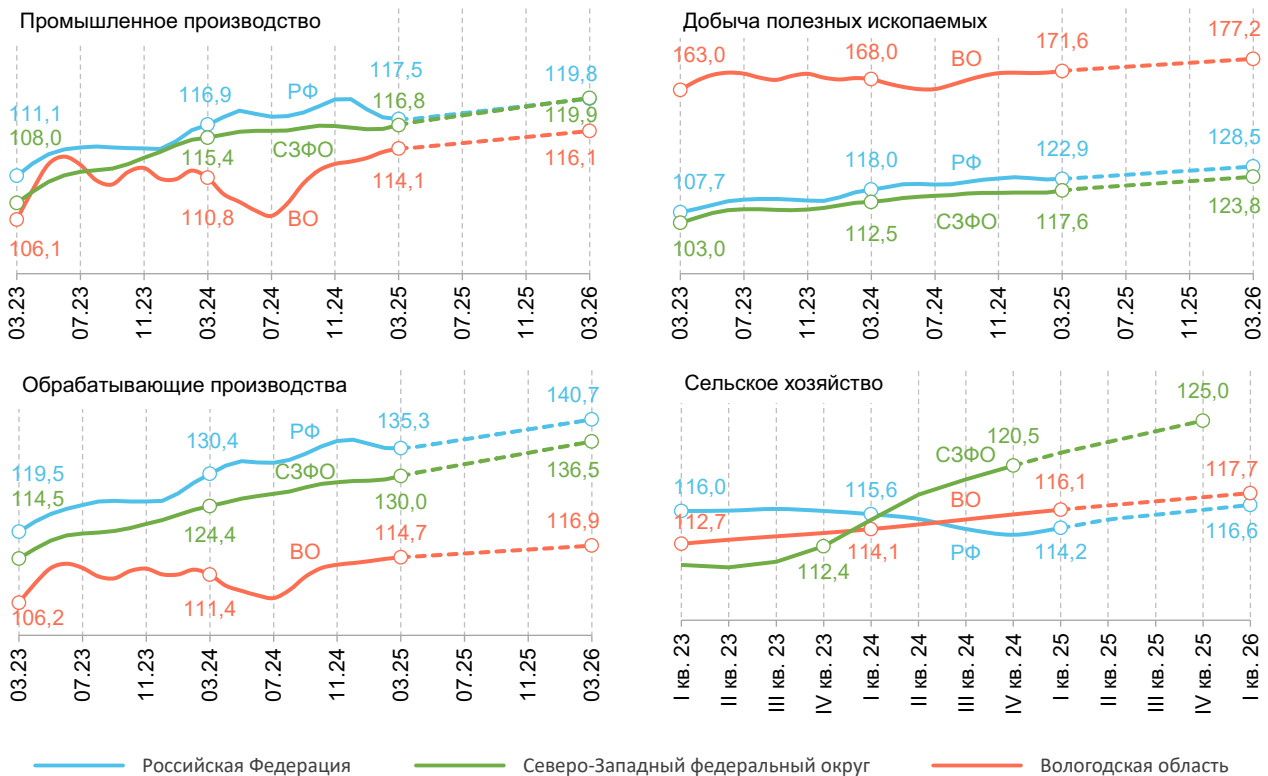
Новый научно-производственный комплекс беспилотных авиационных и морских систем открылся на предприятии «Радар ммс» в Санкт-Петербурге на площади более 4 тысяч квадратных метров. Комплекс имеет несколько цехов – сборки, металлообработки, комплексной проверки. Речь прежде всего идет о создании дронов для гражданского предназначения – геологоразведки, метеорологии, экологии и доставки различных грузов. Помимо проектирования и разработки изделия здесь же будут проходить испытания⁴.

Компания «ЦТС» (АО «НПО «Цифровые Телевизионные Системы», Калининградская область), входящая в холдинг GS Group, начала полный цикл сборки ноутбуков с производительностью 1 устройство за 2,5 минуты. Инвестиции в модернизацию производства составили 182 млн руб. На предприятии организован полный производственный процесс: от монтажа печатных плат до тестирования, сборки и упаковки готовых устройств. Мощности завода позволяют выпускать до 600 ноутбуков в сутки⁵.

При этом производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов сократилось на 8,9%, неметаллической минеральной продукции –

на 5%. Одной из причин является высокий прирост выпуска продукции этих отраслей в предыдущем году (на 124 и 10,1%).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года



⁴ Александр Беглов: Техника производства «Радар ммс» работает по всему миру и даже на Южном полюсе. URL: <https://tvspb.ru/news/2025/01/17/aleksandr-beglov-tehnika-proizvodstva-radar-mms-rabotaet-po-vsemu-miru-i-dazhe-na-yuzhnom-polyuse?ysclid=m60s60yuln418513443> (дата обращения 10.05.2025).

⁵ Встречайте – российский ноутбук родом из Гусева. URL: https://t.me/gsgroup_official/961 (дата обращения 10.05.2025).

🟢 **Сельское хозяйство** РФ нарастило выпуск продукции на 1,7% (табл. 2). В ряде субъектов СЗФО также отмечено увеличение значения этого индикатора, в частности существенно выросло производство сельскохозяйственной продукции в Новгородской области, Республике Коми и Вологодской области (на 13,9; 7,7 и 5,4% соответственно).

🔴 В то же время в Республике Карелии производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 5,7%.

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	р
Российская Федерация	102,1	101,9	101,7	-
Северо-Западный ФО	105,7	104,1	-	-
Новгородская область	114,9	87,4	113,9	-
Республика Коми	100,6	97,4	107,7	-
Вологодская область	105,5	97,9	105,4	-
Ленинградская область	103,0	100,7	101,5	-
Республика Карелия	104,3	96,9	94,3	-
Ненецкий авт. округ	101,8	107,4	-	-
Архангельская область	100,7	105,0	-	-
Калининградская область	102,4	106,0	-	-
Мурманская область	121,0	112,4	-	-
Псковская область	111,1	121,9	-	-

Ситуация на **рынке труда** изменялась разнонаправленно.

🟢 Уровень безработицы в I квартале 2025 года в России и СЗФО продолжил снижаться (до 2,3 и 2,0% соответственно; табл. 3). Наблюдаемая динамика значения индикатора по макрорегиону обусловлена позитивными изменениями почти во всех субъектах округа. Исключением стали Санкт-Петербург и Ленинградская область, значение индикатора в которых осталось на уровне прошлого года.

🔴 Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках сократился на 15,6%. Данное изменение может быть связано с временным торможением развития бизнеса, вызванным высокой ключевой ставкой. Среди субъектов

СЗФО увеличение числа зарегистрированных вакансий зафиксировано только в Ленинградской области и Ненецком автономном округе (на 22,2 и 10,7% соответственно). Существенное влияние на обобщающее изменение значения показателя по макрорегиону оказало его снижение в Санкт-Петербурге на 15,5%, также глубокий спад отмечен в Новгородской и Архангельской областях (на 40,6 и 30,5% соответственно).

Таблица 3. Динамика уровня безработицы, % от численности занятых

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	р
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	3,9	2,8	2,3	-
Северо-Западный ФО	3,2	2,4	2,0	4
Новгородская область	3,1	1,7	1,2	7
Санкт-Петербург	1,8	1,5	1,5	13
Вологодская область	3,4	3,0	1,6	16
Калининградская область	3,1	2,8	2,2	46
Псковская область	4,1	2,4	2,2	51
Мурманская область	4,8	2,6	2,3	53
Архангельская область	5,5	4,2	2,4	58
Ленинградская область	3,3	2,8	2,8	63
Республика Карелия	5,8	4,7	3,2	66
Ненецкий авт. округ	7,3	6,0	3,8	73
Республика Коми	6,7	4,9	4,2	75
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	113,5	118,4	84,4	-
Северо-Западный ФО	111,9	115,8	-	-
Ленинградская область	123,0	126,1	122,2	-
Ненецкий авт. округ	127,4	103,9	110,7	-
Вологодская область	97,2	130,0	99,3	-
Калининградская область	109,5	115,8	98,8	-
Санкт-Петербург	117,1	112,7	84,5	-
Архангельская область	107,8	122,1	69,5	-
Новгородская область	114,2	129,0	59,4	-
Республика Карелия	106,5	115,6	-	-
Республика Коми	103,2	115,5	-	-
Мурманская область	94,1	105,5	-	-
Псковская область	102,6	115,6	-	-

2. Образование доходов

Увеличение производства сопровождалось локальными улучшениями и на этапе образования доходов.

▲ **Реальные денежные доходы** населения в РФ увеличились на 7,1% (табл. 4). Годом ранее также отмечался прирост значения данного показателя (на 6,3%).

▲ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ в январе – феврале 2025 года продемонстрировал прирост на 7,1% в сопоставимых ценах после существенного снижения годом ранее (на 24,6%). В СЗФО отмечено увеличение значения показателя на 7%. Ключевыми причинами наблюдаемого изменения являются прирост предпринимательских доходов в Санкт-Петербурге почти на треть, а также низкий уровень значения индикатора в регионах в январе – феврале прошлого года.

▼ При этом в большинстве субъектов округа предпринимательские доходы снизились. В частности, в Мурманской области сальдированный финансовый результат деятельности организаций был отрицательным, также наибольшее снижение продемонстрировали Калининградская область и Республика Карелия (на 62,8 и 35,5% соответственно).

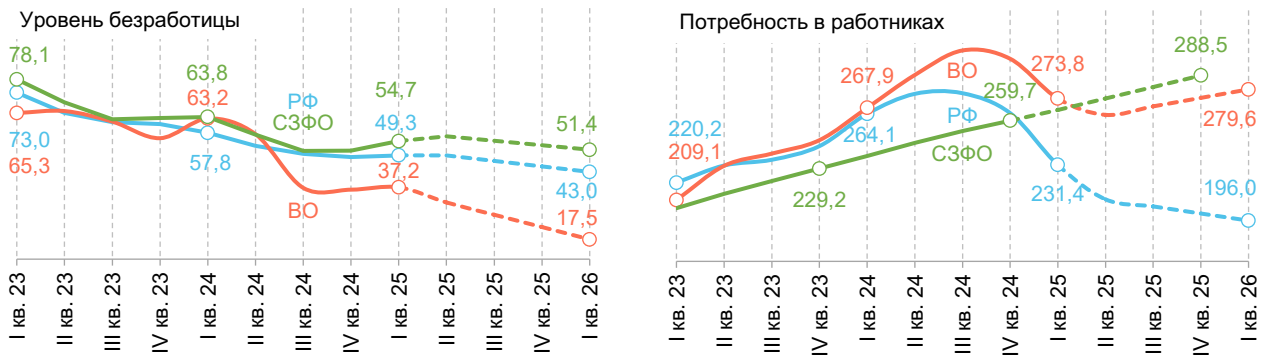
▼ **Реальные доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** Российской Федерации в январе – феврале показали снижение на 10,4%. В СЗФО снижение поступлений в казну было более существенным (на 14,5%). Наибольшее снижение значения показателя среди субъектов округа отмечено в Калининградской области (на 28,4%). Поступление налогов на доходы физических лиц в целом по стране снизилось на 7,3%, в макрорегионе – на 16,8%. В еще большей степени снизились доходы от предпринимательской деятельности: в РФ и СЗФО спад составил 26,1 и 25,2% соответственно. Наихудшим образом выглядит динамика поступлений от реализации подакцизных товаров: в РФ – снижение на 33,1%, в СЗФО – на 36,1%.

Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

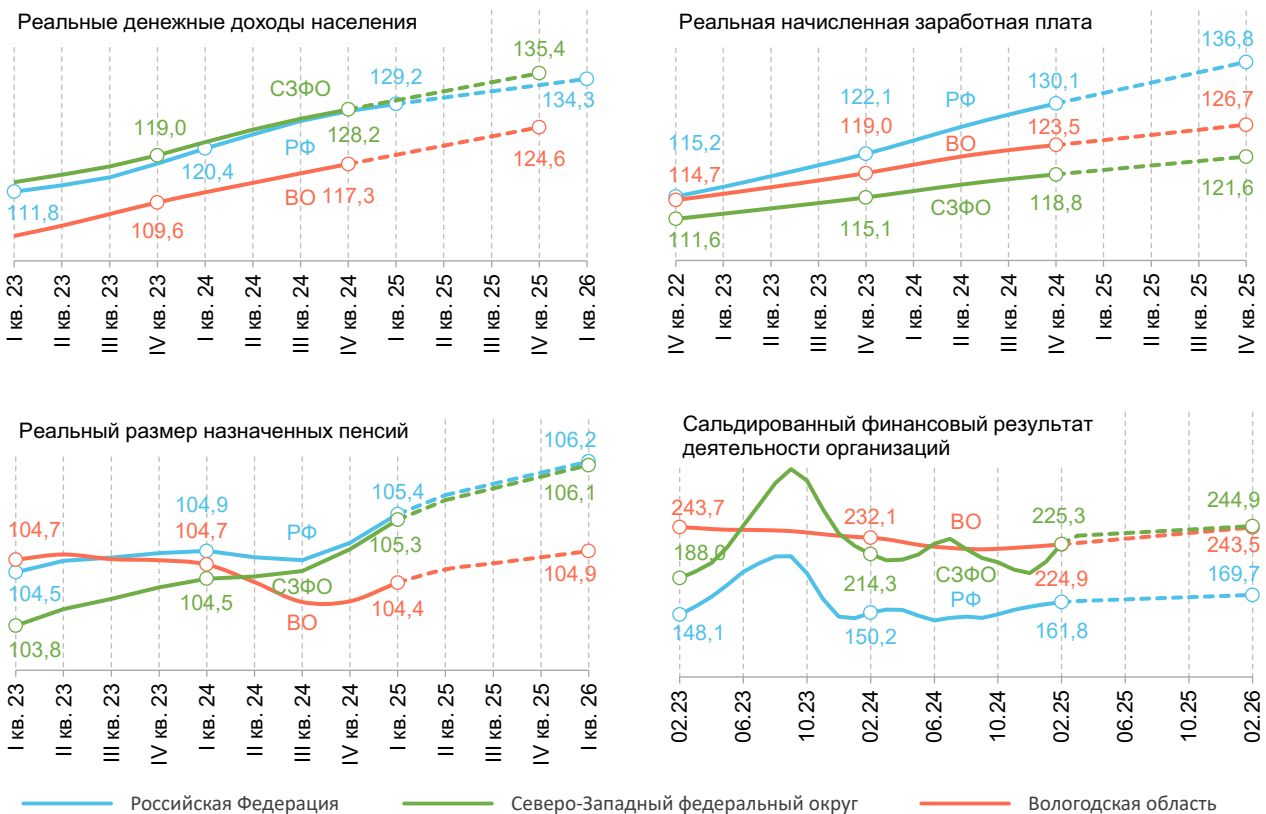
Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	Р
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	104,2	106,3	107,1	-
Северо-Западный ФО	102,9	109,8	-	-
Санкт-Петербург	102,8	111,5	-	-
Псковская область	106,1	110,9	-	-
Ленинградская область	110,1	110,8	-	-
Калининградская область	101,8	110,4	-	-
Новгородская область	105,8	108,7	-	-
Мурманская область	97,8	108,6	-	-
Республика Карелия	102,7	107,5	-	-
Вологодская область	101,4	107,0	-	-
Республика Коми	97,8	105,3	-	-
Ненецкий авт. округ	109,7	104,5	-	-
Архангельская область	101,0	103,9	-	-
Территория	2 мес. 2023 г.	2 мес. 2024 г.	2 мес. 2025 г.	Р*
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций				
Российская Федерация	148,0	75,4	107,1	-
Северо-Западный ФО	235,3	73,1	107,0	3
Республика Коми	364,6	20,0	162,3	16
Ненецкий авт. округ	1480,6	0,5	146,5	19
Санкт-Петербург	316,2	104,7	132,4	24
Псковская область	113,6	248,3	99,0	27
Архангельская область	71,4	205,4	86,2	47
Ленинградская область	195,4	79,7	85,5	48
Вологодская область	135,0	71,1	74,1	49
Новгородская область	562,1	37,3	71,8	57
Республика Карелия	70,6	5,5	64,5	59
Калининградская область	1438,7	-	37,2	73
Мурманская область	114,5	63,4	-	-
Доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда				
Российская Федерация	66,1	183,1	89,6	-
Северо-Западный ФО	54,5	224,8	84,5	-
Республика Карелия	100,7	97,4	99,0	-
Псковская область	73,2	164,7	95,4	-
Ленинградская область	69,2	163,8	95,2	-
Архангельская область	64,2	161,6	87,5	-
Ненецкий авт. округ	61,5	161,3	85,3	-
Санкт-Петербург	87,9	133,2	85,1	-
Новгородская область	49,6	218,4	85,0	-
Вологодская область	60,5	162,5	84,9	-
Республика Коми	50,9	297,5	83,9	-
Мурманская область	45,3	290,5	82,3	-
Калининградская область	49,5	279,5	71,6	-

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – феврале 2025 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Тренды развития рынка труда в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года



Тренды образования доходов в экономике в 2022–2026 гг., % к уровню 2018 года



3. Конечное использование

Вместе с ростом доходов населения зафиксировано увеличение **потребительского спроса**.

📈 **Оборот розничной торговли** в целом по России и по СЗФО продемонстрировал прирост значений индикатора в размере 3,2 и 1,5% соответственно (при этом результат СЗФО – худший среди остальных федеральных округов; табл. 5). Лидерами в макро-

регионе по увеличению оборота розничной торговли стали Вологодская и Калининградская области (на 5,9 и 5,3% соответственно). Позитивная динамика значения показателя отмечена почти во всех субъектах округа, за исключением Санкт-Петербурга (в котором снижению на 0,3% предшествовал прирост на 10,2% годом ранее) и Архангельской области, где индекс оборота розничной торговли стал худшим в стране (98%). В целом

Таблица 5. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	94,5	110,4	103,2	-
Северо-Западный ФО	96,7	108,3	101,5	8
Вологодская область	87,9	107,0	105,9	21
Калининградская область	96,8	112,1	105,3	23
Ленинградская область	97,7	107,4	104,4	29
Новгородская область	98,0	105,0	104,2	32
Республика Коми	99,2	102,6	104,1	33
Республика Карелия	97,2	109,3	102,1	58
Псковская область	93,8	113,5	101,9	59
Ненецкий авт. округ	98,4	99,7	100,5	73
Мурманская область	99,4	101,4	100,4	76
Санкт-Петербург	96,9	110,2	99,7	82
Архангельская область	96,2	101,0	98,0	85
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	105,2	103,6	102,4	-
Северо-Западный ФО	110,1	100,7	103,0	3
Ленинградская область	105,1	107,4	105,0	15
Санкт-Петербург	116,0	98,2	104,4	20
Калининградская область	106,0	109,3	103,4	27
Псковская область	103,3	104,6	101,5	47
Республика Карелия	107,1	104,9	100,7	55
Архангельская область	106,5	103,0	100,5	57
Новгородская область	100,8	100,9	100,1	62
Мурманская область	101,4	100,4	100,0	64
Республика Коми	97,9	99,7	99,4	70
Ненецкий авт. округ	97,8	103,1	98,4	76
Вологодская область	100,7	101,2	97,4	80
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	101,7	102,0	102,7	-
Северо-Западный ФО	101,9	102,1	103,2	6
Новгородская область	101,9	101,8	102,8	36
Санкт-Петербург	101,9	102,2	102,9	44
Архангельская область	102,4	101,8	103,0	52
Псковская область	101,4	101,9	103,1	56
Калининградская область	101,2	101,4	103,3	68
Республика Карелия	102,4	102,5	103,4	74
Вологодская область	101,4	101,5	103,5	78
Ленинградская область	102,2	102,6	103,5	78
Республика Коми	102,1	102,2	103,6	80
Ненецкий авт. округ	100,5	100,8	104,1	83
Мурманская область	101,0	102,3	104,4	84

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	Р
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	102,6	101,9	99,9	-
Северо-Западный ФО	101,9	103,0	102,2	8
Вологодская область	103,7	102,2	97,3	6
Республика Коми	98,1	103,2	98,2	13
Ненецкий авт. округ	97,8	99,8	99,8	23
Республика Карелия	105,7	106,2	101,1	38
Псковская область	101,9	104,4	101,3	40
Калининградская область	99,1	99,3	101,6	44
Ленинградская область	101,8	101,9	101,6	44
Мурманская область	104,8	103,4	103,0	60
Новгородская область	101,2	100,1	103,6	67
Архангельская область	95,8	106,4	103,7	68
Санкт-Петербург	102,1	104,0	111,3	83

по РФ увеличение оборота розничной торговли непродовольственными товарами составило 2,3%, продовольственными – 4,2%. В СЗФО оборот торговли непродовольственными товарами сократился на 1,3%, что во многом объясняется снижением значения индикатора в Санкт-Петербурге на 4,9%. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО вырос на 5,2%, что обусловлено увеличением значения индикатора в большинстве субъектов округа (на 0,3–8,1%) за исключением Архангельской области, где зафиксирован спад розничного оборота продовольственных товаров на 1,4%.

▲ Объем оказанных населению страны **платных услуг** увеличился на 2,4%, в СЗФО – на 3%. В большинстве субъектов округа динамика показателя была положительной, при этом в наибольшей степени объем оказанных услуг увеличился в Ленинградской области и Санкт-Петербурге (на 5 и 4,4% соответственно).

▼ Негативное влияние на обобщающий индикатор по макрорегиону оказало снижение показателя в Вологодской области, Ненецком автономном округе и Республике Коми (на 2,6; 1,6 и 0,6% соответственно).

❖ **Потребительская инфляция** в России и СЗФО ускорилась и составила 2,7 и 3,2% к декабрю предыдущего года соответственно (годом ранее потребительские цены в этих территориях выросли на 2,0 и 2,1% соответственно). Цены на продовольственные товары в целом по РФ увеличились на 3,5%, по СЗФО – на 4,0% соответственно. Цены на непродовольственные товары в целом по стране и по макрорегиону выросли в меньшей степени – на 0,8 и 1,2% соответственно. Тарифы ЖКХ в РФ увеличились на 2,1%, в СЗФО – на 1,5%.

⬆️ В целом по России **цены производителей промышленных товаров** продемонстрировали снижение на 0,1%.

❖ Негативной стороной данного явления стало то, что в его основе лежит снижение мировых цен на экспортируемые топливно-энергетические полезные ископаемые, а также снижение потребления металлопроката в стране. Так, лидерами по снижению цен на промышленные товары собственного производства стали Вологодская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ (на 2,7; 1,8 и 0,2% соответственно). В целом по СЗФО цены производителей промышленных товаров выросли на 2,2%, наибольшим стало изменение в Санкт-Петербурге (на 11,3%).

⬆️ В **строительстве** России и СЗФО отмечено увеличение объема выполненных работ на 6,9 и 5,1% соответственно (при этом данное значение стало лучшим среди остальных федеральных округов; табл. 6). Лидерами макрорегиона по увеличению показателя стали Псковская и Ленинградская области (на 66,7 и 64,5% соответственно).

❖ Негативное влияние на динамику индикатора в целом по СЗФО оказало сокращение объема выполненных строительных работ в Мурманской области, Ненецком автономном округе и Архангельской области (на 55,1; 22,1 и 5,9% соответственно).

Таблица 6. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	113,7	101,7	106,9	-
Северо-Западный ФО	102,3	96,8	115,1	1
Псковская область	60,2	107,1	166,7	9
Ленинградская область	86,9	110,3	164,5	12
Республика Коми	191,8	68,7	136,4	18
Вологодская область	128,7	104,6	127,6	26
Республика Карелия	162,9	62,2	119,8	30
Санкт-Петербург	106,8	88,2	109,4	41
Калининградская область	137,9	101,6	107,7	43
Новгородская область	76,1	181,3	102,9	49
Архангельская область	97,4	90,3	94,1	56
Ненецкий авт. округ	103,0	72,6	77,9	75
Мурманская область	73,1	130,0	44,9	82
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	98,8	101,5	108,9	-
Северо-Западный ФО	89,9	108,3	98,8	4
Мурманская область	20,8	179,4	175,3	6
Республика Коми	82,3	70,7	153,9	13
Вологодская область	106,5	108,8	150,9	19
Новгородская область	109,6	82,3	150,8	21
Ненецкий авт. округ	39,9	124,0	118,8	34
Ленинградская область	94,3	114,6	117,3	36
Республика Карелия	85,8	99,1	108,1	46
Архангельская область	101,1	115,8	95,7	58
Калининградская область	82,9	117,5	83,9	64
Санкт-Петербург	91,0	102,6	65,7	73
Псковская область	65,1	116,5	56,0	80
Объем выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	94,5	81,0	56,6	-
Северо-Западный ФО	79,8	85,7	56,6	3
Псковская область	97,0	73,1	65,6	13
Калининградская область	88,1	99,4	63,9	16
Ленинградская область	89,9	78,8	59,7	30
Новгородская область	88,2	76,3	60,0	33
Санкт-Петербург	71,0	90,6	57,4	39
Республика Коми	94,6	63,4	53,0	49
Архангельская область	88,1	96,7	51,7	55
Вологодская область	91,2	77,7	51,3	56
Республика Карелия	93,4	68,2	48,7	67
Мурманская область	90,6	81,3	47,4	70
Ненецкий авт. округ	107,9	71,7	43,7	73

▲ **Ввод жилья** в целом по РФ ускорился на 8,9% после прироста на 1,5% годом ранее.

▼ В СЗФО отмечено снижение показателя на 1,2%, что во многом объясняется сокращением ввода жилья в Санкт-Петербурге на 34,4%.

▼ **Объем выданных ипотечных кредитов** сократился на одинаковую величину в целом по стране и в СЗФО (на 43,4%). Замедление темпов ипотечного кредитования фиксируется во всех субъектах округа. Отметим, что данному явлению предшествовало снижение значения показателя в предыдущем году. При этом, согласно данным Банка России, в январе – марте 2025 года около 80–87% выдач ипотечных жилищных кредитов приходилось на программы господдержки⁶.

▲ **Реальные расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** в январе – феврале увеличились как в целом по стране, так и в СЗФО (на 7,5 и 4% соответственно; табл. 7). В субъектах округа значение индикатора изменялось разнонаправленно. Так, в Мурманской области расходы бюджета выросли почти на 20%, в Калининградской области и Республике Карелии – на 6,2 и 3,4% соответственно. В остальных субъектах макрорегиона значение показателя сократилось, больше всего в Псковской и Новгородской областях (на 16,1 и 13,9% соответственно). Расходы на здравоохранение в РФ выросли на 7,1%, в СЗФО – на 2,4%. Также в бюджете страны и СЗФО возобновился рост расходов на социальную политику – на 14,6 и 8,9% соответственно (годом ранее наблюдался спад на 4,4 и 1,7% соответственно).

Согласно данным Федеральной таможенной службы, общий объем **экспорта**

Таблица 7. Динамика государственных расходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	2 мес. 2022 г.	2 мес. 2023 г.	2 мес. 2024 г.
Расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда			
Российская Федерация	112,5	101,3	107,5
Северо-Западный ФО	112,0	104,5	104,0
Мурманская область	99,8	100,2	119,9
Калининградская область	95,9	106,8	106,2
Республика Карелия	123,2	82,3	103,4
Санкт-Петербург	99,0	104,4	99,7
Республика Коми	101,1	105,7	98,3
Архангельская область	127,4	72,1	98,3
Ленинградская область	102,8	108,1	94,0
Ненецкий авт. округ	110,5	99,0	93,8
Вологодская область	106,9	105,2	93,2
Новгородская область	82,7	116,3	86,1
Псковская область	119,9	115,9	83,9

России в стоимостном выражении сократился на 6,8%, **импорт** за то же время вырос на 0,1%. Экспорт в Европу продемонстрировал спад на 9,4%, в Азию – на 5,4%, в Африку – на 8,7%. В то же время импорт из Европы сократился на 4,4%, из Азии и Африки – увеличился на 1,3 и 31,4% соответственно. Экспорт продовольственных товаров уменьшился на 14%, импорт этой группы товаров вырос на 12,5%. Также на 14,1% сократился стоимостной объем экспорта минеральных продуктов (их доля составила 58%), импорт минеральных продуктов снизился на 20%. Экспорт машин и оборудования увеличился на 31,6%, в то же время импорт этой категории товаров снизился на 3,6%, при этом их доля составила немногим менее половины от общего объема импорта.

⁶ Банк России: Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/0325 (дата обращения 19.05.2025).

❖ **Цены на мировых рынках** на нефть снизились на 8,2%, на фосфорсодержащие удобрения – на 15,2% (табл. 8).

⬆️ В то же время природный газ подорожал на 64,7%, металлопрокат – на 0,2%.

Мировые цены на металлопродукцию демонстрируют снижение: на «плоский» прокат – на 5,9–5,4%, на «длинный» прокат – на 22,1–14,4% (табл. 9, 10). На внутреннем рынке цены также снижались: на «плоский» прокат – на 10,6–6,7%, на «длинный» металлопрокат – на 12,7–8,1%.

Таблица 8. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товар	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.
Нефть	81,8	102,0	91,8
Газ	51,6	52,0	164,7
Металлопрокат (Мет.)	77,6	97,2	100,2
Фосфатные удобрения (ФУ)	56,4	132,2	84,8

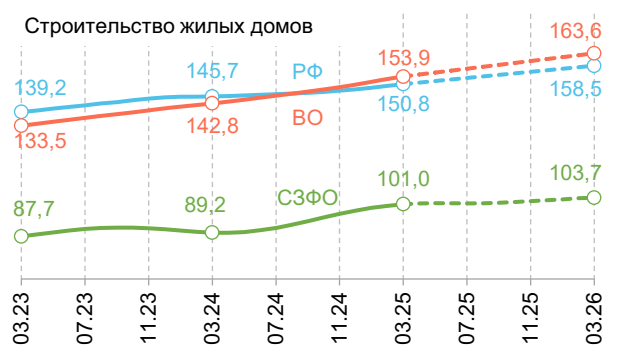
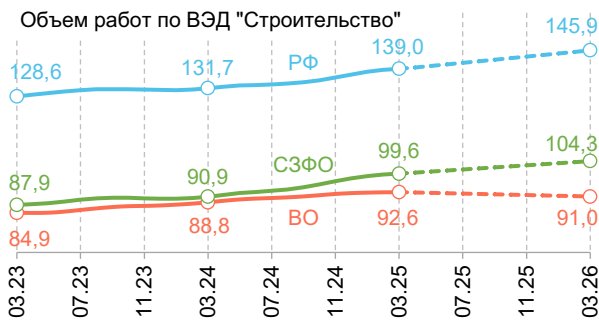
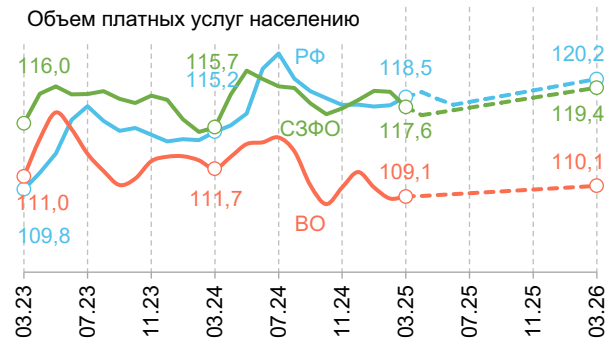
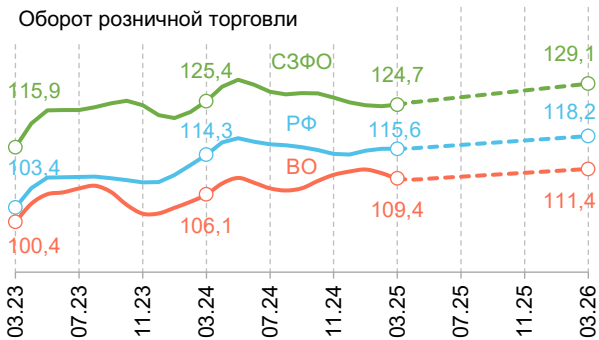
Таблица 9. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало апреля соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г., %, к	
					2024 г.	2023 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	918	800	753	94,1	82,0
Лист оцинкованный	долл. США	1000	840	795	94,6	79,5
Лист горячекатаный	долл. США	830	698	660	94,6	79,5
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	860	763	653	85,6	75,9
Конструкционные профили	долл. США	930	915	713	77,9	76,6
Сортовой прокат	долл. США	908	865	713	82,4	78,5

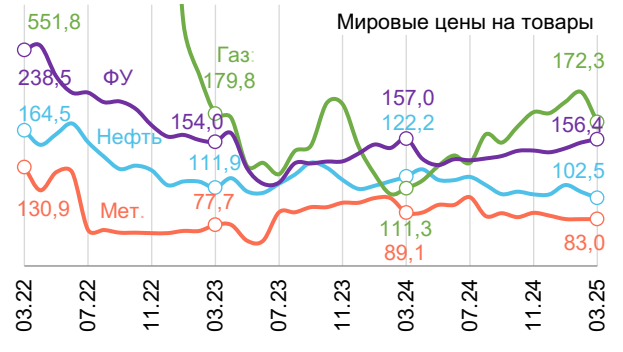
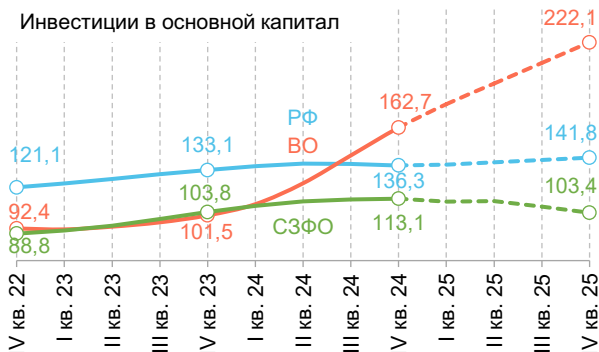
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало мая соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г., %, к	
					2024 г.	2023 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	74667	89350	83375	93,3	111,7
Лист оцинкованный	руб.	85760	117875	105350	89,4	122,8
Лист горячекатаный	руб.	73286	68675	62700	91,3	85,6
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	57817	67592	58995	87,3	102,0
Балка и швеллер	руб.	76959	88094	80963	91,9	105,2
Круг	руб.	57900	65933	58333	88,5	100,7
Уголок	руб.	63543	68500	59800	87,3	94,1

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года



Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2022–2025 гг., % к уровню 2018 года



— Российская Федерация
 — Северо-Западный федеральный округ
 — Вологодская область

— Нефть
 — Газ
 — Металлопродукт
 — Фосфатные удобрения

Подводя итог, отметим, что в I квартале 2025 года экономика как страны в целом, так и СЗФО продолжила развиваться. Однако этот процесс замедлился на фоне накапливающихся негативных явлений, таких как ускорение инфляции и масштабный спад ипотечного кредитования на фоне сохранения высокой ключевой ставки, а также снижение бюджетных доходов, в частности сокращение поступления налогов на доходы физических лиц, на прибыль организаций, акцизных поступлений. Внешним фактором стал шок мировой экономики от нового витка торговых войн, объявленных в середине марта президентом США Дональдом Трампом⁷, которые косвенно ударили по внешнеторговой деятельности России, в частности энергосырьевых субъектов СЗФО. Вместе с тем в экономике макрорегиона отмечен ряд позитивных изменений, таких как активизация в сферах промышленного производства и строительства, рост доходов организаций, увеличение потребительских расходов домохозяйств, а также рост бюджетных расходов на здравоохранение и социальную политику.

В сложившихся условиях повышается важность активизации усилий по ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности, укреплению предпринимательского сектора и развитию потребительского спроса. В качестве примера уже реализованных мер можно привести расширение поддержки промышленных проектов⁸, поддержку аграриев⁹, а также туристической отрасли¹⁰.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, metalinfo.ru, metaltorg.ru, divercitytimes.com

Материал подготовили

М.А. Сидоров
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН
Е.В. Лукин
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

⁷ Трамп ввел пошлины в 25% на поставки в США стали и алюминия. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/530595-tramp-vvel-posliny-v-25-na-postavki-v-ssa-stali-i-aluminia> (дата обращения 19.05.2025).

⁸ Постановление Правительства РФ от 12 мая 2025 г. № 636 о создании инновационного научно-технологического центра «Долина Физтех»; Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2025 г. № 1121-р о выделении 1 млрд руб. на создание в регионах 13 современных образовательно-производственных кластеров; Распоряжение Правительства РФ от 1 мая 2025 г. № 1181-р об актуализации Стратегии развития судостроительной промышленности.

⁹ Распоряжения Правительства РФ от 27 марта 2025 г. № 737-р и №738-р о направлении более 4 млрд руб. на приобретение сельхозтехники для предоставления в лизинг; Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2025 г. № 773-р о возмещении более 450 млн руб. расходов инвесторов на создание объектов агропромышленного комплекса в Амурской области и Приморском крае; Распоряжение Правительства РФ от 18 апреля 2025 г. № 943-р о выделении дополнительно более 400 млн руб. на мероприятия в сфере рыбохозяйственной мелиорации.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2025 г. № 473 об утверждении правил предоставления субсидий на создание модульных гостиниц в 2025–2027 гг.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ОБ ИТОГАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗИТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ»

23 апреля 2025 года в Вологодском научном центре РАН прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов». Мероприятие было организовано в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-78-10054 «Агломерирование или анклавизация: о чем свидетельствует опыт развития крупных городов России?».

На пленарном заседании и заседаниях трех секций обсуждались актуальные вопросы теории, методологии и практики развития городских агломераций в регионах РФ. В мероприятии приняли участие авторитетные ученые, молодые специалисты и

работники органов государственной власти из 14 регионов России, а также Республики Беларусь и Республики Азербайджан. В целом к работе конференции присоединились порядка 80 исследователей, среди которых в качестве докладчиков выступили 7 докторов наук, 27 кандидатов наук (71% выступающих с ученой степенью).

В начале пленарного заседания обратились с приветственным словом к участникам конференции и выступили с краткими докладами директор Вологодского научного центра РАН д-р экон. наук, доцент А.А. Шабунова и научный руководитель Вологодского научного центра РАН член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин.



Далее доклады представили:

– заведующий Центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра РАН канд. экон. наук С.А. Кожевников;

– заместитель директора по научной работе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН д-р экон. наук, профессор, профессор РАН О.В. Кузнецова;

– главный научный сотрудник – заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН д-р экон. наук, профессор Е.М. Бухвальд;

– профессор департамента мировой экономики НИУ «Высшая школа экономики» д-р экон. наук, профессор С.Н. Растворцева;

– ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН канд. экон. наук, доцент Л.В. Мельникова;

– заведующий отделом прогнозирования рынка труда НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь канд. геогр. наук, доцент Г.В. Ридевский;

– заведующий кафедрой региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН канд. геогр. наук, доцент С.С. Лачининский;

– ведущий научный сотрудник, доцент Института географии им. Г.А. Алиева при Министерстве науки и образования Республики Азербайджан доктор философии по географии Э.С. оглы Бадалов;

– ведущий научный сотрудник Центра германских исследований, заведующий сектором экономики ФРГ Института Европы РАН, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ канд. экон. наук А.В. Котов;

– главный научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН д-р экон. наук, доцент П.В. Дружинин;

– председатель правления Фонда «Московский центр урбанистики «Город»,

доцент Финансового университета при Правительстве РФ канд. социол. наук А.Н. Расходчиков;

– профессор кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС д-р экон. наук А.В. Латков.

В ходе работы секции I «Агломерационное строительство: история и перспективы» (модератор – старший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН канд. экон. наук Н.В. Ворошилов) были рассмотрены вопросы становления и развития отдельных городских агломераций России (Абакано-Черногорская, Томская, Челябинская и др.), в т. ч. подходы к определению их состава и границ; правовые и организационные особенности, проблемы и задачи формирования системы стратегического управления агломерациями.

В рамках секции II «Социально-экономические аспекты развития агломераций» (модератор – научный сотрудник Вологодского научного центра РАН канд. экон. наук Е.Д. Копытова) обсуждались актуальные аспекты исследования городских агломераций России (на примере агломераций Крайнего Северо-Востока России, Санкт-Петербургской и Улан-Удэнской и др.) в части демографических параметров их развития, качества жизни населения, рынка труда, специализации экономики, моделирования процессов развития агломераций, оценки агломерационных процессов и их влияния на развитие территорий.

В ходе заседания секции III «Инфраструктурное и экологическое развитие городских агломераций» (модератор – научный сотрудник Вологодского научного центра РАН канд. экон. наук С.С. Патракова) рассматривались вопросы, связанные с анализом и определением направлений решения проблем и задач в сфере дорожно-транспортной, коммунальной инфраструктуры агломераций, экологической ситуации (загрязнение почв, использование новых технологий для озеленения территорий, оценки населением экологического благополучия в крупных городах).

Участники конференции в ходе проведенного после ее завершения анкетного опроса отметили широкий спектр рассматриваемых вопросов, высокий уровень организации мероприятия и качество представленных докладов, а также обозначили рекомендации органам власти (федеральным, региональным, местным) для обеспечения эффективного развития городских агломераций в России, повышения их вклада в достижение национальных, региональных, местных целей и задач социально-экономического развития, а именно:

- формирование нормативно-правовой базы, создающей возможности для регулирования процессов развития городских агломераций, в том числе закрепления единого научно обоснованного понятийного аппарата в данной сфере, расширения возможностей и полномочий органов местного самоуправления;

- конкретизация положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, задач, мероприятий по ее реализации применительно к городским агломерациям как опорным населенным пунктам; рассмотрение возможности проведения комплексной оценки агломерационной развитости региона и регионообразующего значения городских агломераций при разработке и корректировке документов стратегического и территориального планирования, выстраивания региональной политики на федеральном и внутрирегиональном уровнях;

- проработка механизмов развития межмуниципального сотрудничества, в том числе обеспечивающих вовлечение крупных компаний/корпораций в разработку и реализацию межмуниципальных проектов в сфере инфраструктуры, развития кадрового потенциала и др.;

- проработка возможности создания и принятия специальных регламентов по сдерживанию поглощения городов агломерациями (в том числе закрепление определения агломерации как формы доброволь-

ного сотрудничества городов при сохранении их суверенитета);

- разработка индивидуальных мер по развитию каждой городской агломерации с их разделением на: а) меры, направленные на создание инфраструктуры (например, строительство и реконструкция дорог, путепроводов, мостов и т. п.); б) стимулирующие меры, которые направлены не на создание физических объектов, а на изменение поведенческих стратегий населения (например, введение платной парковки, льгот на покупку электромобиля и т. п.); дифференциация этих мер в зависимости от численности населения агломерации и общего уровня ее развитости;

- внедрение инновационных технологий и решений в сферу развития инфраструктуры (например, разработка прогнозов объема потребления тепла в городах, реализация проектов альтернативных, механизмов долгосрочного тарифообразования в теплоснабжении и т. п.) и экологического мониторинга агломераций;

- обеспечение привлечения научного сообщества к решению разного рода задач по развитию городских агломераций России и др.

С информацией об итогах работы конференции и ее программой можно ознакомиться на сайте ВолНЦ РАН (<http://www.volnc.ru/activity/view?id=9949>).

Материал подготовили:

Е.Д. Копытова

*кандидат экономических наук
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН*

Н.В. Ворошилов

*кандидат экономических наук
старший научный сотрудник ФГБУН
ВолНЦ РАН*

С.А. Кожевников

*кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник ФГБУН
ВолНЦ РАН*

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 04.06.2025.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ № 21.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru